

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

ПИТЕР СТРАУБ

ИСТОРИЯ
С ПРИВИДЕНИЯМИ

Легенды хоррора

Питер Страуб

История с привидениями

«Издательство АСТ»

1979

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Страуб П.

История с привидениями / П. Страуб — «Издательство АСТ»,
1979 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-121784-6

Городок Милбурн, штат Нью-Йорк. Здесь четыре пожилых джентльмена каждую неделю собираются, чтобы рассказывать друг другу истории – иногда правдивые, иногда не очень, но всегда страшные. Но одна история их не отпускает, она возвращается снова и снова. История о том, что они когда-то сделали. О жуткой ошибке, которую допустили. И вскоре все жители города поймут, что призраки куда кровожаднее, чем кажется, что прошлое похоронить нельзя, что придуманные ужасы могут ожить и начать убивать в реальности, а любой вымысел способен обернуться настоящим кошмаром, из которого нет выхода.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-121784-6

© Страуб П., 1979
© Издательство АСТ, 1979

Содержание

Пролог. На юг	6
1	6
2	7
3	11
4	14
5	17
6	20
Часть первая. После вечеринки у Джеффри	23
I. Клуб Фантазеров: октябрьские истории	23
Милбурн сквозь призму ностальгии	23
Фредерик Готорн	25
1	25
2	30
Сирс Джеймс	33
1	33
2	34
3	38
4	40
Фредерик Готорн	50
1	50
2	53
3	53
4	55
5	57
6	59
Джон Джеффри	71
1	71
2	72
3	73
II. Вечеринка у Джеффри	76
1	76
2	76
3	77
4	81
5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Питер Страуб

История с привидениями

Peter Straub
Ghost Story

Copyright © 1979 by Peter Straub
© Александр Крышан, перевод, 2021
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Валли Шайо и Грегорио Кохону

*Всюду под нами разверста мрачная бездна, и преисподняя – лишь
преддверие ее.*

Натаниэль Готорн. Мраморный фавн

Призраки всегда алчны.
Р. Д. Джеймисон

Пролог. На юг

1

– Каким был твой самый дурной поступок?

– Я не скажу вам этого, но поведаю о худшем в моей жизни происшествии... о самом чудовищном...

2

Он опасался возможных проблем при перевозе ребенка через канадскую границу и отправился на юг, избегая городов и пользуясь уединенными шоссе, – путешествуя, словно по параллельной стране. Однообразие так успокаивало и вдохновляло его, что за первый день удалось проехать двадцать часов кряду. Они подкреплялись в «Макдоналдсах» и придорожных закусочных: проголодавшись, он съезжал с автострады и катил по параллельной ей второй степенной дороге, зная, что делает крюк не более 15–20 миль. Затем он будил ребенка, и они вдвоем вгрызались в гамбургеры. Девочка никогда первой не заговаривала с ним, ограничивалась только просьбами о самом необходимом. Большую часть времени она спала. Он помнил, как в первую ночь номера его машины подсвечивались лампочками, и – потом оказалось, что это было ни к чему, – он съехал с автострады на неосвещенную дорогу, выкрутил лампочки и забросил их в поле, после чего, зачерпывая пригоршни грязи с обочины, замазал номера. Вытирая руки о штаны, он вернулся к машине и открыл дверь. Девочка спала сидя, выпрямившись в кресле, рот закрыт. Она казалась абсолютно спокойной, а он по-прежнему не знал, что с ней делать.

В Западной Вирджинии он вдруг очнулся как от толчка и понял, что на несколько секунд заснул за рулем.

– Сейчас съедем в сторонку и немного вздремнем, – сказал он. Девочка кивнула.

Он свернул с автострады за Кларксбургом и ехал по шоссе до тех пор, пока не увидел большой красно-белый вращающийся знак с надписью: «Пионер Вилледж». Лишь усилием воли ему удавалось держать глаза открытыми. И с рассудком творилось неладное: ему казалось, что в глазах стоят слезы и он вот-вот разрыдается. Зарулив на парковку у торгового центра, он направился к самому дальнему от въезда ряду и сдал назад, к провололочной изгороди. Позади находилось квадратное кирпичное здание фабрики по изготовлению пластиковых копий животных, которые устанавливали на грузовики «Голден Чикен». Асфальтированный двор был наполовину завален гигантскими пластмассовыми цыплятами и коровами. В самом центре возвышался громадный голубой бык. Уныло-белые некрашенные цыплята казались крупнее коров.

Впереди тянулся почти пустой ряд парковки, далее – песочного цвета здания торгового центра.

– Можно посмотреть больших цыплят? – спросила девочка.

Он отрицательно покачал головой:

– Из машины выходить не будем, просто поспим здесь. – Он закрыл все двери на замки и поднял стекла. Под пристальным взглядом девочки нагнулся, нащупал под сиденьем веревку и велел: – Вытяни руки.

Почти улыбаясь, она протянула ему маленькие ручки со сжатыми кулачками. Он дважды обмотал веревкой запястья, затем связал ей лодыжки. Увидев, что остался запас веревки, он зажал ее свободный конец в одной руке, а другой грубо притянул девочку к себе. Затем обвязал ее и себя и, уже растянувшись на переднем сиденье, сделал последний узел.

Она лежала на нем, ее руки упирались ему в середину живота, голова покоилась у него на груди. Она легко и ровно дышала, будто знала заранее, что он ее привяжет. Часы на приборной панели показывали пять тридцать; становилось прохладнее. Он вытянул ноги, опустил голову на подлокотник и заснул под гудение транспорта.

Ему показалось, что проснулся он сразу же; лицо покрывал пот, и раздражал резкий запах сальных невымытых волос девочки. Уже стемнело; он проспал, наверное, несколько часов. Их так и не обнаружили – забавно было бы, если бы его нашли спящим на парковке торгового центра в Кларксбурге, Западная Вирджиния, в обнимку со связанной девочкой! Он зевнул,

чуть отодвинулся от девочки и разбудил ее. Как и он сам, она мгновенно проснулась; затем отклонила назад голову и внимательно посмотрела на него. В ее взгляде не было страха – только напряженность. Он поспешно развязал узлы и вытащил из-под их тел веревку. Шею кольнуло, когда он выпрямился.

– Хочешь в туалет? – спросил он.

Она кивнула:

– Где?

– За машиной.

– Прямо здесь? На парковке?

– Ты слышала.

Ему снова показалось, что она слегка улыбнулась. Он взглянул на ее напряженное лицо, обрамленное темными волосами.

– Ты меняпустишь?

– Подержу за руку.

– Но ты не будешь подглядывать? – Впервые в ее словах прозвучала неуверенность.

Он покачал головой.

Она протянула руку, чтобы открыть дверь, но он снова покачал головой и твердо взял ее за запястье.

– Выйдешь с моей стороны, – велел он и выбрался наружу, все еще крепко сжимая тоненькое запястье. Она начала боком пролезать к двери – малышка семи-восемью лет с коротко стриженными темными волосами, в коротеньком розовом платьице. Прямо на босые ноги надеты голубые простроченные тенниски, стоптанные на каблучках. Совсем по-детски она сначала опустила на землю одну ногу, поерзала, затем опустила другую и выбралась из автомобиля.

Он обвел ее вокруг машины к проволочному забору фабрики. Девочка наклонила голову и взглянула на него исподлобья:

– Ты обещал мне. Не смотри.

– Не буду, – ответил он.

Он не стал смотреть – просто откинул голову назад, когда она согнулась, вынуждая его склониться вбок. Его взгляд скользил по гротескным пластмассовым животным за забором. Потом он услышал шуршание ткани и взглянул вниз. Она, насколько было возможно, вытянула левую руку и, задрав дешевое розовое платьице до талии, тоже разглядывала пластиковых животных. Когда девочка привела себя в порядок, он отвел от нее взгляд. Она поднялась и теперь ждала, что он прикажет делать дальше. Он повел ее назад к машине.

– Чем ты зарабатываешь себе на жизнь? – спросила она.

От удивления он рассмеялся в голос: вот так светский вопрос!

– Ничем.

– А куда мы едем? Куда ты меня везешь?

Он открыл дверь и отступил в сторону, а она пролезла на свое место.

– Кое-куда, – ответил он. – Везу тебя в одно место.

Он сел за руль.

– Куда?

– Приедем – увидишь.

И снова они ехали всю ночь, и снова девочка почти все время спала, иногда просыпаясь, чтобы поглядеть в ветровое стекло (во сне она сидела в кресле очень прямо, словно кукла в розовом платье и синих теннисках) и задать ему странные вопросы.

– Ты полицейский? – спросила она его однажды, затем, увидев въездной знак: – А что такое Колумбия?

– Город.

– Как Нью-Йорк?

– Да.

– Как Кларксбург?

Он кивнул.

– Мы всегда будем спать в машине?

– Не всегда.

– Можно включить радио?

Он разрешил, и она потянулась вперед и нажала кнопку. Машина наполнилась помехами и двумя-тремя одновременно говорящими голосами. Она нажала другую кнопку – тот же результат.

– Покрути настройку, – подсказал он.

Сосредоточенно нахмурив брови, девочка начала медленно вращать ручку настройки. Через мгновение она нашла чистый сигнал – пела Долли Партон.

– Вот это мне нравится, – заявила она.

Следующие четыре часа они ехали на юг под песни и ритмы кантри. Станции слабели, угасая и сменяя друг друга, чередовались голоса и акценты диск-жокеев, спонсоры соперничали друг с другом в перечнях страховых услуг, зубной пасты, мыла, пепси-колы, погребальных услуг, дешевых наручных часов, шампуня от перхоти... И лишь музыка оставалась неизменной: бесконечно повторялись истории, в которых женщины выходили замуж за фермеров и бродяг и оставались верны им до развода, а мужчины сидели в полных соблазнов барах и мечтали вернуться домой, и возвращались, и воссоединялись с бывшими женами, и снова с отворачиванием расходились, унося в душе тоску о детях...

Однажды он спросил ее:

– Ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Эдвард Вандерлей?

Она не ответила, но изучающе взглянула на него.

– Так слышала?

– А кто это?

– Он был моим дядей, – сказал он, и девочка улыбнулась ему.

– А о человеке по имени Сирс Джеймс?

Она помотала головой, продолжая улыбаться.

– А о человеке по имени Рики Готорн?

Она снова покачала головой. Не было смысла продолжать. Он сам не знал, зачем задавал ей эти вопросы. Вполне возможно, что этих имен она никогда не слышала. Да конечно не слышала.

Как-то раз, еще в Южной Каролине, ему показалось, что патрульный полицейский увязался за ними: полицейский автомобиль шел позади в 20 ярдах, не меняя дистанции. Ему даже показалось, что полицейский говорит что-то по рации. Он сразу же сбросил скорость на пять миль и сменил ряд, но патрульная машина не обогнала его. Сердце его упало: он уже представлял себе, как полицейский обгоняет, включает сирену, приказывая прижаться к обочине. Потом начнутся вопросы. В этот час – около шести вечера – автострада была переполнена машинами: он чувствовал, что попал в ловушку: беспомощный, пассивный участник напряженного движения, уповающий на милость того, кто сидел в патрульной машине. Надо что-то придумать. Его просто влекло общим потоком к Чарльстону, миля за милей по равнине, поросшей кустарником. Вдали виднелись группки убогих домов с остовами гаражей. Номера этой магистрали он не помнил. В зеркале заднего вида он увидел, как в хвосте нескончаемой вереницы машин, позади полицейского автомобиля, старый грузовик выпустил длинный столб черного дыма из похожей на печную выхлопной трубы рядом с двигателем. Он с ужасом представил, как полицейский заорет ему: «Выходи!» и как закричит высоким тонким голосом девочка:

«Он заставил меня поехать с ним, он привязывает меня к себе, когда спит!» Южное солнце, казалось, атаковало его лицо, впилося в поры. Патрульная машина сменила ряд и начала приближаться. «Ублюдок, это не твой ребенок! Кто она?!»

Потом его посадят в камеру и начнут бить, методично обрабатывая дубинками...

Однако ничего этого не произошло.

3

Вскоре после восьми он съехал на узкий проселок, покрытый словно недавно выкопанной рыжей грязью. Он уже не был уверен, в каком штате находится: в Южной Каролине или Джорджии; они – как, впрочем, и все остальные штаты, – словно жидкость, перетекали друг в друга и сливались один с другим, устремляясь вперед, как автострады. Все было неправильно. И находился он в неправильном месте: и жилья здесь не могло быть, и просто находиться здесь нельзя было, в этом диком и враждебном краю. Незнакомые виноградные лозы зелеными плетями цеплялись за бампер. Последние полчаса указатель топлива стоял на «Е». Все было не так. Все! Он взглянул на девочку – девочку, которую похитил. Она спала, как кукла, спина прямая, ноги в теннисках не доставали до пола. Она слишком много спит. Может, больна, может, умирает.

Она проснулась под его взглядом.

– Мне опять нужно в туалет, – проговорила она.

– С тобой все в порядке? Ты не больна?

– В туалет хочу.

– Ладно, – проворчал он и потянулся открыть дверь.

– Можно я сама? Я не убегу. Я ничего такого не сделаю, правда.

Он взглянул на ее серьезное лицо, темные глаза на оливковой коже лица.

– Ну, куда я денусь? Я даже не знаю, где я.

– Я тоже.

– Так можно?

Когда-нибудь это должно было произойти: он не мог держать ее за руку все время.

– Обещаешь? – спросил он, зная, что задает глупый вопрос.

Она кивнула.

– Хорошо, – сказал он.

– А ты обещаешь, что не уедешь?

– Обещаю.

Она открыла дверь и вышла из машины. Это было испытанием – не следить за ней. Проверкой. Ему бы очень хотелось, чтобы ее рука была привязана к его руке. Вот сейчас она пустится наутек, закричит... Но нет, она не кричала. Все-таки часто, думал он, что-то ужасное, чего со страхом ждешь, не происходит: злой рок дает сбой, и все встает на свои места – словно ничего и не было. Он испытал громадное облегчение, когда девочка вернулась, – вот и опять не разверзлась черная пропасть под ним.

Он закрыл глаза и увидел разделенное белыми полосами пустое шоссе, разматывающееся перед ним.

– Надо найти мотель, – произнес он.

Она вытянулась в кресле, ожидая его указаний. Тихонько мурлыкало радио – нежное, ласкающее пение гитары. На мгновение мелькнул образ: девочка мертва, язык высунут, глаза вылезли. Она совершенно не сопротивлялась ему! А потом он стоял – ему так казалось – на улице Нью-Йорка, одной из Восточных Пятидесятих, одной из тех улиц, где хорошо одетые женщины выгуливали овчарок. И была там одна из тех женщин, и тоже прогуливалась. Высокая, в красиво вытертых джинсах и дорогой рубашке, очень загорелая, солнечные очки сдвинуты на лоб – она прошла мимо него. Большая овчарка трусила позади, виляя задом. Он стоял достаточно близко к женщине, чтобы разглядеть веснушки в вырезе расстегнутого ворота ее рубашки.

Ах...

Когда он очнулся от своих мыслей, гитара все еще ласково пела, и, перед тем как включить зажигание, он погладил девочку по голове.

– Поехали, найдем гостиницу, – проговорил он.

Долгий час он просто продолжал движение вперед, защищенный коконом оцепенения и механикой вождения: почти один на темном шоссе.

– Ты не обидишь меня?

– Откуда ж мне знать.

– Не обидишь, я знаю. Ты мой друг.

А затем он не «как будто» перенесся на улицу Нью-Йорка – *он на самом деле* очутился там, на той самой улице, глядя, как загорелая женщина с собакой приближается к нему. И снова он разглядел редкие веснушки в вырезе воротника – он знал, каково будет на вкус коснуться языком этого места. Как это часто бывало в Нью-Йорке, солнца он не видел, но чувствовал его – тяжелое, агрессивное солнце. Женщина была никто – так, прохожая... он и не знал ее совсем, просто она была похожа на... Мимо пролетело такси, металлические поручни справа, надписи на стеклах французского ресторана на другой стороне улицы. Тротуар жег сквозь подошвы ботинок. Где-то наверху мужчина выкрикивал одно и то же слово снова и снова. Он *был* там, он *был*: очевидно, какие-то чувства отразились на его лице, потому что женщина с собакой удивленно взглянула на него, сделала строгое лицо и перешла на противоположную сторону тротуара.

Может, она сказала что-то? Могут люди в галлюцинациях нормально, по-человечески, разговаривать? Можно ли их о чем-то спрашивать и получать ответы на свои вопросы? Он открыл рот. «Мне надо...»

Найти выход, хотел сказать он, но снова оказался в машине. Сырой комочек, бывший когда-то картофельным чипсом, лежал у него на языке.

Каким был твой худший поступок?

Судя по карте, он находился всего лишь в нескольких милях от Валдосты. Он чисто механически вел машину, не решаясь взглянуть на девочку и не зная, спит она или нет, но тем не менее чувствуя на себе ее взгляд. Наконец он проехал указатель: судя по нему, до Самого Дружелюбного Города на Юге оставалось десять миль.

Это был типичный южный городок: немного промышленных зданий на въезде, мастерские, пресовальные цеха, сюрреалистические скопления металлических бараков под дугами фонарями, дворы, уставленные полуразобранными грузовиками. Далее – деревянные дома, нуждающиеся в покраске, группы чернокожих мужчин по углам, их лица неразличимы в темноте, новые дороги начинались и вдруг обрывались, всюду бурьян; всюду по городу бесцельно разъезжают подростки в допотопных машинах.

Он миновал низкое, неуместно новое здание, знамение Нового Юга, с вывеской: «Пальметто Мотор-Инн», притормозил и сдал назад к нему.

Девушка с начесом и конфетно-розово накрашенными губами одарила его бессмысленной и безжизненной улыбкой и двуспальным номером «для меня и моей дочери». В регистрационном журнале он написал: «Ламар Бурже, 155 Ридж Роуд, Стоннингтон, Коннектикут». Вручив дежурной плату за ночь, он взамен получил ключ.

В комнате имелись две односпальные кровати, жесткий коричневый ковер и ядовито-зеленые стены, которые украшали две картины: на одной – наклонивший голову котенок, на другой – индеец, глядящий с вершины утеса на укрытое листвой ущелье, дверь в отделанную голубой плиткой уборную. Он присел на сиденье унитаза, дожидаясь, пока девочка разделась и улеглась в кровать.

Когда он выглянул проверить, как она там, девочка лежала лицом к стене, укрывшись простыней. Ее одежда была разбросана по полу, почти пустой пакет чипсов валялся рядом на кровати. Он забрался в уборную, разделся и встал под душ. Какое блаженство... На мгновение ему показалось, что он вернулся в прежнюю жизнь, что он не Ламар Бурже, а Дон Вандерлей,

живший когда-то в Болинасе, автор двух романов (один из которых принес немного денег), бывший любовник Альмы Мобли, брат покойного Дэвида Вандерлея. Так оно и было. Воспоминания мешали ему – он не мог выкинуть все это из памяти. Его память – ловушка, он словно в замурованной пещере. Однако придется вернуться к реальности. Сейчас он здесь, в мотеле «Пальметто Мотор-Инн». Он выключил душ, и от наслаждения не осталось и следа.

В маленьком номере, освещенном слабым светом прикроватного ночника, он снял джинсы и открыл свой чемодан. Охотничий нож был завернут в рубашку, и он раскатал ее – нож выпал на кровать.

Зажав в руке короткую костяную рукоять, он подошел к кровати девочки. Она спала с открытым ртом; пот блестел на ее лице.

Он долго сидел рядом с ней, держа нож в правой руке, готовый пустить его в ход.

Но в эту ночь не смог. Сдавшись и отступив, он тряс руку девочки, пока ее ресницы не затрепетали.

– Кто ты? – спросил он.

– Я хочу спать.

– Кто ты?

– Отстань. Пожалуйста.

– Кто ты? Я спрашиваю, кто ты?

– Ты знаешь.

– Знаю?

– Знаешь. Я говорила.

– Как тебя зовут?

– Анджи.

– Анджи?..

– Анджи Маул. Я тебе уже говорила.

Он держал нож за спиной так, чтобы она не видела.

– Я хочу спать, – проговорила она. – А ты меня разбудил.

Она вновь повернулась к нему спиной. Словно загипнотизированный, он наблюдал, как она засыпает: кончики пальцев дрогнули, веки сомкнулись, дыхание изменилось. Словно она заставила себя заснуть. Анджи – Анджела? Анджела Маул. Когда она впервые оказалась у него в машине, она назвалась совсем по-другому. Минос? Миннорси? Что-то вроде этого, какое-то итальянское имя – но не Маул.

Он взял нож обеими руками, черная костяная ручка уперлась в его оголенный живот, локти расставлены: оставалось лишь ударить им изо всех сил...

Наконец около трех утра он вернулся в свою кровать.

4

На следующее утро, перед самой выпиской, когда он изучал карты, она заговорила с ним:

– Ты не должен задавать мне такие вопросы.

– Какие вопросы?

Он сидел к ней спиной – по ее просьбе, – пока она надевала розовое платье, и вдруг почувствовал, что должен повернуться, прямо сейчас, чтобы видеть ее. Он вдруг представил свой нож в ее руках (хотя тот лежал на дне чемодана, завернутый в рубашку), почувствовал, как он уже колет его кожу.

– Я уже могу повернуться?

– Да, конечно.

Медленно, все еще чувствуя, как нож, его нож, входит в тело, он развернулся вместе со стулом. Девочка сидела на неубранной кровати, наблюдая за ним. Напряженное некрасивое лицо.

– Какие вопросы?

– Сам знаешь.

– Ну, скажи.

Она покачала головой и промолчала.

– Хочешь, покажу, куда мы едем?

Девочка подошла к нему, не медленно, но как бы взвешенно, словно не желая показать недоверие.

– Вот сюда, – сказал он, указывая на точку на карте. – Панама-Сити, это во Флориде.

– Мы увидим море?

– Возможно.

– И не будем больше спать в машине?

– Нет.

– Это далеко?

– Можно доехать за ночь. Поедем по этой дороге – вот этой, – видишь?

– Угу.

Ей было неинтересно. Она немного наклонилась вбок и безучастно спросила:

– Как ты думаешь, я хорошенькая?

Что в твоей жизни было наихудшим? То, что ты однажды ночью раздевался у кровати девятилетней девочки? Что ты держал в руке нож? Нож, которым хотел убить ее?

Нет. Все остальное было намного хуже.

Не доезжая до крупной автострады, они остановились возле белого здания с вывеской: «Бадди Саплайз».

– Анджи, пойдешь со мной?

Она открыла дверь со своей стороны и все так же по-детски, словно спускаясь по лестнице, вылезла из машины. Он открыл входную дверь и пропустил ее вперед. Полный мужчина в белой рубашке, похожий на Ухти-Тухти, возвышался над прилавком.

– Вы скрываете свои доходы, – с ходу заявил он. – И вы у меня сегодня первые покупатели. Можете поверить? Полтретьего, а вы – первый человек здесь. Нет, – продолжил он, подавшись вперед, и впился в них взглядом. – Ни черта. Ты тот самый парень, что позавчера укокошил четыре-пять человек в Талласси.

– Что? – опешил он. – Я пришел, чтоб купить немного еды... Моя дочь...

– Попался, – сказал толстяк. – Я бывший коп. Аллентаун, Пенсильвания. Двадцать лет. Купил эту лавку, потому что мне сказали, что она будет приносить больше ста долларов в неделю. Повсюду полно жуликов. Кто бы ни вошел сюда, я жулика вижу насквозь. Вот и ты попался. Ты не убийца. Ты – похититель детей.

– Нет, я... – Он почувствовал, как струйки пота потекли по бокам. – Моя девочка...

– Не вкручивай мне. Двадцать лет в полиции.

Он в беспокойстве оглядел лавку в поисках девочки. Наконец увидел ее – она внимательно рассматривала полку, уставленную банками с ореховым маслом.

– Анджи! – позвал он. – Анджи, поди сюда.

– А, да ладно, – сказал толстяк. – Я просто попугал тебя. Расслабься. Хочешь орехового масла, девочка?

Анджи взглянула на него и кивнула.

– Ну так возьми с полки и неси сюда. Что-нибудь еще, мистер? Если ты – Бруно Гауптман¹, я должен буду тебя задержать. У меня с собой служебный пистолет. Завалю сразу, можешь не сомневаться.

Он видел, что толстяк просто грубо забавляется, однако с трудом скрывал дрожь. Может, этот экс-коп заметил что-нибудь? Он повернулся к проходу между полками.

– Эй, послушай, – сказал ему в спину Бадди. – Если с тобой что не так – проваливай отсюда к черту, да поскорее.

– Нет-нет, – ответил он. – Мне нужно купить кое-что...

– А вы с ней не очень-то похожи.

Не видя ничего перед собой, он начал снимать с полок продукты подряд, без разбору. Банка маринованных огурцов, яблочный джем, консервированная ветчина, две или три банки, на которые он даже не взглянул. Все это он притащил к кассе.

Толстяк Бадди подозрительно уставился на него.

– Ну вы меня и напугали, – сказал он толстяку. – Я сегодня не выспался: едем уже несколько дней... – фантазия иссякла. – Я везу малышку к бабушке, в Тампу. – Анджи крунулась на одной ноге, держа в руках две банки орехового масла, и изумленно смотрела на него, пока он говорил. – Угу, в Тампу. По милости ее мамочки мы с женой разбежались, и мне теперь надо найти работу, чтобы как-то привести дела в порядок, да, Анджи?

Челюсть у девочки отвисла.

– Тебя зовут Анджи? – спросил толстяк у нее.

Она кивнула.

– А это твой папа?

Он почувствовал, что сейчас упадет.

– Теперь да, – сказала она.

Толстяк рассмеялся.

– «Теперь да»! Во дает! Черт возьми. Устами младенца глаголет истина. Ладно, психи, гоните монету. – Даже не потрудившись встать, он оформил их покупки. – Вам точно пора отдохнуть немного. Вы мне напоминаете те два миллиона жуликов, которых я перетаскал в свой участок.

Уже снаружи Вандерлей проговорил:

– Спасибо, что сказала так.

– Что сказала?

А затем, чисто механически, качая головой, как китайский болванчик:

¹ *Бруно Ричард Гауптман* – немецкий нелегал, обвиненный в похищении и убийстве сына знаменитых авиаторов Чарльза Линдберга и Анны Морроу Линдберг. Двадцатимесячный Чарльз Август Линдберг был похищен с требованием выкупа в 50 тысяч долларов. Выкуп выплатили, но ребенка так и не вернули. 12 мая 1932 года его сильно разложившееся тело было обнаружено в нескольких милях от дома Линдбергов. В 1935 г. Гауптман был признан судом виновным и казнен.

– Что сказала? Что сказала? Что сказала?

5

В Панама-Сити он подрулил к кемпингу «Галф Глимпс Мотор Лодж» – группке убогих кирпичных бунгало вокруг парковки. Домик владельца стоял на въезде отдельно от других зданий и ничем не выделялся, разве что большим окном, за которым в самом пекле сидел тучный пожилой мужчина в очках с золотой оправой и мятой футболке. Он смахивал на Адольфа Эйхмана. Суровое застывшее выражение его лица напомнило Вандерлею, что говорил экс-коп о нем и девочке: в самом деле он, блондин с нежной кожей, совсем не был похож на нее. Он подъехал к этому домику и вышел из машины. Ладони его вспотели. Однако когда он оказался внутри и попросил комнату для себя и дочери, старик лишь едва взглянул на девочку в машине и произнес:

– Десять пятьдесят в день. Запишитесь в журнал. Захотите есть – попробуйте в «Ит-Мор» через квартал отсюда. В бунгало не готовим. Вы планируете остановиться больше, чем на ночь, мистер... – он повернулся к журналу. – Босвелл?

– Может, даже на неделю.

– Тогда внесите задаток за два дня.

Он отсчитал двадцать один доллар, и хозяин выдал ключ.

– Номер одиннадцать. Через парковку.

Он внимательно оглядел номер: белые стены, пахнет моющим средством для туалета, жесткий ковер, две узкие кровати с чистыми, но изношенными простынями, телевизор с двенадцатидюймовым экраном и две отвратительные картины с изображением цветов. Для своей стоимости комната была слишком холодной.

Девочка с интересом рассматривала кровать у стены.

– Что такое «Волшебные пальчики»? Я хочу попробовать. Можно? Пожалуйста!

– Да они, наверное, не работают.

– Ну, можно? Я хочу попробовать. Пожалуйста?

– Хорошо. Ложись там. Я пойду куплю кое-какую одежду. Не уходи никуда до моего прихода. Надо опустить 25 центов вот сюда, видишь? Когда вернусь, перекусим.

Девочка лежала на кровати и нетерпеливо кивала, глядя не на него, а на монету в его руке.

– Говорю, мы поедем, когда вернусь. Попробую и тебе купить новую одежду. Нельзя носить одно и то же все время.

– Опusti монетку!

Он пожал плечами, протолкнул четвертак в щель, и сразу же послышалось жужжание. Девочка поудобнее устроилась на кровати, раскинула руки. Лицо ее напряглось.

– Ой, как здорово!

– Я скоро вернусь. – Он вышел на слепящий солнечный свет и впервые почувствовал запах моря.

Отсюда было видно далекий залив. На противоположной стороне дороги, по которой он ехал в город, земля словно резко обрывалась, открывая заросшие бурьяном и заваленные мусором пустыри, а дальше, за корпусами складов, открывался серый вспененный простор Мексиканского залива.

В супермаркете «Остров сокровищ» он купил джинсы и две футболки для девочки, а себе – свежее белье, носки, две рубашки, пару брюк цвета хаки и мокасины. С двумя большими пакетами он вышел и зашагал в сторону центра города. Навстречу ему плыли дизельные выхлопы, мимо катили машины со стикерами на бамперах «Берегите наш Юг». По тротуарам шагали стриженные «под ежик» мужчины в рубашках с короткими рукавами. Когда он увидел полицейского в форме, пытавшегося одновременно есть рожок мороженого и выписывать

штраф за парковку, он нырнул между пикапом и фургоном «Треилуэйз» и перешел на другую сторону улицы. Струйка пота, пробежав по левой брови, попала в глаз; он сохранял спокойствие. И снова катастрофа не разразилась.

Автовокзал он обнаружил случайно – тот занимал полквартала: огромное новое здание с узкими окнами черного стекла. Он подумал: «Альма Мобли, ее метка». Войдя в просторное помещение зала ожидания через вращающуюся дверь, он увидел несколько человек, бесцельно коротавших время на скамейках, – привычная картина на автовокзале: несколько бодрых не по возрасту (сохранивших молодость души) мужчин, с испещренными морщинами лицами и сложными прическами, стайка носящихся по залу ребятишек, спящий бич, три-четыре подростка в ковбойских сапогах и с волосами до плеч. Еще один коп стоял, привалившись к стене у газетного прилавка. Ищет его? Дона вновь охватила паника, но коп едва взглянул на него. Дон сделал вид, что изучает табло отправления-прибытия, а затем с преувеличенной беспечностью направился в мужской туалет. Раздевшись до пояса, он умылся у раковины. С него сошло столько грязи, что он вымылся снова, расплескивая воду на пол и ожесточенно втирая зеленое жидкое мыло под мышки и в шею. Потом он вытерся и надел одну из новых рубашек – светло-голубую в красную полоску. Всю старую одежду он затолкал в фирменный пакет «Острова сокровищ».

Выйдя из супермаркета, он взглянул на небо – ему показалось странной его серо-голубая зернистость. Такое же небо, подумал он, висит и над флоридскими островами и топями, что простираются дальше на юге; оно хранит жару, удваивая и учетверяя ее, вызывает к фантастическому росту семена и растения и заставляет их тянуться к себе ростками... такое же небо, наверное, всегда будет над Альмой Мобли... Он сунул пакет в корзину для мусора.

Он узнал знакомую жуткую гамму ощущений и вышел на самое пекло почти против своей воли: он шел, сознательно обходя тени. За два года до того, как события сплелись в зловеющий клубок, он был беззаботен и полон оптимизма – до того случая с Альмой Мобли, до смерти брата. В каком-то смысле, косвенно или нет, она убила Дэвида Вандерлея: ему же просто повезло избежать того, что заставило Дэвида выброситься из окна отеля в Амстердаме. И только книга вернула его к жизни, книга об *этом*, ужасающе сложная путаница в его отношениях с Альмой и Дэвидом, книга о привидениях. Так он думал.

Панама-Сити? Флорида? Что он здесь делал в компании странной апатичной девочки, похищенной им? Кто или что влекло его на юг?

Он всегда был чудаковатым, беспокойным – в противоположность сильному Дэвиду. В экономике их семьи его нищета уравновешивала успех Дэвида; его честолюбие и амбиции («Ты и в самом деле считаешь, что сможешь зарабатывать себе на жизнь писательством?» – говорил ему отец) в противовес здравому смыслу и трудолюбию Дэвида, его устойчивому успеху и прогрессу в правовом колледже и его адвокатской фирме. А когда Дэвид неожиданно окунулся в повседневность, это убило его. Вот это и было самым ужасным в его жизни. До прошлой зимы. До Милбурна.

Задыхаясь от жары, он развернулся и побрел назад, к перекрестку дорожек у подножия холма, – и почти сразу увидел надгробие могилы брата: маленькое, из красного мрамора, с эпитафией: «Дэвид Вэбстер Вандерлей, 1939–1975». Он побежал. Да, он видел могилу Дэвида, только Дэвида в ней не было – брата кремировали в Голландии, а урну с пеплом прислали матери. Надгробие Дэвида – да, с именем Дэвида – да. Но то, что заставило его почти сломя голову бежать отсюда, с холма, – ощущение, что это его собственная могила; что, если упасть на колени и раскопать ее, в гробу окажется его собственное разложившееся тело.

Он направился в единственное здесь дарящее прохладу место – вестибюль отеля. Надо бы сесть, успокоиться. Под безучастными взглядами портье и девушки с журнальной обложки он рухнул на диван. Его лицо блестело от пота. Чехол неприятно колол спину; он выпрямился и посмотрел на часы. Надо взять себя в руки – как будто он просто ждет здесь кого-то; надо унять

дрожь. Повсюду в вестибюле торчали пальмы в кадках. Под потолком крутился вентилятор. Худой старик в фиолетовой униформе стоял у открытого лифта и смотрел на него: поймав взгляд старика, он отвел глаза в сторону.

Обретя наконец способность воспринимать окружающие звуки, он вдруг осознал, что с того момента, как увидел надгробие, ничего не слышал. Биение сердца заглушало все. Теперь же слух отмечал жужжание пылесоса на не видимой отсюда лестнице, приглушенные звонки телефона, мягкое шипение закрывшихся дверей лифта. В фойе кое-где сидели люди, разговаривали. Он почувствовал, что может вернуться на улицу.

6

– Я хочу есть, – объявила она.

– Я купил тебе новую одежду.

– Не хочу новую одежду, хочу есть.

Он пересек комнату и сел на пустой стул.

– Я думал, тебе надоело носить все время одно и то же.

– Мне все равно, что я ношу.

– Ясно, – он бросил пакет на кровать перед ней. – Я думал, это тебе понравится.

Она не ответила.

– Я накормлю тебя, если ответишь мне на кое-какие вопросы.

Она отвернулась от него и начала собирать в кулачки простыни, сминая, а затем разглаживая их.

– Как тебя зовут?

– Я говорила тебе. Анджи.

– Анджи Маул?

– Нет. Анджи Митчелл.

Пусть так.

– А почему твои родители не заявили в полицию о твоей пропаже? Почему нас до сих пор не нашли?

– У меня нет родителей.

– У всех есть родители.

– У всех, кроме сирот.

– Кто заботится о тебе?

– Ты.

– А до меня?

– Замолчи! Замолчи! – Лоснящееся лицо ее сделалось надутым и замкнутым.

– Ты и вправду сирота?

– *Замолчи, замолчи, замолчи!*

Пытаясь успокоить девочку, он достал из пакета с продуктами банку консервированной ветчины.

– Ну ладно, давай-ка лучше перекусим.

– Давай. – Она будто и не вопила только что. – И еще хочу арахисового масла.

Когда он принялся нарезать ветчину, она спросила:

– А у тебя хватит денег, чтоб позаботиться о нас?

Ела она своеобразно: сначала набивала рот ветчиной, затем запускала пальцы в банку с арахисовым маслом и, зачерпнув оттуда массу, облизывала их и жевала все одновременно, умудряясь при этом приговаривать: «Вкуснятина!»

– Если я посплю немного, ты ведь не удерешь?

Она покачала головой:

– А можно погулять?

– Можно.

Теперь он пил пиво из банки – он купил упаковку в лавке на обратном пути; от сытости клонило в сон, и он чувствовал, что если сейчас не приляжет, то заснет прямо на стуле. Она сказала:

– Не надо меня больше привязывать. Я вернусь. Поверь мне, хорошо?

Он кивнул.

– Куда я могу уйти. Некуда.

– Ладно, – сказал он.

И опять он почувствовал, что не может говорить с ней так, как этого хочет: она владела собой.

– Можешь погулять, но недолго.

Он вел себя, как ее отец: он знал, что она навязала ему эту роль. Это было нелепо.

Он смотрел, как девочка выходит из комнаты. Позже, ворочаясь во сне, он смутно слышал, как щелкнула дверь, и понял, что она вернулась. Она была в его власти.

В эту ночь он снова лежал полностью одетый на кровати, наблюдая за спящей девочкой. После двух часов, проведенных без движения, мышцы заныли, и он сел, упершись локтями в колени, – словно все эти позы были частью какого-то ритуала. И почти не отрывал взгляда от девочки. Она лежала абсолютно тихо – сон унес ее куда-то, оставив лишь тело. Даже лежа здесь, рядом с ним, она убежала от него.

Он поднялся, подошел к чемодану, вытащил закатанную в рулон рубашку и повернулся к ее кровати. Потом взялся за воротник рубашки, и на постель вывалился охотничий нож. Нож был слишком тяжелым и не отскочил. Вандерлей поднял его и взвесил в руке.

Он спрятал нож за спиной и потряс девочку за плечо. Контуры ее тела казались ему расплывчатыми, пока она не повернулась и не уткнулась лицом в подушку. Он опять ухватил ее за плечо и почувствовал длинную тонкую косточку – словно крыло, торчащее из-за спины.

– Уходи, – пробормотала она в подушку.

– Нет. Давай поговорим.

– Уже поздно.

Он потормошил ее и, когда она не ответила, попытался силой развернуть лицом к себе. Маленькая и худенькая, она достаточно сильно сопротивлялась. Он так и не смог заставить ее повернуться лицом к себе.

Потом девочка резко повернулась сама, словно наконец возмутилась. Лицо заспанное, но сердитое выражение делало его старше.

– Как твое имя?

– Анджи, – она вдруг беззаботно улыбнулась. – Анджи Маул.

– Откуда ты?

– Ты знаешь.

Он кивнул.

– Как звали твоих родителей?

– Не знаю.

– Кто растил тебя, пока я тебя не увез?

– Не имеет значения.

– Почему же?

– Это не важно. Просто люди.

– Их фамилия была Маул?

Ее улыбка стала более дерзкой:

– А это важно? Ты прямо все хочешь знать.

– Что ты имеешь в виду – «просто люди»?

– Они просто люди, их фамилия Митчелл. Вот и все.

– И ты сама изменила свою фамилию?

– Ну и что?

– Не знаю... – Это было правдой.

Они смотрели друг на друга. Он сидел на краю кровати, прятал за спиной нож и сознавал: что бы ни случилось, он не сможет пустить оружие в ход. Он подумал, что Дэвид тоже не смог бы отнять жизнь – у кого угодно, кроме себя самого, что он и сделал. А девочка, похоже, знала,

что он прячет нож, мелькнула мысль. И просто не воспринимала это как угрозу. Для нее это и не было угрозой. И сам он не был ей угрозой. Она ничуть не боялась его.

– Так, хорошо, давай сначала, – сказал он. – Кто ты?

Впервые с того момента, как она оказалась в его машине, девочка улыбнулась по-настоящему. Это была разительная перемена, не принесшая, однако, ему облегчения: никогда прежде она не выглядела такой взрослой.

Она сказала:

– Ты знаешь.

– *Что* ты такое? – настаивал он.

Она вся осветилась улыбкой:

– Я – это ты.

– Нет, я – это я. Ты – это ты.

– Я – это ты.

– *Что* же ты такое?! – вырвалось в отчаянье у него.

Затем на короткий миг он перенесся назад, на улицу в Нью-Йорке, и увидел перед собой уже не загорелую модно одетую незнакомку, а Дэвида: лицо брата было изъедено червями, и тело покрывала изорванная и гниющая одежда.

...о самом чудовищном...

Часть первая. После вечеринки у Джеффри

*Как тоскливо сквозь ветви блистает луна,
Как уныло сквозь ветви блистает луна.*

Блюз

I. Клуб Фантазеров: октябрьские истории

*Первые литературные герои Америки были пожилыми людьми.
Роберт Фергюссон*

Милбурн сквозь призму ностальгии

Ранним октябрьским утром Фредерик Готорн, семидесятилетний адвокат, вышел из своего дома на Мелроуз-авеню, Милбурн, штат Нью-Йорк, прогуляться пешком до своего офиса на Уит Роу, что начиналась сразу за площадью. Для ранней осени было непривычно холодно, и Рики оделся потеплее: зимнее твидовое пальто, кашемировый шарф и серая шляпа. Чтобы разогреться, он быстрым шагом прошелся по Мелроуз-авеню: мимо массивных дубов и стройных кленов, расцвеченных лишь тенями оранжевого и красного, – еще одно удивительно раннее прикосновение осени. Рики легко простужался, и будь сейчас градусов на пять холоднее, пришлось бы ехать на машине. Однако сегодня, укутав шарфом шею от ветра, он наслаждался прогулкой. Свернув с Мелроуз-авеню к площади, он почувствовал, что достаточно согрелся, и сбавил шаг. Рики не торопился на работу: клиенты редко приходили раньше полудня. Его партнер и друг Сирс Джеймс появится минут через сорок пять, и у Рики оставалось достаточно времени, чтобы легким шагом прогуляться через Милбурн, здороваясь со встречными и разглядывая то, что любил разглядывать.

А больше всего он любил разглядывать сам Милбурн – городок, в котором (за исключением лет, проведенных в университете, правовом колледже и армии) прошла вся его жизнь. Ему никогда не хотелось жить где-то в другом месте, хотя в первые годы после женитьбы его красивая и неутомная жена частенько жаловалась, что Милбурн уныл. Стеллу решительно тянуло в Нью-Йорк. Это была одна из его побед. Рики казалось непостижимым – как может Милбурн казаться скучным: если семьдесят лет пристально наблюдать за жизнью города, можно услышать поступь столетия. А если столько же наблюдать за Нью-Йорком, полагал Рики, то услышишь в основном лишь звуки жизни одного Нью-Йорка. Ему казалось, что здания в Нью-Йорке появлялись и исчезали слишком быстро, жители двигались чересчур стремительно, закованные каждый в плотный эгоцентричный кокон. Кроме того, в Нью-Йорке по меньшей мере пара сотен тысяч адвокатов; в Милбурне же – от силы пять-шесть, и они с Сирсом на протяжении уже сорока лет были самыми выдающимися из них.

Он вошел в деловой район, начинавшийся за два квартала к западу от площади и тянувшийся еще на четыре квартала по другую ее сторону, и, проходя мимо «Риальто» – кинотеатра Кларка Маллигэна, – замедлил шаг, чтобы взглянуть на афишу. То, что он увидел, заставило его поморщиться. На постерах перед «Риальто» было окровавленное лицо девушки. Фильмы, что любил Рики, теперь увидишь разве только по телевизору: он полагал, что киноиндустрия сбилась с курса примерно тогда, когда ушел на пенсию Вильям Пауэлл. (Он также полагал, что

Кларк Маллигэн того же мнения.) Слишком многие современные фильмы были похожи на его сны, ставшие за последний года такими живыми и отчетливыми.

Рики с облегчением отвернулся от кинотеатра. Время оставило заметные следы на первых многоэтажных зданиях Милбурна: даже деревья казались моложе домов. Он шел, под носками черных лакированных туфель хрустели листья; он шел мимо домов – близнецов тех, что на Уит Роу, – а следом за ним летели воспоминания о его собственном детстве, связанные с этими улицами. Он улыбался, а если бы кто-нибудь из тех, с кем он здоровался, спросил, о чем он думает, он бы, наверное, ответил (если бы позволил себе такую напыщенность): «О чем? О тротуарах. Я частенько думаю о тротуарах. Одно из моих самых ранних воспоминаний – это как проложили тротуары вдоль всей Кендлмейкер-стрит, прямо отсюда – и к площади. Тогда еще блоки привозили на лошадях... Видите ли, тротуары внесли большой вклад в развитие цивилизации, чем двигатель внутреннего сгорания. В старину весной и зимой приходилось плестись по колено в грязи и невозможно было войти в гостиную, не испачкав пола. А летом всюду столько пыли!..» Разумеется, припомнил он, гостинные канули в Лету как раз тогда, когда появились тротуары.

На площади его ожидал еще один неприятный сюрприз. Некоторые деревья, окаймлявшие широкий газон, стояли почти голые, а у большинства других имелись, по крайней мере, несколько полностью облетевших ветвей; и, хотя, как Рики и полагал, листва еще была полна осеннего разноцветья, последняя ночь изменила баланс, и теперь на фоне ярких листьев отчетливо виднелись черные ветки, тянувшиеся словно кости рук и пальцев скелета и напоминавшие: идет зима. А площадь усыпало мертвой листвой.

– Привет, м-р Готорн! – сказал кто-то рядом.

Он повернулся и увидел Питера Барнса, старшеклассника, чей отец был на 20 лет моложе Рики и входил в дальний круг его друзей. Ближний же круг состоял из четырех мужчин его возраста – прежде их было пятеро, но Эдвард Вандерлей умер почти год назад. Ему стало совсем грустно, а грустить в его сегодняшние планы не входило.

– Привет, Питер, – откликнулся он. – Ты же должен идти в школу.

– Сегодня уроки на час позже: опять отопление неисправно.

Питер Барнс стоял рядом с ним – симпатичный парень в лыжном свитере и джинсах. Его темные волосы казались Рики очень уж по-девчоночьи длинными, но разворот плеч обещал в будущем, когда парень начнет мужать, фигуру намного крупнее, чем у его отца. Хотя девушкам, скорее всего, его волосы не казались девчоночьими.

– Гуляешь?

– Точно, – ответил Питер. – Иногда приятно просто побродить по городу, посмотреть туда-сюда...

Рики едва не просиял:

– Что ж, это верно! Я тоже так считаю. Я всегда любил прогулки по городу. Станные мысли иногда приходят в голову. Я как раз думал о том, что тротуары изменили мир. Они сделали нас цивилизованней.

– Да? – произнес Питер, удивленно глядя на него.

– Знаю, знаю – я говорю о странностях, что приходят порой мне в голову. Как поживает Уолтер?

– Прекрасно. Он сейчас в банке.

– А Кристина – тоже все хорошо?

– Конечно, – сказал Питер, и Рики почувствовал холодок в ответе на вопрос о матери. Что-то не так? Он вспомнил, как несколько месяцев назад Уолтер пожаловался ему, что Кристина в последнее время не в духе. Однако Рики, заставшему родителей Питера еще подростками, их проблемы всегда казались чуточку надуманными: какие могут быть серьезные проблемы у людей, перед которыми распахнут весь мир и впереди вся жизнь? – А знаешь, – сказал

он. – Мы целую вечность не разговаривали так. Отец еще не смирился с твоим решением отправиться в Корнелл?

Питер криво улыбнулся.

– К сожалению. Он, наверное, не знает, как трудно поступить в Йель. В его годы это было намного проще.

– Это точно, – ответил Рики, вспомнив обстоятельства его последнего разговора с Питером Барнсом. Вечеринка у Джона Джеффри: тогда погиб Эдвард Вандерлей.

– Ну, ладно, я пойду, поболтаюсь немного по универмагу, – сказал Питер.

– Конечно, – отозвался Рики, невольно припоминая подробности того вечера. Ему казалось, что с той ночи что-то радикально изменилось, жизнь потеряла краски с той ночи.

– Ну, я пошел, – повторил Питер и отступил на шаг.

– Конечно, я тебя не задерживаю, – ответил Рики. – Я просто задумался.

– О тротуарах?

– Нет, разбойник.

Питер улыбнулся и, попрощавшись, легко зашагал через площадь.

Рики заметил «линкольн» Сирса Джеймса, проезжавший мимо отеля «Арчер» с обычной для него скоростью (на 10 миль медленнее, чем все остальные машины), и поспешил к Уит Роу. Мрачные мысли не покидали его; он вновь увидел голые ветви, пронзительно красные последние листья, суровое окровавленное лицо девушки с киноафиши и припомнил, что сегодня вечером его черед рассказывать историю на заседании Клуба Фантазеров. Он ускорил шаг и задумался: что же поколебало его сильный дух? Он знал ответ – Эдвард Вандерлей. Даже Сирс, следом за остальными членами Клуба, поддался этой депрессии. У Рики оставалось двенадцать часов, чтобы обдумать свой рассказ.

– О, Сирс, – произнес он, поднимаясь по ступенькам здания. Его партнер в этот момент выбирался из «линкольна». – Доброе утро. Вечером встречаемся у тебя, не так ли?

– Рики, – ответил Сирс. – В такую рань определенно не следует *щебетать*.

Сирс тяжело двинулся вперед, и Рики прошел в дверь следом за ним, оставляя Милбурн за спиной.

Фредерик Готорн

1

Из всех комнат, в которых они обыкновенно встречались, библиотеку в доме Сирса Джеймса Рики любил особенно: ее стулья с потертыми кожаными сиденьями, высокие застекленные книжные шкафы, напитки на маленьких круглых столиках, гравюры на стенах, заглушающий шаги старый иранский ковер под ногами и воспоминания о старых добрых сигарах. Так и не связав себя женитьбой, Сирс никогда не изменял своей большой любви к комфорту. В течение стольких лет приходя сюда, остальные трое мужчин всякий раз невольно отдавались чувству удовольствия, и расслабления, и зависти: здесь, в библиотеке дома Сирса, в котором наводила порядок вечно суетливая и деятельная экономка Милли Шин. Но все они – и Рики Готорн, пожалуй, больше других – хотели бы иметь собственное такое же убежище. Однако у Сирса всегда было больше денег, чем у них, так же как и его отец был богаче их отцов. Это тянулось из глубины пяти поколений, с тех самых пор, когда провинциальный бакалейщик хладнокровно бросил вызов судьбе и обратил семейство Джеймсов в статус мелких рантье: во времена прадеда Сирса женщины были худощавыми, трепетными, декоративными и бесполезными, мужчины занимались охотой и оканчивали Гарвард, и все они выезжали на лето в Саратога-Спрингс. Отец Сирса был профессором древних языков в Гарварде, где у него имелся

третий по счету дом. Сам же Сирс стал адвокатом потому, что полагал тогда, что мужчина без профессии аморален. Проработав около года в школе, он понял, что не сможет быть педагогом. Остальные – кузены и братья – пали жертвами обеспеченной жизни: несчастные случаи на охоте, циррозы, сердечные приступы; однако Сирс, старый друг Рики, пока еще держался и считался если и не самым обаятельным стариком Милбурна – тут первенство несомненно принадлежало Льюису Бенедикту, – то уж, во всяком случае, самым видным. Имей он бороду, он стал бы точной копией своего отца: высокий, лысый, массивный, с круглым утонченным лицом и голубыми, все еще очень молодыми глазами.

Рики подумал, что мог бы позавидовать и присущей Сирсу властной манере держаться: сам он никогда ничем особенным не выделялся. Он был слишком маленьким и аккуратным. Только усы выдавали его возраст, становясь все пышнее по мере того, как седали. Когда со временем его щеки немного обвисли, лицо не стало более выразительным – оно стало умнее. Но будь он действительно умным, никогда бы не стал чем-то вроде вечного младшего партнера в собственной фирме. А ведь именно его отец, Гарольд Готорн, принял Сирса в их фирму. Много лет назад он с радостным возбуждением ждал, когда же его друг станет частью их дела. Теперь же, расположившись в удобном кресле, он подумал, что до сих пор рад этому; годы дружбы связали их, как брак связал его и Стеллу, и это деловое супружество было куда как более безоблачным, чем семейное, – даже в тех случаях, когда клиенты, ведя с ними переговоры, смотрели на Сирса, а не на него. Вот этого бы Стелла не потерпела. (Хотя за все годы их супружества никто, будучи в здравом рассудке, не в силах был бы обойти взглядом красавицу Стеллу, когда разговаривал с ним.)

Да, подумал он в тысячный раз, ему очень нравилось здесь. Возможно, это противоречило его принципам и строгим нравам давно утраченной религиозности, но библиотека Сирса – как, пожалуй, и весь его прекрасный дом – была уголком, где мужчина чувствовал себя свободным. Однако Стелла без сомнений дала понять, что в таком месте и женщина может чувствовать себя свободной. Порой она вела себя в доме Сирса, как в своем собственном, и Сирс ей это позволял. И именно Стелла во время одной из встреч (двенадцать лет назад она зашла в библиотеку с видом, будто ведет за собой взвод архитекторов) дала название их обществу. «А, вот вы где, – сказала тогда она. – Ну, прямо Клуб Фантазеров. Вы отнимете у меня мужа на целую ночь, Сирс? А вы, ребята, еще не устали от своих сказок?» Пожалуй, именно Стелла, думал он, своей неувыдаемой энергичностью, проницательностью и поддразниванием уберегала его от старости, что сломила Джона Джеффри. Их старый друг Джон считался «старым», несмотря на то, что был на полгода моложе Готорна, на год – Сирса и всего лишь на пять лет старше Льюиса, самого младшего члена Клуба.

Льюис Бенедикт, по слухам – виновник гибели своей жены, сидел прямо напротив Рики и казался воплощением прекрасного здоровья. Время состарило их всех, применяя закон вычитания, Льюис же только приобретал. В молодости он был другим, а сейчас очень походил на Кери Гранта. Подбородок его не был дряблым и отвисшим, и волосы не выпадали. Он стал почти до нелепости красив. В этот вечер он не блистал безмятежным остроумием, а на его лице застыло ожидание. Как правило, лучшие истории рассказывались именно здесь, в доме Сирса.

– Кого поджарим сегодня? – спросил Льюис исключительно из вежливости, так как все знали правила Клуба: приходить только в смокингах (потому что тридцать лет назад эта идея понравилась Сирсу); никогда не выпивать помногу (теперь они были уже слишком стары для этого); никогда не пытаться выяснить, правдива ли рассказанная история (потому что даже самая наглая лож являлась в каком-то смысле правдой), и, хотя истории рассказывались по кругу, никогда не настаивать, если кто-то оказывался не готов к рассказу.

Готорн уже приготовился исповедаться, когда его прервал Джон Джеффри:

– Я все думаю... – проговорил он под инквизиторскими взглядами. – Нет, я знаю, что не мой черед. Но я вспомнил, что через две недели годовщина смерти Эдварда. Сегодня он был бы с нами, если б я тогда не настоял на этой чертовой вечеринке.

– Прошу тебя, Джон, – сказал Рики. Он не любил смотреть в его лицо, когда на нем так ясно отражались чувства. Его кожа выглядела так, словно можно было проткнуть ее карандашом и не увидеть крови. – Все мы считаем, что ты не должен винить себя в случившемся.

– Да, но это произошло в моем доме, – настаивал Джеффри.

– Успокойся, док, – сказал Льюис. – Это только навредит тебе.

– Это мне решать.

– В таком случае это навредит всем присутствующим, – сказал Льюис с мягким юмором. – Мы все помним эту дату. Как такое забудешь?

– Так что же делать? Вам не кажется, что вы делаете вид, будто ничего не произошло, будто все в порядке вещей? Если так, то разрешите вам сообщить, что я этого не допущу.

Он поверг их в молчаливое изумление; даже Рики не мог придумать, что сказать на это. Лицо Джеффри было серым.

– Нет, – продолжил он. – Ни черта подобного! Вы все прекрасно знаете, что с нами происходит. Мы сидим тут и болтаем, как стая вампиров. Милли с трудом терпит нас в этом доме. А ведь мы не всегда были такими: мы говорили обо всем. Мы развлекались – и было *весело*. А теперь нет. Мы все напуганы. Но я не уверен, что кто-либо из вас признается в этом. Да, минул год, и я это делаю первым.

– Я не уверен, что я напуган, – сказал Льюис. Он отпил виски и улыбнулся Джеффри.

– Ты просто сомневаешься, – оборвал его доктор.

Сирс Джеймс кашлянул в кулак, и все взглянули на него. «О боже, – подумал Рики. – Он делает, что хочет, он завладевает нашим вниманием совсем без усилий. Интересно, почему Сирс решил, что из него не получится педагог?»

– Джон, – мягко проговорил Сирс. – Нам всем знакомы подробности. Мы уже не молоды, и вы все были очень добры, придя сюда сегодня, несмотря на холод. Давайте же продолжим.

– Но Эдвард умер не в *твоем* доме. И эта женщина, Мор, так называемая актриса, не...

– Хватит об этом! – скомандовал Сирс.

– Что ж, я надеюсь, вы помните, как это все случилось, – заключил Джеффри.

Сирс и Рики кивнули в ответ, припоминая их первую встречу после странной гибели Эдварда. Оставшиеся четверо были тогда в замешательстве: об отсутствии Эдварда напоминало и пустующее кресло. Натянутый разговор спотыкался и замирал, едва начавшись. Все они, чувствовал Рики, гадали, смогут ли теперь продолжаться их встречи. И тогда на него нашло вдохновение. Он повернулся к Джону Джеффри и спросил:

– Каким был твой самый дурной поступок?

Доктор Джеффри удивил его тем, что покраснел; затем, подхватив тон их прошлых встреч, проговорил:

– Этого я вам не скажу, но поведаю о самом ужасном в моей жизни происшествии... самом чудовищном... – И затем рассказал им историю о призраках. Она была захватывающей, удивительной, пугающей... Она отвлекла их мысли от Эдварда. И они продолжили встречи, как прежде.

– Вы и в самом деле думаете, что это совпадение? – спросил Джеффри.

– Не вижу связи, – проворчал Сирс.

– Вы глубоко заблуждаетесь. Мы все уже на этом пути; я первый, после того как Эдвард... Он не договорил, и Рики понял, что он споткнулся, выбирая между *умер* и *был убит*.

– ...почил в бозе, – подхватил Рики, надеясь смягчить прикосновение.

Серые, продолговатые, как у ящерицы, глаза Джеффри, нацеленные на него, сказали, что его постигла неудача. Рики откинулся на богато расписанную спинку кресла, словно надеясь

слиться с ее роскошным фоном и стать не более заметным, чем пятнышко воды на одной из старых карт Сирса.

– Что за выражение? – спросил Сирс, и Рики вспомнил: именно так обычно говорил его отец, когда умирал очередной клиент: «Старый Тоби Плафф почил в бозе вчера ночью... Миссис Уинтергрин почил в бозе сегодня утром. Кучу денег придется выплатить по завещаниям...» Он покачал головой.

– Все это так, – продолжил Сирс. – Но я не знаю...

– Вот именно, – сказал Джеффри. – Творится что-то непонятное.

– И что ты посоветуешь? Я так понимаю, что все это говорится не просто для поддержания беседы?

Рики улыбнулся поверх кончиков сплетенных пальцев, давая понять, что он не обижается.

– Ну что ж, у меня есть предложение. – Он старается изо всех сил, подметил Рики, поддерживать Сирса. – Я думаю, нам следует пригласить сюда племянника Эдварда.

– А какой в этом смысл?

– Он, кажется, в какой-то мере эксперт по... по таким вещам?

– Что означает «по таким вещам»?

Джеффри держал удар.

– Скажем так, по загадочным событиям. Я думаю... Да, я думаю, он может нам помочь. – Сирс глядел на него с нетерпением, но доктор не дал ему перебить себя. – По-моему, нам необходима помощь. Или только у меня одного проблемы со сном? Мне одному по ночам снятся кошмары? – Он обвел всех тяжелым взглядом; лицо его было уставшим и осунувшимся. – Рики, ты всегда был откровенен.

– Ты не один, Джон, – ответил Рики.

– Да, не один, – сказал Сирс, и Рики удивленно взглянул на него. Сирс прежде ничем не выдавал, что его ночи тоже могут быть ужасны. По крайней мере, это никогда не отражалось на его большом спокойном лице.

– Ты, очевидно, подразумеваешь книгу, которую он написал?

– Да, конечно. Похоже, он проводил какие-то исследования и должен иметь кое-какой опыт.

– Я полагал, он специализируется в области психической нестабильности.

– Как раз наш случай, – храбро заявил Джеффри. – Вероятно, у Эдварда была какая-то причина для того, чтобы завещать свой дом племяннику. Я думаю, он-то как раз хотел бы видеть здесь Дональда на тот случай, если с ним что-то произойдет. Мне кажется, он знал, что что-то случится. И вот что я вам еще скажу. Я думаю, мы должны рассказать ему о Еве Галли.

– Рассказать неубедительную историю пятидесятилетней давности? Нелепо!

– Она неубедительна и потому не может быть нелепой, – возразил доктор.

Рики заметил, насколько был удивлен, даже шокирован Льюис, когда Джеффри заговорил о Еве Галли. Ее история, как верно заметил Сирс, уходила в прошлое на пятьдесят лет, и с тех самых пор ни один из них не упоминал о ней.

– А ты уверен, что знаешь, что тогда случилось с ней? – с вызовом спросил доктор.

– Э, перестаньте, – вмешался Льюис. – К чему все это? В чем тут смысл, черт возьми?

– Смысл в том, чтобы окончательно выяснить, что же все-таки случилось с Эдвардом. Жаль, что вы не поняли этого.

Сирс утвердительно кивнул, и Рики показалось, что на лице его старинного коллеги промелькнуло... что же? Облегчение? Разумеется, Сирс ничем не выдал себя, но то, что какое-то чувство вообще могло отразиться на его лице, стало для Рики откровением.

– Я немного сомневаюсь в аргументации, – произнес Сирс. – Но, чтобы доставить вам удовольствие, мы могли бы написать племяннику Эдварда. Где-то в наших записях был его

адрес, не так ли, Рики? – Готорн кивнул. – Но ради демократии я бы для начала предложил проголосовать. Давайте на словах – да или нет.

Что скажете? – Он отпил виски из стакана и обвел всех взглядом. Они были согласны. – Начнем с тебя, Джон.

– Конечно, я скажу «да». Вызовем его.

– Льюис?

Льюис пожал плечами:

– Мне все равно. Вызывайте его, если хотите.

– Это означает «да»?

– Ну хорошо, да. Но я бы посоветовал не вмешивать сюда историю с Евой Галли.

– Рики?

Рики взглянул на своего партнера и увидел, что Сирс уже знает его ответ.

– Нет. Определенно нет. Я считаю, что это ошибка.

– Ты бы предпочел, чтобы все шло своим чередом, как это продолжалось в течение года?

– Перемены всегда к худшему.

Сирс оживился:

– Фраза, достойная хорошего адвоката. Но я говорю «да», и соотношение становится трое – за, один – против. Решено. Мы напишем ему. Поскольку мой голос был решающим, я и займусь этим.

– Я кое о чем подумал, – сказал Рики. – Прошел год. А если он захочет продать дом? Он пустует со дня смерти Эдварда.

– Уф. Ты создаешь проблемы. Мы поторопим его, если он захочет продать.

– Как вы можете быть уверены, что все не изменится к худшему? Как можете знать наверняка?

Как и все предыдущие двадцать лет, сидя раз в месяц в своем любимом кресле в любимой комнате, Рики страстно желал, чтобы ничего не менялось, чтобы им просто было дозволено так и продолжать дальше и что они будут просто дразнить свои тревоги дурными снами и страшными сказками. Холодный ветер трепал деревья за окнами полутемной комнаты Сирса, и, глядя на собравшихся, Рики мечтал только об одном: пусть все остается так, как было прежде. Они все являлись его друзьями, он был в каком-то смысле повенчан с ними – точно так же, как незадолго до этого он думал о своих отношениях с Сирсом, и он постепенно начинал осознавать, как боится за них. Они казались ему такими беззащитными, сидели здесь и недоуменно глядели на него, в уверенности, что не может быть ничего хуже нескольких дурных снов и раз в неделю рассказанной страшилки. Они верили в могущество знаний. Но он видел, как тень от лампы проходит через лоб Джеффри и дальше: Джеффри уже умирал. Пришло какое-то новое знание, до сих пор им не ведомое, несмотря на все рассказанные истории; и эта мысль, пришедшая в его ухоженную умную голову, стала смутным знамением того, что новое знание скрывается где-то там, за первыми приметами зимы, и... неумолимо приближается к ним.

– Решение принято, Рики, – подвел итог Сирс. – Так будет лучше. Мы больше не можем вариться в собственном соку. Итак... – Он оглядел круг сидящих и продолжил: – Итак, поскольку все решено, кого, как выразился Льюис, мы поджарим сегодня?

Прошлое вдруг встрепенулось в сознании Рики так свежо и полно, что он решил сейчас же рассказать свою историю, хотя он этого не планировал и думал, что пропустит свою очередь; однако 18 часов из 1945 года настолько ясно ожили в памяти, что он произнес:

– Пожалуй, это буду я.

2

Двое из них ушли раньше, а Рики объявил, что не торопится на холод. Льюис предложил: «Пойдем прогуляемся, Рики, подругим твои щеки», но доктор Джеффри лишь кивнул. Было в самом деле не по-октябрьски холодно – настолько, что казалось, вот-вот пойдет снег. Сирс вышел освежить их напитки, и Рики, оставшись в библиотеке один, слышал, как на улице жужжит стартер. Льюис импортировал свой «морган» из Англии пять лет назад, и это была единственная спортивная модель, которая нравилась Рики. Однако откидной верх – плохая защита в такой холодный вечер; и у Льюиса, похоже, машина не заводилась. Ну же!.. Почти завелась. Для таких нью-йоркских ночей нужно что-нибудь помощнее маленького «моргана». Бедный Джон совсем окоченеет, пока Льюис довезет его до Милли Шин и их дома на Монтгомери-стрит – за угол и семь кварталов вперед. А Милли, наверное, сейчас не спит, ждет в полутемной прихожей, готовая вскочить в ту же секунду, как повернется ключ в двери, помочь ему снять пальто и подать немного горячего шоколада. Наконец двигатель Моргана кашлянул и ожил, следом донесся звук удаляющейся машины, и Рики представил, как Льюис хлопает себя по шляпе и улыбается Джону: «Я всегда говорил тебе, что эта маленькая красавица творит чудеса!» После этого он высадит Джона, потом выедет из города, влившись в движение по 17-му шоссе, доедет до леса и доберется до своих владений, которые приобрел, когда вернулся. Чем бы там Льюис ни занимался в Испании, он заработал кучу денег.

Дом же самого Рики стоял буквально за углом, не более пяти минут ходу, и в прежние времена они с Сирсом всегда возвращались с работы пешком. Да и теперь они прогуливались время от времени в теплую погоду. «Матт и Джэф», – называла их Стелла. Это скорее относилось к Сирсу: Стелла никогда не питала к нему симпатии. Разумеется, скрытая неприязнь никак не влияла на ее попытки показать, кто тут главный. И уж конечно, она не ждала Рики с чашкой горячего шоколада: она наверняка уже давно спит, оставив только свет в прихожей, едва освещающий лестницу. Стелла была твердо уверена, что если он не отказывает себе в удовольствии приятно провести время в кругу друзей, оставляя ее одну, он может, придя домой, сколь угодно бродить в темноте, ушибая колени о стекло и хром модной мебели, которую она заставила его купить.

Сирс вернулся в комнату с двумя стаканами в руках и только что зажженной сигарой во рту. Рики сказал ему:

– Ты, Сирс, пожалуй, единственный человек, глядя на которого я иногда жалею, что женился.

– Не трать понапрасну свою зависть, – отозвался Сирс. – Я слишком старый, слишком толстый и слишком устал.

– Ничего подобного, – ответил он, принимая из рук Сирса напиток. – Ты просто испытываешь наслаждение, притворяясь таковым.

– О-о, какой ты проникательный, – протянул Сирс. – Тебе не следует говорить чего-то вроде того, что ты сказал, чтобы не изумлять собеседника. Всем известно, что Стелла красавица. И за подобные высказывания она разmozжит тебе голову. – Он сел в свое кресло, вытянул ноги и скрестил их. – Она затолкает тебя в гроб, закопает, разровняет землю и побежит прочь, расточая аромат спортивной сорокалетней женщины, аромат соленой воды и морского прибоя. Но ты можешь говорить это мне, – Сирс помедлил, и Рики в страхе подумал, что он скажет: «Я иногда тоже думаю, что лучше бы ты никогда не женился», – потому что я *hors de combat*, или это *hors commerce*²?

² *Hors de combat*, или это *hors commerce* (франц.) – «Вне боя», «вне коммерции».

Слушая со стаканом в руке голос партнера, Рики думал, что Джон Джеффри и Льюис Бенедикт сейчас спешат домой; думал о том, что и его ждет отремонтированный дом, и осознавал, насколько устоявшейся и сложившейся была их жизнь; как много удобных мелочей было в жизни каждого из них.

– Ну, так что выберем? – спросил Сирс.

– О, что касается тебя, то *hors de combat*, конечно, – ответил Рики и улыбнулся, остро ощущая их дружескую близость. Он вспомнил свои недавние слова «все перемены – к худшему» и подумал: «Так и есть. Господи, помоги нам». Рики внезапно увидел их всех, своих друзей и себя самого, на хрупком невидимом самолете, парящем высоко в темном небе.

– Стелла знает о твоих ночных кошмарах? – спросил Сирс.

– Хм, я про твои тоже не знал, – попробовал отшутиться Рики.

– Я не видел смысла обсуждать это.

– И давно они у тебя?..

Сирс еще больше вытянулся в кресле.

– А у тебя?

– Год.

– И у меня год. И у остальных, по-видимому, тоже.

– Льюис не выглядит обеспокоенным.

– Ничто не в состоянии обеспокоить его. Когда Создатель сотворил Льюиса, он сказал: «Я дам тебе красивое лицо, хорошую фигуру, ровный характер, но поскольку мир несовершенен, я немного обделю тебя разумом». Льюис разбогател, потому что любит рыбацкие деревни в Испании, а не потому, что ему суждено было стать богатым.

Рики не придал этому значения – Сирс всегда характеризовал Льюиса подобным образом.

– Они начались после смерти Эдварда?

Сирс кивнул крупной головой.

– А как ты думаешь, что на самом деле произошло с Эдвардом?

Сирс пожал плечами. Они много раз задавались этим вопросом.

– Как ты понимаешь, мне известно не больше твоего.

– И ты думаешь, что нам станет легче, если мы узнаем правду?

– Боже, что за вопрос! На него я тоже не знаю ответа, Рики.

– Как и я. Мне кажется, с нами случится что-то ужасное. Боюсь, что ты навлечешь на нас несчастье, если пригласишь сюда молодого Вандерлея.

– Предвзвешенные, – проворчал Сирс. – Чепуха. Я считаю, что что-то ужасное уже случилось с нами и молодой Вандерлей может прояснить ситуацию.

– Ты читал его книгу?

– Вторую? Просмотрел.

Значит, читал.

– И что ты скажешь?

– Неплохая попытка. Более литературная, чем большинство подобных произведений. Несколько великолепных фраз, продуманный и хорошо скомпонованный сюжет.

– А его догадки...

– Я не думаю, что он сразу же распустит нас, как стадо старых идиотов. Это главное.

– О, я надеюсь, – взмолился Рики. – Я не хочу, чтобы кто-то копался в наших жизнях. Пусть все остается как есть.

– Однако не исключено, что он будет «копаться», как ты говоришь, и в итоге окажется, что мы просто сами себя пугаем. И тогда, наверное, Джеффри перестанет бичевать себя за тот проклятый прием. Ведь именно он настаивал на вечеринке, потому что хотел представить эту никудышную маленькую актрису. Эту Мор.

– Я столько думал о той вечеринке, – сказал Рики. – Все пытаюсь припомнить, когда же я увидел ее в тот вечер.

– Я видел ее, – сказал Сирс. – Она разговаривала со Стеллой.

– Это видели все. Все помнят, что она говорила со Стеллой. Но куда она пошла потом?

– Ты становишься прямо как Джон. Давай дождемся молодого Вандерлея. Здесь нужен свежий взгляд.

– Боюсь, мы все пожалеем об этом, – попытался Рики еще раз. – Мы потерпим крах. И будем напоминать животных, поедающих собственный хвост. Мы должны отказаться от этого шага.

– Вопрос решен. Не драматизируй.

На том и закончили. Сирс оставался непоколебим. Рики задал ему еще один волновавший его вопрос:

– Когда мы встречаемся – ты каждый раз знаешь, о чем будет твой рассказ?

Его глаза встретились с глазами Сирса – удивительными, безоблачно голубыми.

– А что?

– А вот я не знаю. Вернее, не всегда. Я просто сижу и жду, и потом идея вдруг приходит ко мне – как сегодня вечером. У тебя так же?

– Частенько. Но это ничего не доказывает.

– А у остальных, интересно, так же?

– Почему бы и нет? А теперь, Рики, ступай домой, я хочу немного отдохнуть. Стелла, наверно, давно тебя ждет.

Было непонятно, иронизирует Сирс или нет. Он коснулся узла галстука-бабочки. Бабочки, как и Клуб Фантазеров, были той частью его жизни, которую Стелла терпела с трудом.

– Откуда берутся эти истории?

– Из наших воспоминаний, – ответил Сирс. – Или, если тебе угодно, из нашего фрейдистского бессознательного. Хватит. Я хочу побыть один. Мне еще надо вымыть все стаканы перед сном.

– Разреши еще раз попросить тебя...

– Ну что еще?

– ...не писать племяннику Эдварда. – Рики встал, от смелости сердце забилося сильнее.

– А ты можешь быть упорным. Конечно, просить можно, но к нашей следующей встрече он уже получит мое письмо. И это, я думаю, к лучшему.

Рики скривился, и Сирс сказал:

– Упорным, но не агрессивным. – Фраза в духе Стеллы. И тут Сирс удивил его: – Это прекрасное качество, Рики.

У выхода Сирс придержал ему пальто, пока он просовывал руки в рукава.

– Мне показалось, что Джон сегодня выглядел хуже, чем когда-либо, – заметил Рики.

Сирс открыл дверь в темную ночь, подсвеченную уличным фонарем. Оранжевый свет падал на небольшую мертвую лужайку и узкий тротуар, усыпанные опавшими листьями. Массивные темные облака двигались по темному небу – все напоминало зиму.

– Джон умирает, – бесстрастно произнес Сирс, возвращая Рики его недавнюю мысль. – Увидимся на Уит Роу. Передавай привет Стелле.

Дверь закрылась за его спиной – и элегантный маленький человек почти сразу начал замерзать на холодном ночном воздухе.

Сирс Джеймс

1

Почти все рабочее время они провели в офисе вместе, но Рики чтит традиции и дождался момента встречи в доме Джеффри, чтобы задать вопрос, не дававший ему покоя последние две недели:

- Ты отправил письмо?
- Разумеется. Я тебе говорил, что сделаю это.
- Что ты ему написал?

– Сообщил ему о нашем решении. И еще упомянул о доме и выразил надежду, что он не станет продавать его без предварительного осмотра. Там остались все вещи Эдварда и, разумеется, его магнитофонные записи. У нас не хватило духу прослушать их, но он, надеюсь, делает это.

Они стояли поодаль от Льюиса и Джона, прямо на пороге гостиной. Остальные двое уже устроились в викторианских креслах в углу комнаты и разговаривали с экономкой Милли Шин, сидевшей на стуле перед ними и державшей в руках расписной поднос с напитками. Милли, как и жену Рики, обижало, что ее не допускали на встречи. Однако, в отличие от Стеллы, она постоянно сновала туда-сюда то с кубиками льда, то с сэндвичами или кофе, и этим раздражала Сирса, как жужжащая на оконном стекле летняя муха. Хотя во многом Милли была предпочтительнее Стеллы – менее требовательная, более управляемая. И она заботилась о Джоне. Сирс одобрял женщин, заботившихся о его друзьях; однако вопрос, заботится ли Стелла о Рики, всегда оставался открытым.

С высоты своего роста он смотрел на человека, который стал ему самым близким на свете. Рики думал о том, как он ускользнул от прямого ответа на последний вопрос: скулы его были напряжены, пристальный взгляд выдавал нетерпение.

– Ну хорошо, я написал ему, что мы не удовлетворены тем, что выяснили по поводу смерти его дяди. О мисс Галли я не упоминал.

– И слава богу, – ответил Рики и направился через комнату, чтобы присоединиться к остальным.

Милли поднялась было, но Рики улыбнулся и махнул ей, чтобы не вставала. Прирожденный джентльмен, он всегда очаровывал женщин. Кресло стояло в четырех футах, но он не сядет, пока Милли не предложит ему.

Сирс оторвал взгляд от Рики и оглядел знакомую гостиную. Весь первый этаж дома Джона Джеффри был отведен под офис: там расположились приемные, смотровые и аптека. Две оставшиеся маленькие комнаты первого этажа занимала Милли. Джон жил наверху, где в прежние времена располагались только спальни. Сирс застал по меньшей мере шестьдесят лет из жизни дома Джона Джеффри: в детстве он жил через два дома отсюда, на другой стороне улицы. Тот дом, который он всегда считал «своим домом», куда возвращался из интерната и из Кембриджа, был здесь. В те времена домом Джеффри владела семья Фридриксон, у них было двое детей намного младше Сирса. Мистер Фридриксон был хлеботорговец, хитрый и гороподобный любитель пива, краснолицый и рыжеволосый. Жену его молодой Сирс считал самой очаровательной женщиной на свете. Высокая, с уложенными золотисто-каштановыми волосами, игривым лицом кошечки и пышной грудью. Последнее больше всего прочего гипнотизировало Сирса: разговаривая с Виолой Фридриксон, он с большим трудом заставлял свои глаза не опускаться ниже уровня ее лица.

Летом, возвратясь из интерната, а также в перерывах между поездками по стране он подрабатывал у них приходящей няней. Фридриксоны не могли позволить себе постоянную, хотя девушка из Холлоу постоянно жила у них, работая кухаркой и горничной. А может, тот факт, что за его детьми присматривает сын профессора Джеймса, как-то забавлял Фридриксона. У Сирса же были свои забавы. Он любил их мальчишек, ему нравилось их воинственное братство, которое так напоминало братство мальчишек из школы Хилл. А когда мальчики спали, он любил потихоньку ходить по дому в поисках интересных находок. Свой первый в жизни документ на французском языке он увидел в выдвижном ящике стола Абея Фридриксона. Он знал, что поступает дурно, шаря по чужим комнатам, но не мог удержаться. Однажды вечером он заглянул в комод Виолы Фридриксон и обнаружил там ее фотографию – Виола выглядела на ней невероятно соблазнительной, страстной и притягательной, словно существо из неведомого ему мира. Он жадно вглядывался в фотокарточку – ее полные груди распирали блузку, и он словно наяву ощутил их вес и упругость. Иллюзия была настолько сильна, что его пенис стал твердым, как ствол дерева: впервые сексуальные ощущения обрушились на него с такой силой. Со стоном сжав бьюки, он отвел взгляд от фотографии и увидел одну из ее блузок, лежавшую на комод. Не в силах сдержать себя, он начал ее ласкать. Он представлял себе, как блузка повторяет ее формы; казалось, он чувствует под своими пальцами ее тело; и он стянул с себя бьюки и достал своего дружка. Он положил его на блузку, думая (той частью рассудка, которая еще была в состоянии думать), что это *блузка* заставляет его делать так, что это *блузка* заставляет его прижимать воспаленную плоть к тому месту, где воображаемая грудь Виолы упруго и нежно коснется ее. Он застонал, согнулся пополам над блузкой, его тело забилося в сладкой судороге. И через мгновение его охватил страшный стыд – это было как удар. Он скатал блузку и сунул ее в ранец с учебниками. Возвращаясь домой, он завернул в эту совершенно новую вещь камень и швырнул в реку. Никто даже не заикнулся об украденной блузке, но Фридриксоны больше никогда не приглашали его сидеть с детьми.

Сквозь окно Сирс видел зажженный уличный фонарь на втором этаже дома, что купила Ева Галли, когда она, случайно или нет, приехала в Милбурн. Он старался не вспоминать о Еве Галли и ее доме, но сейчас всплывшая в памяти странная сцена из детства навела на мысли о ней.

Возможно, мне следовало уехать из Милбурна при первой возможности, подумал он: спальня, в которой умер Эдвард Вандерлей, была как раз над головой. По общей молчаливой договоренности ни один из них не упомянул о странном совпадении дня их встречи здесь и годовщины гибели их друга. Частичка Рикиного восприятия судьбы промелькнула в его сознании, и он подумал: «Старый дурак, в тебе еще живет чувство вины за ту блузку. Ха!»

2

– Сегодня моя очередь, – сказал Сирс, устраиваясь поудобней в самом большом кресле так, чтобы не видеть старый дом Галли. – И я хочу поведать вам истинную историю, что произошло со мной, когда в молодости я экспериментировал на ниве преподаательства в провинции, близ Эльмиры. Я сказал «экспериментировал», так как даже тогда, в мой первый рабочий год, у меня не было твердой уверенности в правильности выбора профессии. Я подписал двухлетний контракт, но я не думал, что меня станут удерживать, если я захочу расторгнуть его. Итак, один из самых чудовищных случаев в моей жизни произошел там... а может, и не было его и я все напридумывал, – тем не менее он напугал меня до смерти и в конечном счете сделал мое пребывание там невозможным. Это самая страшная история, какую я знаю, и я хранил ее в тайне на протяжении пятидесяти лет.

Вы знаете, что в те годы входило в обязанности школьного учителя. То была не городская школа и не «Хилл»³ – видит Бог, вот куда мне стоило устроиться, – однако у меня тогда был целый ворох тщательно продуманных идей. Я воображал себя провинциальным Сократом, несущим свет знаний в глушь. Глушь! Насколько помню, в те времена местность вокруг Эльмиры почти таковой и являлась; теперь, однако, там все застроено. Развязка автомагистрали сейчас как раз над тем местом, где стояла школа. Все осталось под асфальтом. То местечко называлось Фор Форкс, его уже не существует. Но в те времена это была типичная деревенька: десять – двенадцать домов, магазин, почта, кузница, школа – деревянные, давно не крашенные здания походили друг на друга и выглядели серыми и унылыми. Здание школы – в одну комнату, и, конечно, в этой комнате занимались все восемь классов. Когда я приехал и представился, мне сообщили, что я буду жить у Матеров и мне будут платить по низшей ставке (вскоре я выяснил почему) и что мой рабочий день будет начинаться в шесть утра. Я должен буду наколоть дров для школьной печи, растопить ее как следует, сделать уборку, расставить по местам учебники, наносить воды, вымыть парты, а также окна, когда это потребуется.

К половине восьмого приходили ученики. В мои обязанности входило учить все восемь классов: чтению, письму, арифметике, музыке, географии, чистописанию, истории – в общем, всему. Сейчас-то я сбежал бы без оглядки от подобного предложения, но тогда я был полон идей Авраама Линкольна и Марка Хопкинса и рвался в бой. Меня переполняли планы и надежды... я был одурманен. Думаю, уже тогда тот городок вымирал, но я не замечал этого. Я видел лишь блеск, величие славы и свободы.

Видите ли, я *не знал*. Я ничего не знал о своих учениках. Я понятия не имел, что большинство учителей в подобных селах – девятнадцатилетние мальчишки, которые не могли дать знаний больше, чем было у них самих. Я не знал, насколько грязное и отталкивающее место Фор Форкс почти круглый год. Я не знал, что почти все время буду полуголодным. Также я не знал, что одной из моих обязанностей будет еженедельный воскресный отчет о работе перед церковью, что находилась в другой деревне в восьми милях пути. Я не знал, как круто все обернется.

Я начал понимать кое-что, когда вечером с чемоданом в руке пришел к Матерам. Чарли Матер работал сельским почтмейстером, однако, когда к власти пришли республиканцы, на эту должность назначили Ховарда Хюммеля, и Чарли Матер с тех пор таил обиду. Он был вечно недоволен. Когда он показал мне мою комнату, я увидел, что она не достроена: пол из неструганых досок, а потолок состоял лишь из стропил и черепицы.

– Мы делали комнату для дочери, – сказал Матер. – Она умерла. Одним ртом меньше.

Кроватью служил вытертый матрас, брошенный прямо на пол, и старое армейское одеяло на нем. Зимой в этой комнате замерз бы эскимос. Но я заметил письменный стол и керосиновую лампу, и я все еще «видел звезды», и я сказал: прекрасно, мне нравится здесь, или нечто в этом духе. Матер буркнул что-то недоверчиво в ответ.

На ужин подали картошку и кукурузу со сметаной.

– На мясо не рассчитывайте, – проворчал Матер. – Хотите – экономьте и покупайте себе сами. Мне платят за то, чтоб кормить вас, а не за то, чтоб вы жировали.

Я ел мясо за их столом не больше шести раз, да и случилось это лишь однажды, когда кто-то дал Матерам гуся и мы только им и питались каждый день, пока не съели. Со временем некоторые ученики стали приносить мне сэндвичи с ветчиной и говядиной – их родители знали натуру Матера. Сам же Матер обильно обедал в полдень, однако мне дал понять, что во время обеда я обязан был находиться в школе – «проводя дополнительные занятия и применяя наказания».

³ *Hill School* (обычно известная как «The Hill») – частная школа-интернат совместного обучения, где готовят к колледжу. Расположена на территории в 200 акров (81 га) в Поттстауне, штат Пенсильвания, близ Филадельфии.

Они все там верили в пользу физических наказаний. В первый же день учительства я понял это. Я сказал «учительства», хотя единственное, что мне удалось тогда, – это утихомирить учеников на пару часов, записать их имена и задать несколько вопросов. Я был ошеломлен. Из старших девочек только две умели читать. В арифметике дети ушли не дальше простого сложения и вычитания, и лишь немногие слышали о зарубежных странах, а один мальчик даже не верил в их существование.

– Да не бывает такого, – заявил мне этот тощий десятилетка. – Что, где-то есть место, где не живут американцы? Где даже не говорят по-американски?

Он даже не смог продолжать, громко рассмеявшись над абсурдностью подобной мысли, и я обратил внимание на его рот, полный ужасных, почерневших зубов.

– А как же война, придурок? – бросил ему другой мальчик. – Ты что, не слышал о немцах?

Прежде чем я успел среагировать, первый мальчик вскочил и набросился с кулаками на второго. Он был в такой ярости, будто хотел убить обидчика. Я попытался растащить их – девочки все визжали – и схватил напавшего за руку.

– Он прав, – сказал я. – Он не должен был обзывать, но он прав. Немцы – это люди, которые живут в Германии, и мировая война...

Я вдруг остановился, потому что мальчишка вдруг зарычал на меня. На губах выступила слюна. Он напоминал бешеную собаку, и я впервые подумал, что он, возможно, умственно отсталый. Он был готов ударить меня.

– А теперь извинись перед своим товарищем, – сказал я ему.

– Он мне не товарищ.

– Извинись!

– Да он странный, сэр, – сказал второй мальчик. Его лицо побледнело, в глазах читался испуг, и под глазом уже расцветал синяк. – Зря я обозвал его.

Я спросил первого, как его имя.

– Фэнни Бэйт, – с трудом проговорил тот слюнявым ртом, явно успокаиваясь. Я отправил второго на место.

– Фэнни, – сказал я. – Вся беда в том, что ты был не прав. Америка – это еще не весь мир, так же точно, как и Нью-Йорк – это не все Соединенные Штаты.

Пожалуй, для Фэнни это было слишком сложно, и я понял, что потерял его. Затем я усадил его за первую парту и принялся чертить мелом на доске карту.

– Вот это – Соединенные Штаты Америки, вот здесь – Мексика, а тут – Атлантический океан...

Фэнни угрюмо качал головой.

– Враки! – выпалил он. – Это все враки. Ничего там нету. НЕТУ!

Выкрикнув это, он с силой оттолкнул и опрокинул парту.

Я попросил его поднять парту, и, когда он отрицательно покачал головой, а слюна снова выступила у него на губах, мне пришлось сделать это самому. Некоторые дети раскрыли от удивления рты.

– Значит, ты никогда не слышал о картах и других странах? – спросил его я.

Фэнни кивнул:

– Брехня все.

– Кто тебе это сказал?

Он покачал головой и отказался отвечать. Если бы Фэнни хоть чем-то показал свою неуверенность в сказанном, я бы подумал, что он повторяет слова своих родителей, однако ничего не отразилось на его лице – он был просто зол и мрачен.

В полдень дети, прихватив с собой портфели, выходили на огибающий школу двор и ели сэндвичи. Игровой площадкой этот дворик было трудно назвать, хотя за школой стояли расшатанные качели. Я наблюдал за Фэнни Бэйтом. Почти никто не подходил к нему. Когда он

наконец очнулся от оцепенения и подошел к компании ребят, те намеренно отошли в сторону, оставив его одного. Время от времени худенькая девочка со светлыми гладкими волосами подходила и заговаривала с ним – она была очень похожа на Фэнни, и я подумал, что это, наверное, его сестра. Я проверил свои записи: Констанс Бэйт, пятый класс. Одна из тихонь.

Когда я снова посмотрел в сторону Фэнни, я увидел странного человека, стоявшего на дороге за зданием школы и наблюдавшего, как и я, за мальчиком. Фэнни сидел между нами, он ничего не заметил. Почему-то этот человек меня шокировал. И дело было не в его внешнем виде: черные волосы торчали во все стороны, щеки изжелта-бледные, красивое лицо, мощные руки и плечи. Одет он был в отвратительную черную робу. Шокировало меня то, как он глядел на Фэнни Бэйта. Взгляд был мрачен и дик. И от этой дикости веяло какой-то странной свободой – свободой, что лежит намного глубже простой самоуверенности. Он казался необычайно опасным; и мне почудилось, что я на мгновение перенесся туда, где под масками мужчин и мальчиков таились дикие звери. Почти напуганный выражением его лица, я отвел глаза, а когда снова взглянул туда – мужчина исчез.

Мое знакомство с местными нравами продолжилось вечером, когда я уже практически забыл о человеке на дороге. Я поднялся в свою продуваемую сквозняками комнату, чтобы подготовиться к завтрашним урокам. Мне предстояло объяснять старшеклассникам таблицу умножения, а также основы географии... Подобные предметы занимали мои мысли, когда в комнату вдруг вошла Софрония Матер. Первое, что она сделала, – закрутила фитиль керосиновой лампы, под которой я работал:

– Лампа – для полной темноты, а не для сумерек, – заявила она. – Нам не по карману ваши аппетиты. Учитесь читать свои книги при свете, что дарит вам Бог.

Появление хозяйки в моей комнате сильно меня удивило. Во время вчерашнего ужина она не проронила ни слова, и, судя по ее узкому лицу, обтянутому, как барабан, землистого цвета кожей, я бы сказал, что смиренность в ее натуре. И уверяю вас, ее заявление было очень эмоциональным. И я понял, что в отсутствие мужа Софрония не боялась говорить.

– Я пришла узнать кое-что, учитель, – сказала она. – Прошел слух...

– Уже?

– Вы сделали свой первый шаг, а ведь как начнешь – так оно дальше и пойдет. Марианна Бердвуд мне сказала, что вы терпите безобразие на уроках.

– Ничего подобного.

– А ее Этель заявляет, что это так.

Мне не удалось припомнить, как выглядит Этель Бердвуд, но, кажется, я вызывал ее к доске – старшую из девочек, лет пятнадцати.

– И какие же безобразия, по словам Этель, я терплю?

– Фэнни Бэйт. Разве он не набросился с кулаками на другого мальчика? Прямо перед вашим носом?

– Я поговорил с ним.

– *Поговорили?! От разговоров проку нет. Почему вы не применили линейку*⁴?

– У меня ее нет.

Софрония была шокирована.

– Но вы *обязаны* сечь их, – наконец произнесла она. – Это единственный выход. Вы должны лупить их линейкой один-два раза в день. А Фэнни Бэйта – чаще остальных.

– Почему же именно его?

– Потому что он скверный.

– Я заметил. Мальчик беспокойный, заторможенный и нервный, однако он не показался мне «скверным».

⁴ Линейка для наказания школьников.

– Нет. Он скверный. И все дети считают, что его надо сечь. А если ваши идеи слишком дерзки для нас, то вам придется уйти из школы. И применения наказаний от вас ждут не только ученики. – Она повернулась, словно собираясь уходить. – Я сделала доброе дело, поговорив с вами, прежде чем мой муж узнает, что вы пренебрегаете своими обязанностями. Остерегитесь и примите мой совет. Нет учебы без бития.

– Но чем же так плох Фэнни? – спросил я, игнорируя ее жуткое последнее замечание. – Несправедливо наказывать мальчика, нуждающегося в помощи.

– Линейка – вот и вся помощь, что ему нужна. Он не просто плохой, он – сама испорченность и развращенность. Лупите его до крови и не давайте раскрывать рта – *подавите* его. Я лишь пытаюсь помочь вам, учитель. Нам не мешают те небольшие деньги, что нам за вас приплачивают. – С этими словами Софрония вышла. Я даже не успел спросить ее о том необычном человеке, которого видел сегодня днем.

Однако я не собирался, как они, делать из мальчика козла отпущения и травить его.

(Милли Шин, сморщившись от отвращения, опустила поднос, который якобы протирала, перевела взгляд на окна, убедилась в том, что шторы задернуты, и направилась к двери. Сирс, сделав паузу, заметил, что дверь она прикрыла неплотно.)

3

Сирс сделал паузу и с раздражением размышлял о Милли, с каждым месяцем подслушивавшей все смелее. Он и не подозревал, что в полдень в городе произошло событие, которое повлияет на жизни всех четверых друзей. Само по себе оно было незначительным: поразительно красивая молодая женщина сошла с автобуса на углу банка и библиотеки и огляделась с выражением самоуверенности и удовлетворения на лице – такой взгляд бросает преуспевшая женщина, соскучившаяся по родному городу и приехавшая взглянуть на него. Так она и выглядела. Она держала в руке небольшой чемоданчик, легко улыбалась ярким падающим листьям, и, приглядевшись к ней, можно было бы сказать, что успех был единицей измерения ее мести. Пышные волосы, длинное красивое пальто – она словно вернулась тайком отпраздновать свои достижения и получала от этого немалое удовольствие. Милли Шин, вышедшая за покупками, увидела ее у остановки в тот момент, когда автобус покати́л в Бингэмптон, и на мгновение лицо женщины показалась ей знакомой; как, впрочем, и Стелле Готорн, сидевшей с чашечкой кофе у окна ресторана «Вилледж Памп». Продолжая улыбаться, темноволосая девушка прошла мимо этого окна, и Стелла, повернув голову, проследила, как она пересекла площадь и подошла к ступеням у входа в отель «Арчер». Собеседник Стеллы, ассистент профессора антропологии расположенного неподалеку колледжа Санни по имени Гарольд Симс, произнес:

– Одна красавица придиричиво разглядывает другую! Однако, Стел, прежде я никогда не замечал за тобой ничего подобного.

Стелла, которая терпеть не могла, когда ее называли «Стел», ответила:

– Считаешь ее крсивой?

– Было бы ложью отрицать это.

– Ну что ж, если ты и меня считаешь красивой, тогда все в порядке, – она послала дежурную улыбку Симсу (он был на двадцать лет моложе и безумно влюблен в нее) и снова оглянулась на отель, в дверь которого только что вошла девушка.

– А если все хорошо, что же ты высматриваешь?

– О, просто... – Стелла замолчала. – Да просто так. Вот такую женщину тебе следовало бы приглашать на ленч, а не замшелую статую вроде меня.

– Господи, неужели ты считаешь... – начал Симс и попытался поймать ее руку под столом. Кончиками пальцев она отвела его ладонь в сторону. Стелла Готорн не любила ресторанных ласк. Она бы с удовольствием сейчас хорошенько шлепнула его по руке.

– Стелла, ну пожалуйста...

Она взглянула прямо в его кроткие карие глаза и сказала:

– А не пора ли тебе вернуться к твоим милым ученикам?

Тем временем девушка регистрировалась в отеле. Миссис Харди, вместе с сыном управлявшая делами после смерти мужа, появилась из своей конторки и подошла к очаровательной молодой посетительнице, стоявшей по другую сторону стойки.

– Чем могу помочь? – спросила она и подумала: «Как бы уберечь моего сына от этой?»

– Мне нужна комната с ванной, – сказала девушка. – Я бы хотела остановиться здесь, пока не сниму себе дом где-нибудь в городе.

– О, как чудесно, – воскликнула миссис Харди. – Вы переезжаете в Милбурн? Это так мило! А наша молодежь просто спит и видит, как бы поскорее унести отсюда ноги. И мой Джим тоже – он отнесет ваши вещи наверх. Для него каждый день в нашем городе – словно день за решеткой. Нью-Йорк – вот о чем он мечтает. Вы, случаем, не оттуда?

– Я жила там. Но кое-кто из моих родственников жил когда-то здесь.

– Ну что ж, вот наши расценки, а вот регистрационный журнал, – сказала миссис Харди, подавая ей документы. – Вам понравится наш милый тихий отель. Большинство людей здесь живут прямо как в пансионе, но с обслуживанием отеля; кстати, по вечерам у нас не бывает никаких шумных вечеринок. – Цены девушку устроили, она кивнула и записала свое имя в журнал. – Пожалуйста, никаких дискотек и, хочу вас предупредить сразу, никаких мужчин в номере после одиннадцати вечера.

– Отлично. – Девушка вернула журнал миссис Харди, которая прочитала: «Анна Мостин» и нью-йоркский адрес.

– О, благодарю вас, – произнесла миссис Харди. – Никогда не знаешь, что можно ожидать от современных девушек, но... – она подняла глаза на лицо гостьи и вдруг словно споткнулась о безразличный взгляд ее удлинённых голубых глаз. Ее первой, почти неосознанной мыслью было: «Как она холодна!» А второй, почти осознанной, что для Джима она не опасна. – Анна! Такое милое старомодное имя.

– Да.

Миссис Харди, все еще немного в замешательстве, позвонила в колокольчик, вызывая сына.

– Я и сама довольно старомодна, – сказала девушка.

– Вы, кажется, упомянули, что ваша семья жила здесь?

– Да, но это было очень давно.

– Просто мне незнакома ваша фамилия.

– И неудивительно. Здесь жила моя тетушка. Ее звали Ева Галли. Но вы, скорее всего, не знали ее.

(Жена Рики, сидя в одиночестве в ресторане, вдруг щелкнула пальцами и воскликнула: «Старею!» Она вспомнила, кого ей напоминала эта девушка. Официант, юный, как вчерашний выпускник школы, наклонился над столом (он все еще сомневался, отдавать ли счет ей – после того как ее спутник унесся прочь) и произнес:

– М-м?

– Поди прочь, дурак, – незло проронила она, гадая, почему так получается, что одна половина выпускников школы похожа на головорезов, а другая – на физиков. – Хотя, постой! Дай-ка мне счет, пока ты не смылся.

Джим Харди обшаривал ее глазами, пока они поднимались по лестнице, и, отперев номер и поставив на пол ее чемодан, предположил:

– Надеюсь, вы проторчите в нашей дыре подольше.

– По-моему, ваша мама сказала, что вы терпеть не можете Милбурн.

– А я его уже полюбил, – ответил он, посылая ей взгляд, от которого растаяла Пенни Дрэгер вчера ночью на заднем сиденье его машины.

– Каким образом?

– Э... – подавленный выражением категорического отказа на ее лице, он уже не знал, что говорить дальше. – Ну, вы знаете...

– Разве?

– Ну, я просто хотел сказать, что вы чертовски красивая леди, вот и все. Такая манерная, – тут он решил показаться смелее, чем себя чувствовал. – Манерные леди всегда меня заводят.

– Неужели?

– Ну, – кивнул он. Ему никак не удавалось ее раскусить. Будь эта девица опытной, так выгнала бы его сразу же. Она же не прерывала его, но не похоже было, что она польщена или заинтересована, – ей было абсолютно все равно. Потом она удивила его, сделав то, на что он еще чуточку надеялся: сняла пальто. Грудь ее не впечатляла, но ноги были хороши. Но абсолютно неожиданно его атаковала вспышка чистейшего сладострастия, совершенно не похожего на ту скоротечную похоть, что он испытывал с Пенни Драгер или другими школьницами, с которыми переспал, волна пронзительного и холодного желания накрыла его.

– Э... – промямлил он, отчаянно надеясь, что она не выгонит его. – У вас здесь какие-то дела, да? Вы с телевидения или что-то в этом роде?..

– Нет.

Он переступил с ноги на ногу:

– Ну ладно, адресок ваш у меня есть. Может, как-нибудь заскочу к вам, поболтаем?

– Возможно. А ты любишь болтать?

– Ха. Ну... Мне надо идти вниз. В смысле, надо вставлять вторые рамы – холода...

Она села на кровать и вытянула руку вперед. Почти неохотно он направился к ней. Когда он дотронулся до ее руки, она вложила ему в ладонь аккуратно сложенный доллар:

– Вот что я тебе скажу, – произнесла она. – Коридорные не должны носить джинсы: вид неряшливый.

Он взял доллар и, забыв от смущения поблагодарить, выбежал из номера.

(«Ее звали Анн-Вероника Мор, – вспомнила Стелла. – Та самая актриса, что была на приеме в доме Джона, когда умер Эдвард. – Стелла позволила запуганному мальчишке подать ей пальто. – Анн-Вероника Мор – почему же я вспомнила о ней? Я видела ее всего лишь несколько минут, и эта девушка совсем на нее не похожа».)

4

– Итак, – продолжил Сирс, – я твердо намеревался помочь несчастному Фэнни Бэйту. Я считал, что не бывает безнадежно испорченных детей, если только непонимание и жестокость окружающих не сделают их таковыми. И вот я приступил к выполнению программы перевоспитания. Когда на следующий день Фэнни опрокинул свою парту, я, к отвращению старших учеников, сам поднял ее, а на время перерыва на ленч велел мальчику остаться в классе.

Все дети вышли, жужжа предположениями, – уверен, они решили, что я убрал свидетелей предстоящей порки, – но сестра Фэнни затаилась в темном дальнем углу.

– Я не обижу его, Констанс, – успокоил я девочку. – Если хочешь, можешь остаться.

Несчастные дети! Я как сейчас вижу их: нездоровые зубы, ветхую, потрепанную одежду. Он – полный недоверия, озлобленности и страха, она же – страха за него. Констанс забралась

на стул, и я приступил к исправлению некоторых неправильных представлений и заблуждений Фэнни. Я рассказал ему все, что знал об исследователях: о Льюисе, и Кларке, и Кортесе, и Нансене, и Понсе де Леоне – то, что я планировал разобрать с классом позже, но все это не произвело на него ни малейшего впечатления. Он знал, что мир простирается на сорок – сорок пять миль от Фор Форкс и что люди, живущие в этом радиусе, составляют население мира. Он цеплялся за эту идею с невероятным упрямством тупицы.

– Да кто же тебе сказал все это, Фэнни? – спросил я его. Он помотал головой. – Ты сам придумал? – Он снова затряс головой. – Это родители тебе сказали?

В темном углу хихикнула Констанс – хихикнула без всякого юмора. От ее смешка холодок пробежал по мне – он вызвал в моем воображении сцены почти животной, скотской, жизни. Очевидно, таковой она и была на самом деле, и все остальные дети знали об этом. И, как я выяснил позже, еще более неестественной, чем я мог бы когда-нибудь вообразить.

Так или иначе, я взмахнул руками – то ли в отчаянии, то ли в нетерпении, – и бедная девочка, видно, подумала, что я собираюсь ударить ее брата, и крикнула:

– Это Грегори!

Фэнни оглянулся на нее, и, клянусь, я в жизни не видел более испуганного лица. В следующее мгновение он вскочил со стула и пулей вылетел из класса. Тщетно я пытался остановить его. Он бежал, как будто спасая свою жизнь, бежал к лесу, петляя как заяц. Девочка застыла в дверях, глядя ему вслед. Теперь уже ее охватил ужас – она вся побелела от страха.

– Констанс, кто такой Грегори? – спросил я, и ее лицо исказилось. – Это не он ли подходит иногда к школе? У него еще вот такие волосы? – Я завел руки за голову и широко растопырил пальцы. И тут она тоже сорвалась прочь, удирая со всех ног.

Итак, в тот полдень я получил признание учеников. Они, конечно, решили, что я высек обоих Бэйтов и таким образом стал полноценным участником естественного для города течения жизни. И вечером того дня на ужин я был награжден если и не добавкой картошки, то неким подобием улыбки Софронии Матер. Вероятно, Этель Бердвуд доложила своей матери, что учитель все-таки нашел причину для наказания.

Последующие два дня Фэнни и Констанс не приходили на занятия. Меня это беспокоило, я думал, что повел себя с ними настолько неуклюже, что они больше не придут никогда. На второй день я уже не находил себе места и во время ленча от волнения мерил шагами школьный двор. Дети с удивлением глядели на меня как на опасного лунатика: они знали, что на большой перемене учитель должен находиться в помещении и пороть провинившихся. Вдруг я услышал то, что заставило меня замереть на месте, резко развернуться и быстро подойти к девочкам, расположившимся на траве. Это были самые старшие, и одна из них – Этель Бердвуд. Я был уверен, что слышал, как она упомянула имя Грегори.

– Расскажи-ка мне о Грегори, Этель, – попросил я.

– Каком Грегори? – она жеманно улыбнулась. – Здесь нет никого с таким именем. – Она бросила на меня томный взгляд, и я уверен, что в этот момент Этель думала о деревенской традиции женитьбы школьного учителя на одной из его старших учениц. Она была очень самонадежной девочкой, эта Этель Бердвуд, и у ее отца была репутация процветающего.

Я не поддался:

– Я только что слышал, как ты упомянула его имя.

– Вы, должно быть, ошиблись, мистер Джеймс, – ответила она, расточая мед.

– Не терплю лгунишек, – сказал я. – Расскажи мне о человеке по имени Грегори.

Без сомнения, они все решили, что ей грозит линейка. Ее подруга пришла на помощь: – Мы просто говорили, что Грегори починил вон тот желоб, – девочка указала на стену школы. Один из водосточных желобов был явно новым.

– Ну что ж, он больше никогда не приблизится к школе, насколько в моих силах помешать этому, – заявил я и ушел, оставив их глупо хихикать.

В тот день мне пришла в голову мысль после занятий навестить логово льва, и я отправился к дому Бэйтов. Я знал, что это довольно далеко – примерно как от Милбурна до дома Льюиса. Выбрав кратчайшую, на мой взгляд, дорогу, я проделал уже довольно большой путь, мили три-четыре, когда мне начало казаться, что я зашел слишком далеко. По пути мне не встретилось никакого жилья, значит, дом Бэйтов находился где-то в самом лесу, а не на его окраине, как мне представлялось. Я пошел по довольно утоптанной тропинке и решил, что рано или поздно она выведет меня к цели.

К несчастью, я заблудился. Я спускался в лощины, взбирался на холмы и продирался через кустарники, пока совсем не перестал соображать, в какой стороне дорога. Все вокруг было ужасающе однообразным. И тут, уже перед наступлением сумерек, я почувствовал, что за мной наблюдают. Это было в высшей степени жуткое ощущение – словно за моей спиной затаился тигр, изготовившийся к прыжку. Я развернулся и прижался спиной к вязу. И тогда я увидел. В просвете зарослей, примерно в тридцати ярдах от меня, стоял человек – тот самый, который приходил к школе. Грегори, подумал я. Он молчал, я тоже. Он лишь пристально и абсолютно безмолвно глядел на меня; волосы взъерошены, лицо изжелта бледное. Я чувствовал, какая ненависть, сильнейшая ненависть исходит от него. Его окружал ореол непомерной жестокости – наряду с той особенной, необычной свободой, что я почувствовал при первой нашей встрече. Он был похож на безумца. Если бы он убил меня там, в лесу, – никто бы никогда не узнал. Поверьте мне, в его лице я видел смерть, больше ничего. И в тот самый момент, когда я ожидал, что Грегори бросится на меня, он вдруг шагнул за дерево.

Очень медленно я двинулся вперед.

– Что вам надо? – крикнул я, изображая смелость. Ответа не было. Я еще чуть-чуть прошел вперед. Наконец я подошел к дереву, возле которого видел его, но там не осталось даже следов – он просто растаял.

Я так и не знал, куда идти, и все еще ощущал присутствие Грегори и понимал – это была угроза. Я сделал несколько шагов наугад, прошел через очередную густую рощу и внезапно остановился. На мгновение я испугался. Прямо передо мной, ближе, чем недавнее видение, стояла девочка с прямыми светлыми волосами, одетая в лохмотья: Констанс Бэйт.

– Где Фэнни? – спросил я.

Она подняла костлявую руку и показала куда-то в сторону. Затем вдруг появился и мальчик – «как змея из кувшина», именно такое сравнение пришло мне на ум. Он поднялся из высокой травы с характерным Фэнни Бэйту выражением угрюмой вины.

– Я искал ваш дом, – сказал я, и они оба молча показали в одном направлении. Посмотрев туда, я увидел в просвете между деревьями фанерную лачугу с окном из промасленной бумаги и маленькой тонкой печной трубой. В те времена лачуги из фанерных ящиков не были редкостью, и, слава богу, в наши дни такого уже не увидишь, но та лачуга была самой грязной и убогой, какую только можно было представить. Я знаю, что слышу консерватором, однако я никогда не связывал добродетель с количеством денег, а бедность с пороком. Тем не менее эта жалкая вонючая хижина... – Глядя на нее, я старался сдерживать дыхание, словно боялся вдохнуть ее грязь. Нет, все было даже гораздо хуже. Живущих в ней нищета не просто ожесточила – она их покалечила, изуродовала... сердце мое сжалось. Я отвернулся и заметил тощую черную собаку, обнюхивающую кучку грязных перьев, что была когда-то цыпленком. Вот почему, подумалось мне, Фэнни заработал репутацию «скверного»: жители деревни взглянули однажды на его жилье и вынесли мальчику пожизненный приговор.

Желания войти в дом у меня не возникло. Я не верил в дьявола, но именно его присутствие я ощущал здесь.

Я повернулся к детям, в глазах которых застыл странный взгляд:

– Я хочу видеть вас завтра в школе.

Фэнни помотал головой.

– Но я же хочу *помочь* тебе, – сказал я, уже готовясь произнести речь: я хотел рассказать, что собираюсь изменить его жизнь, спасти его, в известном смысле «очеловечить»... Но эта гримаса угрюмого упрямства на его физиономии меня остановила. Что-то еще беспокоило меня, и внезапно я понял: что-то в Фэнни напоминало взгляд загадочного Грегори.

– Завтра ты должен вернуться в школу, – сказал я.

– Грегори будет против, – сказала Констанс. – Грегори велел нам быть здесь.

– А я сказал, пусть приходит. И ты тоже.

– Я спрошу у Грегори.

– Да к черту Грегори! – заорал я. – Придете оба! – И зашагал от них прочь. Странное чувство не оставляло меня до тех пор, пока я не вышел к дороге: я будто шел, удаляясь от проклятия.

Можно не гадать, каков был результат. Они не пришли. Жизнь текла своим чередом в последующие дни. Этель Бердвуд и некоторые девочки бросали мне недвусмысленные взгляды, когда я вызывал их к доске, я корпел над подготовкой к урокам на своем холодном чердаке и вставал с рассветом, чтобы подготовить класс к занятиям. Со временем Этель начала носить мне сэндвичи к ленчу, а вслед за ней – и остальные мои ученицы-почитательницы. Я даже стал припасать один бутерброд себе на вечер после ужина.

По воскресеньям я проделывал долгий путь в Футвилльскую лютеранскую церковь. Это было совсем не так страшно, как я поначалу думал. Настоятелем там был старый немец, Франц Грюбер, называвший себя доктором Грюбером. Он заслуживал этого звания – натура его была намного изящней его тучного тела или размеров дома в Футвилле. Я полагал, что проповеди доктора должны быть интересными, и решил поговорить с ним.

Когда Бэйты наконец появились в школе, они выглядели очень утомленными, словно пьяницы с тяжелого похмелья. И это постоянно повторялось. Они пропускали два дня, приходили, пропускали три, появлялись на два – и с каждым появлением выглядели все хуже. В особенности Фэнни – он увядал на глазах. Он словно старел раньше времени: стал настолько худым, что на лице – на лбу и в уголках глаз – появились морщины. И он, я готов в этом поклясться, ухмылялся мне. Фэнни Бэйт ухмылялся, хотя, честное слово, ему бы не хватило на то умственных способностей. Это делало его лицо отталкивающим, а меня пугало.

Поэтому в один из воскресных дней, после службы, я стоял у церковных дверей. Я дождался, пока уйдет последний прихожанин, и поздоровался с доктором Грюбером за руку. Когда дорога к церкви совсем опустела, я сказал ему, что нуждаюсь в его совете в связи с одной проблемой.

Вероятно, он предположил, что я хочу покаяться в адюльтере или в чем-то подобном. Однако доктор Грюбер был очень учтив и пригласил к себе в дом, что стоял через дорогу от церкви.

Он очень любезно проводил меня в свою библиотеку – большую комнату, всю уставленную книгами: подобной я не видел с тех пор, как покинул Гарвард. Это была комната настоящего ученого – здесь человеку, полному идей, удобно работать над их воплощением. Большинство книг было на немецком, но я увидел много и на латыни и на греческом. Стояли там и «Писания Отцов Церкви»⁵ – в мягком кожаном переплете, комментарии к Библии, труды по теологии и обширное пособие в помощь составителям проповедей «Библейский Конкорданс»⁶. На полке позади письменного стола я с удивлением увидел небольшую коллекцию Лалли, Фладда, Бруно – то, что называется оккультными учениями эпохи Возрождения. И еще с большим удивлением – несколько антикварных книг о колдовстве и сатанизме.

⁵ Отцы Церкви – выдающиеся церковные деятели и писатели прошлого.

⁶ *Конкорданс* – алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления.

Доктор Грюбер вышел из комнаты за пивом, а когда вернулся, то застал меня разглядывающим эти книги.

– То, что вы видите, – сказал он с гортанным акцентом, – напрямую связано с тем, как я оказался в Футвилле, мистер Джеймс. Надеюсь, заметив эти книги, вы не сочли меня выжившим из ума стариком. – И, без всякого повода с моей стороны, он поведал мне свою историю и, как вы можете предположить, сделал это блестяще: его уважали заслуженные деятели церкви, он написал несколько книг, но когда он проявил слишком большой интерес к «закрытым темам» (так он выразился), ему приказали прекратить исследования в этом направлении. Тем не менее он опубликовал еще один подобный документ и был за это сослан в самый отдаленный лютеранский приход.

– Итак, – заключил доктор, – мои карты на столе, как говорят мои новые прихожане. В своих проповедях я никогда не упоминаю об этих закрытых темах, однако продолжаю изучать их. Прошу вас, вы вольны рассказать мне все или уйти – как вам будет угодно.

Это прозвучало, на мой взгляд, несколько напыщенно, и я поначалу заколебался, но затем решился.

Я рассказал ему все, не опуская подробностей. Он слушал с глубоким вниманием, и было ясно, что он уже слышал о Грегори и Бэйтах.

Более того, моя история очень взволновала его.

Когда я закончил, он спросил:

– Все произошло именно так, как вы описали?

– Разумеется.

– Вы никому об этом не говорили?

– Нет.

– Я счастлив, что вы пришли с этим ко мне, – сказал он и, не продолжив фразу, вытащил из ящика стола огромную курительную трубку, набил ее и закурил – все это он проделал, не сводя с меня взгляда выпуклых глаз. Я почувствовал себя неловко и уже начинал жалеть, что так легко воспринял его недавние замечания.

– Ваша хозяйка не объяснила вам, почему она считает Фэнни Бэйта «самой испорченностью»?

Я отрицательно покачал головой, словно пытаюсь избавиться от недавнего чувства неловкости:

– А вы считаете, что ей следовало это сделать?

– Об этом знают все, – ответил он. – Во всяком случае, в наших двух городках это в своем роде знаменитая история.

– И Фэнни на самом деле такой скверный?

– Он не скверный. Он развращенный, – сказал доктор Грюбер. – Но, по вашим словам...

– Все может обстоять еще хуже? – произнес я. – Загадка какая-то.

– И большая, чем вы можете себе представить, – спокойно сказал он. – Если я попытаюсь все вам объяснить, вы, возможно, объявите меня сумасшедшим. – Его глаза округлились еще больше.

– Если Фэнни развращен, – спросил я, – кто же тогда развратил его?

– О, это сделал Грегори, – ответил доктор Грюбер. – Несомненно, Грегори. За всем этим стоит Грегори.

– Но кто такой Грегори?

– Человек, которого вы видели. Я в этом абсолютно уверен. Вы описали его довольно точно. – Он поднял короткие толстые пальцы над головой, совсем как я показывал Констанс Бэйт. – Очень точно, уверяю вас. Однако когда вы узнаете больше, вы не поверите мне.

– Ради бога, почему?

Грюбер покачал головой, и я заметил, что его свободная рука дрожит. На секунду я подумал, что вовлек себя в откровенный разговор с безумцем.

– У родителей Фэнни было трое детей, – сказал он, выпустив облачко дыма. – Грегори Бэйт был первым.

– Так это их брат! – воскликнул я. – Однажды мне показалось, что я вижу сходство... Да-да, я понял. Но в этом нет ничего неестественного.

– Конечно, но все зависит от того, какие у них отношения.

Я попытался понять.

– Вы имеете в виду, что что-то неестественное произошло между ними?

– Да, и их сестрой.

Я содрогнулся от ужаса. Я словно вновь увидел красивое лицо и полные ненависти беззаботность и самодовольство, поразившие меня в Грегори.

– Между Грегори и его сестрой.

– И, как я уже сказал, между Грегори и Фэнни.

– Значит, он развратил их обоих. Почему же Констанс не подвергается таким гонениям в Фор-Форкс, как Фэнни?

– Помните, учитель, что это очень отдаленный район. И некоторая... неестественность... отношений между братом и сестрой в этих бедных семьях из лачуг, я полагаю, считается допустимой.

– Но между братьями... – Я словно на мгновение перенесся в Гарвард, на лекцию профессора антропологии о племени дикарей.

– Вот именно.

– О боже, вот именно! – вскричал я, вспоминая коварное, недетское выражение лица Фэнни. – И теперь он пытается убрать меня с дороги – я мешаю ему.

– По-видимому, так. Надеюсь, вы понимаете почему.

– Потому что я не позволю ему этого. И он хочет избавиться от меня.

– Ах, – сказал он. – Грегори многого хочет.

– Вы имеете в виду, он хочет заполучить их навсегда?

– Обоих – и навсегда, но, судя по вашему рассказу, Фэнни – больше всего.

– Могут ли их родители помешать этому?

– Мать умерла. Отец сбежал, когда Грегори вырос настолько, чтобы лупить его.

– Они живут одни в этом жутком месте?

Он кивнул.

Это было ужасно: словно ядовитые испарения, ощущение проклятия исходило от самих детей – от всего, что произошло между ними и Грегори.

– Но, – возразил я, – неужели дети не могут как-то защитить себя?

– Они это уже сделали.

– Но как? – Я мысленно взмолился, поскольку разговаривал сейчас со священником и на своем опыте убедился, чего стоила благотворительность в Фор-Форкс.

– Вы не поверите мне на слово, – ответил он. – Поэтому лучше я покажу вам.

Он резко встал и жестом предложил подняться мне.

– Выйдем, – сказал он. За его оживлением проглядывало сильное беспокойство, и на мгновение мне подумалось, что я ему неприятен так же, как и он мне, с его клубами табачного дыма и глазами навывкат.

Я покинул комнату и по пути к выходу из дома прошел гостиную с накрытым на одного человека столом: вкусно пахло жареной стряпней, и на столе стояла открытая бутылка пива – так что, скорее всего, причиной антипатии доктора Грюбера была всего лишь задержка обеда.

Он захлопнул за нами дверь и направился к церкви. Все это было весьма загадочно. Когда доктор Грюбер перешел через дорогу, он окликнул меня, не поворачивая головы:

– Вы знаете, что Грегори был чернорабочим в школе?

– Одна из девочек что-то такое говорила об этом, – ответил я, наблюдая, как он огибает церковь. Что же дальше, гадал я, прогулка в поля? И что же мне покажут такое, во что я не должен поверить?

За церковью лежало небольшое кладбище, и я, следуя за идущим вразвалочку доктором Грюбером, мимоходом рассматривал надписи на массивных надгробиях девятнадцатого века: Джошуа Фут, Сара Фут – весь клан, основавший когда-то эту деревню, и другие имена, ничего для меня не значившие. Доктор Грюбер остановился, всем своим видом показывая нетерпение, у небольшой калитки в задней части кладбища.

– Смотрите, – сказал он.

Ну хорошо, подумал я, если тебе так лень ее открыть... и наклонился, чтобы отодвинуть засов.

– Не здесь, – резко сказал он. – Взгляните вниз. Посмотрите на крест.

Я взглянул туда, куда он указывал. Грубый деревянный крест, окрашенный вручную, лежал на том месте, где полагалось быть надгробию, в изголовье могилы. На его горизонтальной перекладине чьей-то рукой было выведено имя Грегори Бэйта. Я обернулся на доктора Грюбера, и сомнений у меня не осталось: он смотрел на меня с неприязнью.

– Это невозможно, – промолвил я. – Абсурд. Я же видел его.

– Поверьте мне, учитель, именно здесь похоронен ваш соперник, – сказал он, и я вновь обратил внимание на то, как своеобразно он выбирает слова. – Во всяком случае, его телесная оболочка.

Ошеломленный, я прошептал:

– Это невозможно.

Он проигнорировал мои слова.

– Однажды ночью, год назад, Грегори Бэйт что-то чинил на школьном дворе. Во время работы он взглянул наверх и заметил – я думаю, именно так все и произошло, – что водосточный желоб прохудился и требует ремонта. Он принес с заднего двора лестницу и полез наверх. Фэнни и Констанс увидели в этом шанс избавиться от тирании и выбили из-под него лестницу. Он упал, ударился головой об угол здания и умер.

– А что они там делали ночью?

Доктор Грюбер пожал плечами:

– Он их повсюду таскал за собой. Они сидели на игровой площадке.

– Я не верю, что они убили его намеренно.

– Ховард Хюммель, почтальон, видел, как они убегали. Он и обнаружил тело Грегори.

– То есть никто не видел, как это произошло.

– Этого и не требовалось, мистер Джеймс. Всем все было ясно.

– Мне не ясно, – сказал я, и он снова пожал плечами. – И что они потом сделали?

– Сбежали. Они поняли, что добились своего. У Грегори весь затылок был раздроблен. Фэнни и его сестра исчезли на три недели – прятались в лесу. К тому времени, когда они поняли, что им некуда деваться, и вернулись домой, мы уже похоронили Грегори. Ховард Хюммель рассказал, что видел, и люди приняли это как должное. Отсюда, как видите, и «порочность» Фэнни...

– Но теперь... – произнес я, глядя на грубо подписанный крест. Я понял, что именно дети и подписали его, и это вдруг показалось мне самой отвратительной деталью всей истории.

– Вот-вот, теперь. Теперь Грегори хочет их вернуть себе. Из того, что вы мне рассказали, следует, что он *уже вернул* их. Но мне кажется, что он теперь хочет вызволить Фэнни из-под вашего влияния. – Он произнес последнее слово с немецкой тщательностью.

Я похолодел:

– Отобрать его.

– Отобратить его.

– Могу я спасти мальчика? – спросил я почти с мольбой.

– Я подозреваю, что кроме вас – никто, – ответил доктор Грюбер, глядя на меня словно издалека.

– Ради бога, помогите мне!

– Нет – даже ради него. Судя по вашим словам, все зашло слишком далеко. Мы, в нашей церкви, не верим в изгнание нечистой силы.

– Вы верите только в... – Я был взбешен.

– В грех – да. В это мы верим.

Я отвернулся и зашагал прочь. Наверное, он вообразил, что я все же вернусь и буду умолять его о помощи, однако я не остановился, и он крикнул мне вслед:

– Берегите себя, учитель!

Я шел домой как во сне: я с трудом мог поверить или допустить то, что казалось бесспорным в тот момент, когда я говорил со священником. Тем не менее он показал мне могилу; и я собственными глазами видел перемены в Фэнни, я видел Грегори. Мало того, я не только видел, я все это остро чувствовал.

Потом, не доходя примерно мили до Фор Форкс, я вдруг остановился, пораженный доказательством того, что Грегори Бэйт уже знает о том, что мне сегодня стало известно, и знает в точности, что я намереваюсь предпринять. В том месте одно из фермерских полей широко поднималось по голому холму, хорошо просматривавшемуся с дороги, – на его вершине стоял Грегори и глядел оттуда на меня. Когда я заметил его, он не шелохнулся, но напряженность, исходящая от него, так всколыхнулась, что я подпрыгнул, должно быть, на целый фут. Он смотрел на меня так, словно читал каждую мою мысль. Высоко в небе над ним монотонно кружил ястреб. Все сомнения покинули меня. Теперь я знал: все, что рассказал мне Грюбер, было правдой.

Единственное, что я мог предпринять, – это постараться не бежать. Но как бы я ни трусил в тот момент, я не выдал своего страха. Наверняка Грегори ждал, что я побегу: он стоял, опустив руки, и бледное лицо виднелось мутным пятном – он весь был нацелен в меня. Я приказал себе спокойно продолжать путь домой.

Я с трудом заставил себя проглотить ужин и съел совсем чуть-чуть. Матер заметил:

– Если вы собираетесь морить себя голодом – мне все равно: нам больше останется.

Я посмотрел ему прямо в глаза:

– А у Фэнни Бэйта помимо сестры был брат?

Он взглянул на меня с таким удивлением, на которое был только способен, и промолчал.

– Так был?

– Был.

– Как звали его брата?

– Его звали Грегори, но я буду благодарен, если вы воздержитесь от разговоров о нем.

– Вы его боялись? – спросил я, заметив страх на лицах Матера и его жены.

– Прошу вас, мистер Джеймс, – сказала Софрония Матер. – Это добром не кончится.

– Никто не говорит об этом Грегори Бэйте, – добавил ее муж.

– Что с ним случилось? – спросил я.

Он перестал жевать и положил вилку.

– Я не знаю, что вы там слышали и от кого, но вот что я вам скажу. Если и был на свете самый проклятый человек, так это Грегори Бэйт, и что бы там с ним ни случилось, он того заслужил. На этом прекратим разговор о Грегори Бэйте. – Затем он набил полный рот едой, и дискуссия закончилась. Миссис Матер молчала, упорно глядя в свою тарелку.

Я очень беспокоился: вот уже два дня ни один из Бэйтов не появлялся в школе, и все произошедшее казалось всего лишь дурным сном. Я с головой ушел в работу, однако все мои мысли были заняты Бэйтами, особенно несчастным Фэнни, и опасностью, грозившей детям.

Страх не покидал меня – тем более что однажды в городе я вновь видел Грегори.

Была суббота, и в Фор Форкс приехало много фермеров с женами – за покупками. Каждую субботу городок напоминал ярмарочную площадь, по крайней мере по сравнению с буднями. На тротуарах было тесно, и в лавках кипела торговля. Десятки лошадей заполнили улицу, из окошек повозок широко раскрытыми глазами глядели взбудораженные дети: поездка в город была для них событием. Во многих из них я узнавал своих учеников и приветственно махал им рукой.

Какой-то крупный крестьянин хлопнул меня по плечу и сказал, что знает, что я учитель его сына, и хочет пожать мне руку. Я поблагодарил его и задержался, чтобы побеседовать, как вдруг заметил Грегори через его плечо. Он стоял у почты, совершенно равнодушный к происходящему вокруг, и смотрел на меня – так же сосредоточенно, как смотрел вчера с вершины холма. Лицо его оставалось почти бесстрастным. У меня вдруг пересохло во рту, и, очевидно, что-то отразилось на моем лице, поскольку отец моего ученика замолчал и спросил, хорошо ли я себя чувствую.

– Ах, да, – ответил я, но это, очевидно, прозвучало довольно невежливо, так как я продолжал смотреть за его плечо. Никто, кроме меня, не замечал Грегори: все проходили мимо, глядя прямо перед собой. Они не видели его.

То, что в Грегори мне прежде казалось безудержной свободой, обернулось гнусной разнужданностью.

Я извинился перед фермером – головная боль, воспалившийся зуб – и развернулся к Грегори, но тот исчез за те несколько секунд, что я прощался с собеседником.

Теперь я твердо уверился, что развязка близка и что время и место Грегори выберет сам.

Когда Фэнни с Констанс пришли в школу, я решил, что буду защищать их. Они оба были бледны и тихи, и такая аура загадочности окружала их, что остальные дети к ним в тот день не приставали. Это случилось спустя четыре дня после того, как я видел их брата у почты. Я не представлял себе, что с ними происходило со дня последней нашей встречи, но выглядели они словно после тяжелой болезни, потерянными и обессиленными, эти несчастные оборванные робкие детишки. Меня же переполняла решимость отстоять их.

После уроков, когда все устремились по домам, я оставил брата с сестрой в классе. Покорно и молча они сели за парты.

– Почему он отпустил вас в школу? – спросил я.

Фэнни тупо взглянул на меня и сказал:

– Кто?

Я поразился:

– Грегори, разумеется.

Фэнни помотал головой, словно разгоняя туман:

– Грегори? Мы его уже давно не видели. Нет, вообще-то не очень давно.

Я был шокирован – они тосковали по нему: их вымотало его отсутствие!

– Тогда чем же вы занимаетесь одни?

– Мы переходим.

– Переходите?

Констанс кивнула, соглашаясь с Фэнни:

– Мы переходим.

– Переходите куда? Что переходите?

Теперь они оба смотрели на меня, раскрыв от удивления рты, словно пораженные моей тупостью.

– Переходите, чтобы встретиться с Грегори? – Я был в ужасе, но ни о чем больше думать не мог.

Фэнни покачал головой:

– Мы никогда не видим Грегори.

– Нет, – добавила Констанс, и я с ужасом услышал сожаление в ее голосе. – Мы просто переходим.

Фэнни, казалось, вдруг оживился на мгновение и проговорил:

– Но однажды я его слышал. Он сказал, что ничего такого, что вы мне тут говорили, нет. Ну, эти карты. Нет там ничего.

– Ну хорошо, а что тогда есть? – спросил я.

– Ну... то, что мы видим, – ответил Фэнни.

– Видим?

– Когда мы уходим, – сказал он.

– А что вы видите? – спросил я.

– Это так чудесно, – мечтательно произнесла Констанс и положила голову на парту. – Правда, чудесно.

Я не имел ни малейшего понятия, о чем они говорили, но мне все это не очень понравилось, и я решил поговорить с ними об этом позже.

– Ну что ж, сегодня вечером никто никуда не идет, – объявил я. – Я хочу, чтобы вы оба сегодня остались здесь, со мной. Я буду вас охранять.

Фэнни равнодушно кивнул, будто ему все равно, где ночевать, а когда я взглянул на Констанс, то увидел, что она заснула.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Постели мы можем приготовить попозже, а завтра я постараюсь найти в деревне две кровати для вас. Вы, ребята, не должны больше жить в лесу одни.

Фэнни снова безучастно кивнул, и я заметил, что он тоже совсем засыпает.

– Опусть голову на руки, – предложил я ему.

Через несколько мгновений они оба спали, положив головы на парты. И в тот момент я почти готов был согласиться с Грегори в том, что мир заканчивается этой деревней, этим классом, мной и двумя уставшими детишками в холодной школе-сарая: мое чувство реальности подверглось слишком сильным ударам. А между тем день стал клониться к концу; в классе, сумеречном и в солнечные дни, сгустились по углам тени, сделалось темно. Я не решался зажечь свет, и мы сидели в темноте, словно на дне колодца. Я обещал детям найти кровати, но жалкая деревушка в пятидесяти шагах отсюда казалась сейчас недостижимой. И даже если бы у меня хватило сил и решимости оставить их, я не мог себе представить, кто бы их приютил. Если это был колодец, то колодец отчаяния и безысходности, и я чувствовал себя таким же отверженным и одиноким, как эти дети.

Наконец я не выдержал и, подойдя к Фэнни, легонько потряс его за руку. Он встрепнулся, как испуганный зверек, и мне пришлось силой удержать его на стуле. Я спросил:

– Фэнни, я должен знать правду. Что случилось с Грегори?

– Он перешел, – ответил он все так же угрюмо.

– То есть умер?

Фэнни кивнул, его рот остался приоткрытым, и я снова увидел жуткие гнилые зубы.

– А он возвращается?

Он снова кивнул.

– И ты видишь его?

– Он видит нас, – спокойно проговорил Фэнни. – Он смотрит и смотрит. Он хочет потрогать.

– Потрогать?

– Как раньше.

Я приложил ладонь к своему лбу – он пылал. Каждое слово мальчика приоткрывало новую бездну.

– Это вы толкнули лестницу?

Фэнни тупо смотрел на парту, и мне пришлось повторить свой вопрос:

– Фэнни, это вы толкнули лестницу?

– Он все смотрит и смотрит... – произнес мальчик, словно констатируя важнейший факт.

Я взял его голову в свои руки, чтобы заставить посмотреть на меня, и в это мгновение в окне показалось лицо его мучителя. Жуткое белое лицо – он будто хотел заставить Фэнни не отвечать на мои вопросы. Мне вдруг стало худо, я словно летел в какую-то яму и в то же время чувствовал, что наш поединок наконец начался. И я прижал Фэнни к себе, пытаясь защитить его уже физически.

– Он здесь? – взвизгнул Фэнни, и от звука его голоса Констанс упала на пол и начала кричать.

– Да какая разница?! – завопил я. – Я не отдам вас ему! Вы – *мои*! Он знает, что потерял вас! Потерял навсегда!

– Где он?! – снова завизжал Фэнни, отталкивая меня. – Где Грегори?!

– Там, – сказал я и развернул его лицом к окну.

Мальчика била дрожь, и мы оба глядели на пустое окно, но видели лишь темное небо. Ликование охватило меня – я победил! От радости я схватил Фэнни за руку, и он издал вопль неподдельного отчаянья. Он повалился вперед, и я обхватил его, словно удерживая от падения в саму преисподнюю. И только через несколько секунд я осознал, *что* я схватил: сердце Фэнни остановилось, и я держал в руках безжизненное тело. Он *перешел* навсегда.

– Вот и все, – заключил Сирс и обвел взглядом друзей. – Грегори тоже исчез навсегда. Меня свалила жесточайшая лихорадка, и я пролежал три недели на своем чердаке. К тому времени, когда я поправился и смог самостоятельно ходить, Фэнни уже похоронили. Я хотел бросить все и уехать из деревни, но был связан контрактом, и мне пришлось продолжить работу. Я чувствовал себя опустошенным, но смог пересилить свои эмоции. Под конец я даже начал применять линейку для наказаний. Я растерял все свои либеральные порывы и к концу контракта считался хорошим учителем.

Хотя... вот еще что. В день своего отъезда из Фор Форкс я впервые пришел взглянуть на могилу Фэнни. Она была за церковью, рядом с могилой его брата. Я смотрел на две могилы и, как вы думаете, что я чувствовал? Ничего. Я чувствовал пустоту. Будто ничего такого со мной не произошло.

– А что случилось с его сестрой? – спросил Льюис.

– О, с ней все в порядке. Она была тихой девочкой, и люди жалели ее. Я переоценил черствость жителей деревни. Одна семья взяла ее к себе. Насколько мне известно, там к ней относились как к своей дочери. По-моему, она забеременела, вышла замуж и уехала из деревни. Но это произошло много лет спустя.

Фредерик Готорн

1

Рики шел домой, с удивлением глядя на падающий снег. «Кажется, будет суровая зима, – думал он. – Что-то с погодой творится неладное». Освещенные желтым кругом уличного фонаря снежинки кружились, падали и ложились на землю, чтобы через мгновение растаять. Ветер холодным языком забирался под твидовое пальто. Рики предстояла получасовая про-

гулка, и он жалел, что не приехал на своем старом «бьюике», к которому, по счастью, Стелла отказывалась даже прикасаться. Обычно он пользовался машиной, но сегодня пошел пешком – нужно было подумать, как бы выведать у Сирса содержание письма к Дональду Вандерлею. Сегодня это ему не удалось. Сирс сказал только то, что хотел – не более того. Ошибка, по мнению Рики, уже была сделана; какая теперь разница в том, какими словами она сформулирована? Он громко вздохнул, чем удивил самого себя, и заметил, как несколько крупных ленивых снежинок, закруженные его дыханием в сложный узор, растаяли на лету.

В последнее время все истории, включая его собственные, приводили его душу в смятение, но сегодняшняя оставила особенно тревожное ощущение. Ночи Рики были теперь одинаково страшными; сны, о которых они с Сирсом говорили, преследовали его до самого рассвета, и он не сомневался, что истории, которые они друг другу рассказывали, лежали в основе этих снов. И все же ему казалось, что нынешнее его беспокойство не связано со снами так же, как и не связано с историями, хотя сегодня Сирс рассказал самую жуткую, да и все их истории становились с каждым разом все мрачнее. Они пугали друг друга, но продолжали встречаться, поскольку не встречаться было бы еще страшнее. Вместе – наблюдая, как каждый из них пытается бороться, – им становилось легче. Даже Льюис был напуган: иначе зачем голосовал бы за отправку письма Дональду Вандерлею? И мысль о том, что конверт с письмом уже в пути, очень беспокоила Рики.

Возможно, мне давно следовало уехать из этого города, заключил он, поглядывая на дома, мимо которых шагал. Едва ли нашелся бы среди них хоть один, в котором он не побывал, – по делу или в гостях, навещал клиента или угощался ужином. Возможно, надо было уехать в Нью-Йорк после свадьбы, как того хотела Стелла, но тогда это казалось Рики предательством. Лишь постепенно и не до конца он сумел убедить жену в том, что вся его жизнь – здесь, в Милбурне, с Сирсом и адвокатской практикой. Холодный ветер жег шею и пытался стянуть шляпу. За углом он увидел длинный черный «линкольн» Сирса, припаркованный у бордюра; в библиотеке горел свет. Сирс не сможет сегодня заснуть, и не рассказанная история тому причиной. Теперь они знали, к каким последствиям приводят их воспоминания о былом.

«Но это не просто истории, – подумал он. – И не просто письмо. Что-то должно случиться». Вот почему они рассказывали истории. Рики не обладал даром предвидения, однако страх будущего, который он ощутил две недели назад в разговоре с Сирсом, снова глухо отозвался в нем. Поэтому он и подумал об отъезде из города. Он свернул на Мелроуз-авеню: «авеню», по-видимому, благодаря посаженным по обеим сторонам улицы густым деревьям. Оранжевый свет фонарей окрашивал ветви, вытянутые словно в немой просьбе. Сегодня днем деревья сбросили последние листья. «Что-то должно случиться со всем городом». Над головой Рики скрипнула ветка. Далеко позади, на 17-м шоссе, переключил скорость грузовик: в эти холодные ночи звуки далеко разносились по Милбурну. А вот стали видны освещенные окна спальни на третьем этаже его дома. Уши и нос пощипывало от холода. «После стольких лет долгой и благоразумной жизни, – размышлял Рики, – нельзя позволить себе стать мистиком, старина. Нам всем необходимо собраться с силами и положиться на здравый рассудок».

И в это мгновение, когда он уже почувствовал себя в безопасности, Рики показалось, что кто-то за ним следит: этот кто-то стоял за углом и пристально смотрел на него. Он чувствовал взгляд холодных глаз, и эти глаза словно плыли в пространстве сами по себе – лишь они следили за ним. Он почти наяву представил их себе – светящиеся бледным светом и плывущие в воздухе на уровне его собственных глаз. Они были ужасающе безжизненны – как глаза маски. Он обернулся, готовый увидеть их, настолько реальным было ощущение их присутствия. Расстерянный и встревоженный, он почувствовал, что дрожит. Конечно же, улица была пуста. Просто пустая улица, даже в темную ночь обыкновенная, как щенок дворняжки.

«На этот раз ты сам все сочинил, – подумал он. – Ты да этот жуткий рассказ Сирса. Глаза! Прямо-таки в духе старых фильмов Петера Лорре. Глаза... *Грегори Бэйта*? Проклятье.

Руки Доктора Орлака. Да ничего особенного не должно случиться, – продолжал убеждать себя Рики. – Просто мы – четверо старых выживающих из ума простофиль. Представить только, что я подумал...»

Но он не подумал, что те глаза были за его спиной, – он знал это. Знал наверняка.

«Чепуха!» – едва не произнес он вслух, однако прошел через входную дверь чуть быстрее, чем обычно.

Дом стоял погруженный в темноту, как всегда по вечерам собраний Клуба. Нашупав пальцами край дивана, Рики обошел кофейный столик, об который в такие вечера обычно набивал шишки. Успешно миновав это препятствие, он ощупью прошел за угол в гостиную и дальше – на кухню. Здесь он мог спокойно зажечь свет, не боясь побеспокоить сон Стеллы; теперь включить свет он мог только наверху, в гардеробной, которая вместе с ненавистным итальянским кофейным столиком была безрассудной идеей Стеллы. Она заявила, что их шкафы переполнены, негде разместить несезонную одежду, а маленькая спальня, соседствующая с их собственной, после отъезда Роберта и Джейн пустовала; и вот за восемьсот долларов они переоборудовали ее в гардеробную с горизонтальными планками для вешалок, зеркалами и новым ковром. Идея гардеробной доказала кое-что: жена всегда утверждала, что у него максимально возможное количество одежды. Это оказалось сюрпризом для Рики, который был настолько не тщеславен, что совсем не замечал своего неосознанного щегольства.

Еще более неожиданным сюрпризом оказалось то, что его руки дрожали. Он было собрался приготовить себе чашку ромашкового чая, но когда заметил, как дрожат руки, забрал бутылку к себе в кабинет и налил в стакан немного виски. Пугливый старый идиот. Однако обзывания не помогли, и, когда он поднес стакан ко рту, рука дрожала по-прежнему. Это все из-за проклятой годовщины. Виски во рту показался ему соляжкой, и он выплюнул его в раковину. Бедный Эдвард. Рики сполоснул стакан, выключил свет и начал подниматься по темной лестнице.

Переодевшись в пижаму, он вышел из гардеробной и прошел через холл к спальне, тихонько открыл дверь. Стелла спокойно и ровно дышала во сне. Если постараться и прокрасться к своей половине кровати, не задев кресло не споткнувшись о ее туфли или не задев живаясь, чтобы причесаться у зеркала, – она не проснется.

Он добрался до своей половины, не разбудив Стеллу, и тихонько скользнул под одеяло. Очень нежно он погладил обнаженное плечо жены. Похоже, у нее начался очередной роман или интрижка, и Рики подумал, что она опять встречается с профессором, с которым познакомилась год назад: начались телефонные звонки с безмолвным дыханием в трубку, определенно принадлежащим ему. Однако уже давно Рики понял, что есть на свете вещи страшнее, чем периодические любовные похождения жены. У нее была своя жизнь, и он был ее большей частью. Несмотря на то что он сам иногда чувствовал и сказал Сирсу – если бы он не женился, он бы непомерно обделил свою жизнь.

Рики вытянулся на кровати в ожидании того, что должно было, как он знал, прийти. Он припомнил сверлящее ощущение взгляда на своей спине. Так хотелось, чтобы Стелла помогла ему, как-то успокоила его. Но, не желая беспокоить и тревожить ее и полагая, что это все как-нибудь закончится и он не должен перекладывать свою беду на ее плечи, – он никогда не рассказывал ей о своих ночных кошмарах. Так Рики Готорн готовился ко сну: уставший, встревоженный, ревнующий и испуганный, он с открытыми глазами лежал на спине, заложив руки за голову, и его умное лицо не отражало никаких эмоций.

2

В своем номере отеля «Арчер» Анна Мостин стояла у окна и смотрела, как летят вдоль улицы снежинки. Верхний свет был выключен, полночь уже миновала, но она так и не разделась. Длинное пальто лежало на кровати, как будто она только что вошла или собралась вот-вот уйти.

Она стояла у окна и курила – высокая привлекательная женщина с темными волосами и удлинёнными голубыми глазами. Из окна она видела Мэйн-стрит почти на всей протяженности, одну сторону пустынной площади с пустыми скамейками и голыми деревьями, темные витрины магазинов, ресторана «Вилледж Памп» и универмага. В двух кварталах отсюда зажегся зеленый глаз светофора. На другой стороне площади виднелись темные фасады двух церквей, плывущие как миражи над голыми верхушками деревьев. Бронзовый генерал Гражданской войны, стоящий на площади, тянул руку с мушкетом в величественном жесте.

«Сегодня ночью или завтра?» – гадала она, затягиваясь сигаретой и изучая маленький город.

«Сегодня».

3

Когда Рики Готорн наконец уснул, это совсем не было похоже на сон – просто его тело словно перенеслось в другое помещение в ином здании. Он лежал в странной комнате, ожидая, что что-то должно случиться. Комната была пуста, здание – покинуто. Стены и пол – голые доски; окно – пустая рама, солнечный свет сочился из многочисленных щелей, и в его застывших лучах крутились столбики пыли. Откуда-то он знал, что что-то сейчас произойдет, и боялся этого. Встать с кровати он не мог; мышцы его работали, но он, сам не зная почему, понимал, что не сможет избежать того, что приближалось. Комната располагалась на верхнем этаже здания: в окне виднелись лишь серые облака и бледно-голубое небо. Но то, что приближалось, должно было прийти не оттуда, а изнутри здания.

Он был укрыт старым стеганым одеялом, настолько выцветшим, что отдельные квадратики казались совсем белыми. Его парализованные ноги напоминали две вытянутые ниточки. Посмотрев вверх, Рики заметил, что с необычной ясностью различает каждую деталь вагонки на стенах: он видел, как древесное волокно струилось вдоль планки, как закручивалось оно в сучках, в каких планках неплотно забиты гвозди. Сквозняки гуляли по комнате, поднимая пыль то здесь, то там...

Снизу, из самой глубины дома, донесся удар – как будто нараспашку открылась тяжелая подвальная дверь и ударилась о стену. Даже его комната содрогнулась здесь, наверху. Он прислушался и услышал, как что-то большое вытягивается из подвала: какое-то крупное тяжелое существо, которому приходится протискиваться через дверной проем. Раздался треск дерева – существо глухо ударилось в стену. Это нечто начало медленно и неуклюже исследовать первый этаж. Рики, словно его глазами, видел то, что видело оно: череду таких же пустых комнат. На первом этаже сквозь щели в полу пробивалась высокая трава. Солнечный свет падал на стебли и на спину того, что так тяжело, но целенаправленно продвигалось через пустые комнаты. Раздался свистящий звук, затем резкий визг – оно обнюхивало дом, зная, что в нем находился он.

Рики вновь попытался подвигать ногами, однако они даже не шелохнулись. Эта тварь внизу, проходя сквозь комнаты, задевала стены, издавая при этом скрежет; дерево трещало. Ему показалось, что под ней проваливаются гнилые доски пола.

Затем раздался звук, ужаснувший его: она протиснулась сквозь следующий дверной проем, и сразу звуки стали громче – теперь он различал, как она дышит. У первой ступеньки лестницы.

Он услышал, как тварь устремилась вверх.

Раздался грохот – как будто она рванулась сразу через пять ступенек, а затем соскользнула вниз. Она повторила попытку уже медленнее, скуля от нетерпения, перешагивая сразу через две-три ступени.

Лицо Рики взмокло от пота. Он не был до конца уверен, что спит, и это пугало больше всего: если бы он знал наверняка, что это сон, ему пришлось бы только потерпеть до его окончания, дожидаться, пока эта тварь не заберется вверх и не ворвется в его комнату, – тогда страх его разбудит. Но это совсем не походило на сон. Его чувства были настороже, ум – ясным, а ощущениям не доставало свободной, отделенной атмосферы сновидений. Никогда, ни в каких снах он не потел. Если же это был не сон, тогда это нечто, грохочущее по ступеням, схватит его, поскольку он не может пошевелиться.

Звуки изменились, и тогда до Рики дошло, что он точно лежит на третьем этаже пустого здания, поскольку тварь, разыскивающая его, забралась на второй. Шум, производимый ею, стал намного громче: скулеж и шелест, когда ее тело задевало стены и протискивалось в двери. Почуввав его, она задвигалась быстрее.

Пыль все так же клубилась и поблескивала в лучах солнечного света; редкие облака все так же скользили по небу, похожему на небо ранней весной. Когда тварь вылезла на лестничную площадку, пол затрещал.

Теперь он отчетливо слышал ее дыхание. Она бросилась к последнему лестничному пролету с грохотом железного шара, разрушающего стену дома. Желудок Рики словно наполнился льдом; он боялся, что его вырвет – вырвет кубиками льда. Он бы закричал, но, даже зная, что все это не наяву, подумал, что тварь не найдет его, если он будет лежать тихо. Она визжала и поскуливала, поднимаясь вверх. Одна ступенька треснула.

Когда она достигла площадки за дверью, он понял, что это было такое. Паук! Это был гигантский паук. Глухо бухнуло в дверь его комнаты. Рики услышал, как тварь снова заскулила. И, если бы пауки могли скулить, наверное, именно так это бы и звучало. Несколько лап заскребли в дверь, и скулеж сделался громче. Рики объял ужас, чистейший первобытный страх, ничего страшнее в жизни он не испытывал.

Но дверь не треснула. Она тихо отворилась. Высокая черная фигура стояла прямо у порога. Это был не паук, и ужас Рики чуть схлынул. Черный силуэт в дверном проеме какое-то мгновение неподвижно смотрел на него. Рики попытался сглотнуть; при помощи рук ему удалось с усилием приподняться. Он прижался спиной к голой обшивке стены и вновь подумал: «Это не сон».

Черный силуэт вошел в комнату.

Рики увидел, что это вовсе не животное, а человек. Потом от силуэта отделилась одна черная плоскость, затем еще одна – перед ним предстали трое. Под капюшонами, закрывавшими безжизненные лица, он разглядел знакомые черты. Сирс Джеймс, Джон Джеффри и Льюис Бенедикт стояли перед ним, и он знал, что они мертвы.

С криком он проснулся и увидел такое обычное утро на Мелроуз-авеню, теплых тонов спальню с графикой на стенах, что привезла Стелла из последней поездки в Лондон, окно на задний двор, рубашку, свисающую со стула. Мягкая рука Стеллы сжимала его плечо. В комнате, казалось, как-то загадочно не хватало света. Необъяснимое побуждение заставило Рики вскочить с кровати – насколько это позволяли его старые ноги – и подойти к окну. Стелла за спиной спросила:

– Что там?

Он не знал, чего искал, но то, что он увидел, было для него неожиданностью: весь задний двор, крыши всех соседних домов были припорошены снегом. Небу тоже, казалось, не хватало света. Он произнес:

– Всю ночь шел снег, Стелла. Джону Джеффри не стоило устраивать ту проклятую вечеринку.

4

Стелла села на кровати и заговорила с ним так, будто он сказал что-то вразумительное.

– Разве это было не год назад, Рики? Я не вижу никакой связи с выпавшим ночью снегом. Он потерял глаза и сухие щеки, пригладил усы.

– Прошлым вечером исполнился год, – затем он наконец услышал себя. – Нет, конечно, нет. То есть никакой связи.

– Ляг, пожалуйста, и расскажи мне, что не так, милый.

– О, со мной все в порядке, – сказал он, но вернулся в кровать. Когда он поднял одеяло, чтобы укрыться им, Стелла сказала:

– Неправда, милый. У тебя, похоже, был жуткий сон. Ты не хочешь рассказать мне его?

– Да он какой-то бессмысленный.

– И все же попытайся. – Стелла начала гладить его спину и плечи, и он обернулся взглянуть на нее. Как и сказал Сирс, Стелла была красавицей: она была красива в день их первой встречи и, очевидно, останется такой до конца жизни. Ее внешность ничем не напоминала пухлую миляшку с коробки шоколадных конфет. Высокие скулы, правильные черты лица и тонкие черные брови. Волосы Стеллы совсем поседели после тридцати, и она отказалась осветлять их, за много лет предвосхитив, каким сексуальным станет сочетание густых седых волос с молодым лицом: и сейчас ее седые волосы оставались густыми, а лицо не намного старше, чем тогда. Ее лицо, строго говоря, никогда не было молодым и никогда не станет по-настоящему старым: выходило так, что с каждым годом, почти до пятидесятилетия, она набирала свою красоту и теперь обрела ее в полной мере. Она была на десять лет моложе Рики, но все еще выглядела чуть за сорок.

– Скажи мне, Рики, – попросила она, – что, черт возьми, происходит?

Он начал рассказывать ей свой сон и видел, как участие, ужас, любовь и страх отражались на ее прекрасном лице. Слушая, она продолжала гладить его спину, затем – грудь.

– Родной мой, – сказала она, когда он закончил, – и каждую ночь ты видишь такие сны?

– Нет. – Он смотрел на нее и видел под маской эмоций эгоцентризм и изумление, всегда присущие Стелле и слитые воедино. – Этот был самым плохим. – Затем чуть улыбнулся, потому что догадывался, к чему приведут ее поглаживания, и добавил: – Этот был лауреатом.

– В последние дни ты такой напряженный, – Стелла подняла руку и коснулась его губ.

– Я знаю.

– Вам всем снятся кошмары?

– Кому всем?

– Клубу Фантазеров, – она прижала руку к его щеке.

– Думаю, да.

– Понятно, – сказала она, села и, скрестив перед собой руки, начала стягивать через голову ночную рубашку. – А не кажется ли вам, старым дурачкам, что вам следует что-то с этим сделать? – Сняв рубашку, она движением головы откинула назад волосы. Двое детей оттянули ее груди, соски сделались большими и коричневыми, но тело Стеллы состарилось не намного сильнее, чем лицо.

– Мы не знаем, что делать, – признался он.

– Зато я знаю, – сказала она, откинулась на спину и протянула к нему руки. Если Рики когда и мечтал оставаться холостяком, как Сирс, то только не в это утро.

– Старый развратник, – сказала ему Стелла, когда они закончили. – Если бы не я, ты бы давно уже забыл, что это такое. Если бы не я, ты бы считал ниже своего достоинства когда-либо скинуть одежду.

– Неправда.

– Неужели? А что бы ты тогда делал? Гонялся за малолетками, как Льюис Бенедикт?

– Льюис не гоняется за малолетками.

– Ну тогда за двадцатилетками.

– Нет. Не стал бы.

– Вот. Я права. Ты бы вообще не занимался сексом, как твой драгоценный Сирс, – она поправила простыни и одеяла на своей половине кровати и встала со словами: – Я первая в душ. – Каждое утро Стелла подолгу плескалась в душе. Она надела серо-белый халат. – Я скажу тебе, что следует сделать. Прямо сейчас позвони Сирсу и расскажи ему про свой жуткий сон. Вам надо, по крайней мере, переговорить об этом – для начала. Насколько я знаю тебя и Сирса, вы можете неделями сидеть рядом и ничего не рассказывать друг другу о себе. Это отвратительно. О чем вы вообще говорите, скажи мне, пожалуйста?

– О чем говорим? – вопрос застал Рики врасплох. – Мы говорим о законах.

– Ах, о законах, – сказала Стелла и решительно направилась к ванной.

Когда спустя почти полчаса она вернулась, он сидел на кровати со смущенным видом. Мешки под глазами набрякли больше, чем обычно.

– Газету еще не принесли, – сказал он. – Я спускался посмотреть.

– Ну, разумеется, не принесли. – Стелла бросила полотенце и коробку салфеток на кровать и повернулась, чтобы уйти в гардеробную. – Как ты думаешь, сколько сейчас времени?

– Времени? Да, кстати, который час? Мои часы остались на столе.

– Всего лишь начало восьмого.

– Восьмого?

Они, как правило, не вставали раньше восьми, и Рики обычно бездельничал до ухода в офис на Уит Роу в девять тридцать. И хотя ни он, ни Сирс не признавались в этом, работы у них стало намного меньше: время от времени заглядывали старые клиенты, имелись несколько сложных тяжб, которые, похоже, затянутся до следующей декады, всегда в активе были пара завещаний или уточнений по проблемам с налогами, – тем не менее два дня в неделю они могли спокойно сидеть дома, и никто бы этого не заметил. Как-то сидя на своей половине офиса и читая второй роман Дональда Вандерлея, Рики безуспешно пытался убедить себя в том, что хотел бы видеть автора в Милбурне.

– Зачем же мы так рано встали?

– Позволь тебе напомнить: нас разбудил твой крик, – откликнулась Стелла из гардеробной. – У тебя были какие-то проблемы с монстром, который хотел тебя съесть, вспомнил?

– Угу, – сказал Рики. – Я думал, еще темно.

– Не хитри, – крикнула Стелла и через пару минут стояла рядом, полностью одетая. – Если во сне ты начинаешь кричать, то самое время начать воспринимать всерьез все происходящее с тобой. Я знаю, ты не пойдешь к врачу...

– Я не пойду даже к главному врачу, – сказал Рики. – Мой рассудок прекрасно работает.

– О чем и речь. Однако тебе надо хотя бы потолковать об этом с Сирсом. Мне не нравится смотреть, как ты изводишь себя. – С этими словами она вышла и стала спускаться вниз.

Рики, озадаченный, снова лег. Как он признался Стелле, это был самый жуткий из его ночных кошмаров. Даже просто вспоминать о нем было тревожно, даже просто отпустить Стеллу из спальни. Впечатления сна оставались необычайно яркими, с подробностями и красками реальности. Он вспомнил лица своих друзей, несчастные покинутые тела, безжизненные оболочки. Это было дико, даже в какой-то мере безнравственно, и шок от этого ощущения ужаснул его больше, чем тот страх, что вызвал утром его крик. Возможно, Стелла права. Не

зная еще, как объяснит причину звонка Сирсу, он все же снял трубку телефона, стоявшего у кровати. С первым ответным гудком Рики понял, что ведет себя очень нехарактерно и к тому же не имеет ни малейшего понятия, почему Стелле пришло в голову, что Сирс скажет что-то стоящее. Но передумывать было уже поздно, Сирс поднял трубку.

– Сирс? Это Рики.

Сегодня утром он, несомненно, бил все рекорды по непоследовательности: ну кто еще, кроме Сирса, мог ответить по телефону?

– Рики, слава богу, – сказал тот. – Я как раз собирался звонить тебе. Ты не мог бы заехать за мной через пять минут?

– Через пятнадцать, – ответил Рики. – Что стряслось? – И затем, вспомнив свой сон: – Кто-то умер?

– Почему ты спрашиваешь? – резко спросил Сирс.

– Так, просто. Расскажу позже. Я так понимаю, мы не поедем в Уит Роу?

– Нет. Мне только что позвонил наш Вергилий. Требуется, чтоб мы приехали к нему – он собирается засудить всех и вся. Как, осилим?

– Эльмер хочет, чтобы мы оба приехали к нему на ферму? Что случилось?

В голосе Сирса мелькнуло нетерпение:

– Что-то из ряда вон. Жми, Рики.

5

В то время как Рики второпях принимал обжигающий душ, Льюис Бенедикт бежал трусцой по тропинке через лес. Каждое утро, перед тем как приготовить завтрак себе и очередной подружке, проводшей ночь в его доме, он пробегал две мили. Сегодня, как и всегда после заседания клуба (и намного чаще, чем представляли себе его друзья), никакой девушки не было, а Льюису бежалось тяжелее, чем обычно. В эту ночь ему приснился кошмар, самый страшный в его жизни; впечатления еще жили в нем, и он думал, что хорошая пробежка выветрит их: кто-то другой на его месте схватился бы за дневник, или пожаловался жене, или опрокинул стаканчик, но Льюис предпочитал тренироваться. И сейчас, в голубом спортивном костюме и кроссовках «Адидас», он пыхтел по лесной тропинке.

В собственность Льюиса входили лес и пастбище с каменной фермой, которые он приобрел сразу же, как только увидел. Ферма напоминала крепость с бойницами: громоздкое здание, построенное в начале века богатым фермером, которому нравились замки с иллюстраций к романам сэра Уолтера Скотта, любимого писателя его жены. Льюис не слышал о Уолтере Скотте и ему было наплевать на него, но с годами, проведенными в отеле, у него возникла потребность окружить себя множеством комнат. В коттедже он бы непременно страдал от клаустрофобии. Когда Льюис все же решил продать отель гостиничной сети, предлагавшей все возрастающую сумму в течение предшествующих лет, то после уплаты налогов у него осталось достаточно денег. Отделка, пистолеты и копья не всегда приходились по душе его гостям женского пола (Стелла Готорн, которая провела три рискованных дня на ферме Льюиса сразу после его возвращения, заявила, что ей прежде не доводилось бывать в офицерской столовой). Он побыстрее продал пастбища, но оставил себе лес, потому что ему нравилось обладать им.

Во время лесных пробежек он всегда подмечал что-то новое, что обостряло его жизнь: то спрятавшиеся в низинке у ручья подснежники, в другой раз – большого, величиной с кошку, краснокрылого дрозда, черным глазом уставившегося на него с кленовой ветки. Однако сегодня он не смотрел по сторонам – просто бежал по заснеженной тропке и мечтал о том, чтобы поскорее закончилось то необъяснимое, что творилось в последние дни. Возможно, молодому Вандерлею удастся поставить все на свои места: судя по его книге, ему самому пришлось несколько раз побывать в подобных ситуациях. Возможно, Джон прав и племянник

Эдварда сможет выяснить, что происходит с ними. Это не могло быть возмездием – столько лет минуло после той истории с Евой Галли, что, казалось, участниками ее были пятеро совсем других людей из совсем другой страны. Если взглянуть на землю и сравнить ее с той, что была в двадцатые годы, никогда не подумаешь, что это то же самое место – вон, даже лес подрост с тех пор.

На бегу Льюис любил поразмышлять о древних лесах, что когда-то покрывали почти всю территорию Северной Америки: необъятный пояс деревьев и растительности, девственный и тихий, в котором жили только он да индейцы. И немножко духов. Конечно, под бесконечными лесными сводами нельзя не верить в духов. Индейская мифология полна ими – они очень гармонировали с ландшафтом. Увы, мир «Бургер Кингов», супермаркетов «Пигли-Вигли» и гольф-клубов «Питч-н-Патт», должно быть, вытеснил их.

«Еще не вытеснил, Льюис. Пока еще».

Словно чужой голос заговорил в нем самом. «Черта с два не вытеснил», – возразил он самому себе.

«Не отсюда. Пока еще».

Черт. Он сам себя пугал. Он был все еще под впечатлением проклятого сна. Наверное, им пора собраться и поговорить о своих ночных кошмарах – рассказать их друг другу. Предположим, им снится один и тот же сон. О чем это говорит? Дальше этого рассуждения Льюиса не шли. Ну, что-нибудь это да значит: по крайней мере, надо все обсудить, глядишь – поможет. Он вспомнил, каким напуганным проснулся утром. Под ногой шлепнула слякоть, и перед глазами вновь возник финал сна: двое мужчин снимают капюшоны, чтобы показать безжизненные лица.

«Пока еще не вытеснил».

Черт побери. Он остановился – почти на полпути – и вытер лоб рукавом спортивной куртки. Ему очень захотелось, чтобы пробежка уже закончилась и он оказался на своей кухне, чтобы пахло свежим кофе и жареным беконом. На мгновение он облокотился на забор в конце тропинки – там, где она заворачивала обратно в чашу, – и взглянул на поле, что когда-то продал. Сейчас его бугристое пространство было слегка припорошено снегом. Все это тоже было когда-то лесом.

«В котором живут темные силы».

О, дьявол. Ну что ж, если и так, то их пока не видать. Воздух был тяжел и пуст, и долина впереди просматривалась вплоть до 17-го шоссе, по которому тяжелые грузовики шли в Бинг-эмптон и Эльмиру или куда-то в направлении Нейбурга или Поукипси. На какое-то мгновение ему вдруг стало не по себе – что-то было в лесу за его спиной. Он повернулся, но увидел лишь пустую тропинку, ныряющую в чашу, услышал лишь недовольное цоканье белки – она словно жаловалась на грядущую голодную зиму.

«У нас у всех голодные зимы, приятель».

Он думал о времени после смерти Линды. Ничто так не отпугивает гостей, как публичное самоубийство. А где миссис Бенедикт? Ах да, это она истекает кровью во внутреннем дворике, ах, как странно у нее вывернута шея... Они исчезли один за другим, оставив его с растущим двухмиллионным долгом и без всякого дохода. Ему пришлось распустить три четверти штата, а остальным платить из собственного кармана. Три года прошло, прежде чем дела наладились, и шесть – пока он не развязался с долгами.

Ему вдруг остро захотелось не кофе и бекона, а бутылочку пива «О'Кифи». А лучше – целый галлон. В горле пересохло, грудь болела.

«Да, приятель, у всех нас зимы голодные».

Галлон «О'Кифи»? Да он сейчас выпил бы бочку. Воспоминания о нелепой, непостижимой гибели Линды всегда вызывали у него желание напиться вусмерть.

Пора было возвращаться. Взволнованный воспоминаниями – все девять лет лицо Линды, реальное до последней черточки, вставало перед ним, словно требуя ответа, – он отвернулся от забора и глубоко вздохнул. Вылечит не галлон пива, а пробежка. Лесная тропинка длиной в полторы мили, казалось, стала уже и темнее.

«Твоя беда, Льюис, в том, что ты желтый».

Наверняка это сон окунул его в мир воспоминаний. Сирс и Джон в мрачных саванах, с такими безжизненными лицами... А как же Рики? Если двое живущих ныне членов Клуба Фантазеров были там, то почему не было Рики?

Он начал потеть еще до того, как побежал обратно.

Прежде чем повернуть прямо к дому, тропинка забирала далеко влево: раньше этот крюк был для Льюиса любимым участком утренней пробежки. Буквально через пятнадцать шагов своды леса смыкались, пряча за спиной воспоминание об открытом поле. И именно на этом участке пути лес напоминал собой тот самый – древний: огромные густые дубы и девически светлые березки боролись за корневое пространство, высокие папоротники подступали к самой тропинке. Сегодня же все это не радовало его. Все эти деревья, их обилие и густота, таили в себе неясную угрозу: чем дальше от дома, тем в меньшей безопасности он себя чувствовал. И сейчас он с трудом преодолевал последний отрезок пути сквозь снежную пыль, наполнявшую воздух.

Когда новое ощущение ударило в первый раз, Льюис проигнорировал его, поклявшись самому себе держать себя в руках: хватит на сегодня волнений. А показалось ему, что кто-то стоит за спиной, в самом начале обратной тропинки – там, где она ныряла в лес. Он знал, что никого там быть не может: никто не мог пройти незамеченным через поле. Но ощущение не отпускало, и от него никак не удавалось избавиться. Глаза наблюдателя, казалось, не отставали, проникая вместе с ним все глубже в чащу. Прямо над его головой с ветвей дуба сорвалась стая ворон. В любой другой день это позабавило бы Льюиса, но сейчас гвалт вороньей стаи так напугал его, что он подпрыгнул и едва не упал.

Затем ощущение изменилось и усилилось. Некто за спиной теперь двигался за ним, сверля взглядом огромных глаз. Презирая самого себя, Льюис в панике бросился к дому, не осмеливаясь оглянуться. Он чувствовал на себе эти глаза до самого момента, как выбежал из леса на дорожку, ведущую к саду на заднем дворе и дверям кухни.

Он пронесся по дорожке, жадно хватая воздух, дернул ручку двери и вскочил в дом. Захлопнув за собой дверь, он подбежал к окну. Тропинка была пуста – лишь отпечатки его следов. Все еще испуганный, Льюис вгляделся в опушку леса. Промелькнула предательская мыслишка: а может, продать здесь все и переехать в город? Однако чужих следов не было. Да и никого здесь быть не могло: никто не прятался под деревьями на опушке леса; и не стоило бояться выходить из дома – дома, в котором он так нуждался и который служил убежищем в его вынужденной комфортабельной изоляции от неуютного столпотворения города. И этого решения, принятого в день первого снега, он будет придерживаться.

Льюис поставил на плиту чайник, достал с полки банку кофе, наполнил кофемолку зернами «Блю Маунтин» и включил ее. «О дьявол». Он вынул из холодильника бутылку «О'Кифи» и, открыв ее, влил в себя почти все, не глотая и не ощущая вкуса. Когда пиво охладило желудок, двугранная мысль удивила его: «Как бы я хотел, чтобы Эдвард был жив: как бы я хотел, чтобы Джон тогда так упорно не настаивал на проведении проклятого званого ужина».

6

– Ну, рассказывай, – сказал Рики. – Что, опять нарушители владений? Мы ведь объясняли ему нашу позицию по этому вопросу. Он должен знать, что, даже если и выиграет тяжбу, судебные издержки не покроют его убытков.

Они подъезжали к подножьям холмов Кайуга Вэлли, и Рики вел старый «бьюик» с большой осторожностью. На дорогах было скользко, и хотя он обычно перед восьмимильной поездкой на ферму Эльмера Скейлса ставил зимнюю резину, сегодня, по милости Сирса, на это не хватило времени. Сам же Сирс, большой и неуклюжий в черной шляпе и черном зимнем пальто с меховым воротником, похоже, тоже осознал это:

- Повнимательнее за рулем, – сказал он. – На подъездах к Дамаскасу может быть гололед.
- Мы едем не в Дамаскас, – подметил Рики.
- В любом случае.
- Почему ты не взял свою машину?
- Мне сегодня утром ставят зимнюю резину.

Рики удивленно хмыкнул. Сирс сегодня явно в непримиримом расположении духа, в котором он бывал в тех случаях, когда предстоял разговор с Эльмером Скейлсом. Это был один из самых трудных их клиентов. Впервые Эльмер пришел к ним в пятнадцать лет с длиннющим списком людей, которых намеревался засудить. Им никогда не удавалось отделаться от него, а он все так же был верен своей привычке разрешать конфликты только в судебном порядке. Тощего, всегда возбужденного, с торчащими ушами и тонким голосом Скейлса называли «наш Вергилий» за стихи, которые он регулярно отсылал в редакции католических журналов и местных газет. Рики знал, что редакции журналов так же регулярно отсылали их обратно – Эльмер однажды показал ему подшивку со штампами отказа, – однако местные газеты напечатали два-три стихотворения. Они были очень вдохновляющими, Эльмер черпал образы из сельской жизни: «Коровы мычат, овцы блеют. Поступь Божьей славы слышна в раскатах грома». Таков был Эльмер Скейлс. Отец четырех детей и обладатель неуывающей страсти к судебным процессам.

Один-два раза в год кого-нибудь из них вызывали к Скейлсу на ферму, чтобы продемонстрировать дыру в заборе в том месте, где охотник либо подросток переходили его поле: Эльмер частенько идентифицировал нарушителей с помощью бинокля и требовал возбуждения иска. Обычно удавалось отговорить его, однако он всегда имел про запас две-три тяжбы другого характера. Но на этот раз, подозревал Рики, дело было намного серьезней, чем обычно: прежде он никогда не просил – вернее, не приказывал – приехать их обоих.

– Насколько тебе известно, Сирс, – сказал Рики, – я могу вести машину и думать одновременно. И еду я очень осторожно, тридцать миль в час. Думаю, ты можешь спокойно рассказывать мне, что там у Эльмера стряслось.

– Умерло несколько его животных, – не разжимая губ, процедил Сирс, намекая на то, что из-за его рассказа они могут оказаться в кювете в любую минуту.

- Тогда зачем мы едем? Мы их ему не вернем.
- Он хочет, чтоб мы взглянули на них. Он также вызвал Уолтера Хардести.
- Значит, они не просто умерли?
- С этим Эльмером разве что поймешь? А теперь, пожалуйста, Рики, сосредоточься на том, чтобы благополучно доставить нас до места. Нам хватает неприятностей...

Рики взглянул на партнера и впервые за сегодняшнее утро заметил, какое бледное у него лицо. Под гладкой кожей кое-где проглядывали голубые жилки, под молодыми глазами лежали серые складки кожи.

- Смотри на дорогу, – сказал Сирс.
- Ты выглядишь ужасно.
- Я не думаю, что Эльмер это заметит.

Рики перевел взгляд на узкую дорогу, и это дало ему право говорить.

- Опять плохой сон?
- Похоже, начинает таять, – сказал Сирс.

Поскольку это была явная ложь, Рики ее проигнорировал.

– Ответь мне.

– Наблюдательный Рики. Да.

– У меня тоже. Стелла считает, что мы должны это обсудить.

– Почему? Ей тоже снятся кошмары?

– Она думает, что обсуждение как-то нам поможет.

– Типично женская логика. Разговоры только растрavляют раны. Молчание лечит их.

– В таком случае приглашать Дональда Вандерлея было ошибкой.

Сирс возмущенно хмыкнул.

– Извини... Это было несправедливо с моей стороны, – сказал Рики. – Однако я считаю, что нам надо обсудить это по той же причине, по какой ты решил, что нам следует вызвать сюда этого юношу.

– Он не юноша, ему лет тридцать пять. А может, сорок.

– Ты меня понял, – Рики глубоко вздохнул. – Теперь я заранее попрошу у тебя прощения, поскольку собираюсь рассказать свой сегодняшний сон. Стелла сказала, что я кричал во сне. В любом случае он был самым жутким. – По перемене атмосферы в машине Рики понял, что Сирс мгновенно заинтересовался.

– Я находился в пустом доме, на верхнем этаже, и некое таинственное чудовище пыталось меня найти. Развитие событий я пропущу, но вот чувство опасности было непреодолимым. Под конец сна оно вошло в комнату, где лежал я, но оказалось, что это уже не чудовище. Это были ты, Льюис и Джон. И все мертвые. – Боковым зрением он видел изгиб щеки Сирса, изгиб поля шляпы.

– Ты видел нас троих.

Рики кивнул.

Сирс прочистил горло, а затем опустил окно на четверть. Морозный воздух ворвался в машину, поток воздуха пригладил мех воротника его пальто. Сирс глубоко вздохнул.

– Поразительно. Ты сказал, нас было трое?

– Да. А что?

– Поразительно. Потому как я видел в точности такой же сон. Но когда это чудовище ворвалось в мою комнату, я увидел только двоих. Льюиса и Джона. Тебя там не было.

Рики понадобилось какое-то мгновение, чтобы распознать оттенок интонации в голосе друга и, когда это ему удалось, его удивление было настолько сильным, что весь остаток пути до фермы Скейлса он просидел молча: это была зависть.

– Наш Вергилий, – произнес Сирс, обращаясь к самому себе. Они медленно подъезжали к одинокому двухэтажному зданию фермы, и Рики увидел взволнованного Скейлса в шапке и клетчатом пиджаке, поджидавшего их на крыльце. Ферма напоминала здание с картины Эндрю Уайета, сам же Скейлс – персонажа с портрета Уайета или, скорее, Нормана Роквелла. Из-под ушанки торчали красные уши. Серый «Додж седан 65» стоял на свободном месте позади крыльца, и, припарковавшись рядом с ним, Рики увидел на двери эмблему шерифа.

– Уолт уже тут, – заметил он, и Сирс кивнул.

Они выбрались из машины, поплотнее запахнув воротники пальто. Скейлс, по бокам которого уже стояли двое дрожащих детей, не двинулся с крыльца. На лице фермера было выражение, всегда присущее ему во время самых страстных судебных процессов. Его тонкий голос воззвал к ним.

– Долго же вы, адвокаты, ехали! Уолт уже десять минут здесь.

– Ему ближе добираться, – проворчал Сирс. Поля его шляпы загибались под порывами ветра, беспрепятственно летящего над полями.

– Сирс Джеймс, я не уверен, что на свете есть человек, за которым останется последнее слово в разговоре с вами. Ну-ка, дети! Быстро домой, пока кишки не отморозили. – Он

шлепнул руками одновременно обоих, и мальчишки шмыгнули за дверь. Мрачно ухмыляясь, Скейлс возвышался над пожилыми адвокатами.

– В чем дело, Эльмер? – спросил Рики, плотно удерживая пальто у шеи. Его ноги в тщательно начищенных черных туфлях уже замерзли.

– Это надо видеть. Вы, городские ребята, оделись неподходяще для прогулки через поле. Что ж, считайте, вам не повезло. Погодите секунду, я позову Хардести. – Он ненадолго скрылся в доме и появился уже с шерифом, Уолтом Хардести, одетым в отороченное овечьей кожей джинсовое пальто и ковбойскую шляпу. Предупрежденный замечанием Скейлса, Рики взглянул на ноги шерифа в грубых кожаных туристских ботинках.

– Мистер Джеймс, мистер Готорн, – кивнул им шериф. Парок вырывался из его рта сквозь усы, более густые и длинные, чем у Рики. В ковбойском наряде Хардести выглядел лет на пятнадцать моложе. – Теперь, когда вы приехали, Эльмер может показать нам, что тут у него за тайна.

– И еще как покажу, черт меня дери! – сказал фермер, протопал по крыльцу и повел их от дома, направляясь по тропинке к занесенному снегом овину. – Вот, идите за мной и увидите, что я вам покажу.

Хардести пошел рядом с Рики. Сирс с большим достоинством нес себя следом за ними.

– Холод собачий, – сказал шериф. – Похоже, будет чертовски длинная зима.

– Надеюсь, нет, – отозвался Рики. – Я слишком стар для такой погоды.

Преувеличенно жестикулируя и с торжествующим выражением на худом лице, Эльмер Скейлс отворил огражденный проход в заборе, который вел к дальнему пастбищу.

– А теперь повнимательнее, Уолт, – сказал он, обернувшись. – Посмотрим, удастся ли тебе обнаружить какие-нибудь следы. – Он показал рукой на неровную цепочку следов. – Эти – мои, с утра. Я прошел туда и вернулся. – Расстояние между отпечатками обратных следов было намного шире, как будто Скейлс бежал. – Где твой блокнот? Ты что, не собираешься записывать?

– Утомонись, Эльмер, – сказал шериф. – Я сначала должен узнать, в чем проблема.

– Ты довольно ловко строчил в свой блокнот, когда мой старший врезался на машине.

– Да ладно, Эльмер. Показывай, что хотел.

– А вы, городские ребята, загубите свои туфли, – сказал Эльмер. – Ничем тут не поможешь. Идите за мной.

Хардести послушно зашагал рядом с Эльмером. Рики оглянулся на Сирса, который в этот момент приближался к воротам, с отвращением оглядывая заснеженное поле.

– Мог бы нас предупредить, что понадобятся снегоступы.

– Да он забавляется, – предположил Рики.

– Вот он позабавится, когда я подхвачу пневмонию и вчиню иск ему, – проворчал Сирс. – Что ж, поскольку выбора у нас нет – идем.

Сирс храбро ступил шикарным ботинком на поле, и тот сразу же погрузился в снег по самые шнурки.

– Уф, – он поднял ногу и потряс ею. Остальные перешли уже почти половину поля. – Дальше не пойду, – заявил Сирс, засовывая руки в карманы дорогого пальто. – Черт возьми, он мог бы сам приехать в офис.

– Ну, тогда хоть я схожу туда. – Рики отправился вслед за остальными. Уолт Хардести обернулся взглянуть на них, пригладил усы – пограничник, заброшенный на заснеженное поле в штате Нью-Йорк. Он, похоже, улыбался. Эльмер Скейлс брел в одиночестве. Рики старался идти след в след. За спиной он услышал, как Сирс сделал выдох, способный наполнить воздушный шар, и двинулся за всеми.

Единой группой, возглавляемой болтающим и жестикулирующим Эльмером, они перешли поле. С необъяснимым выражением ликования на лице Эльмер остановился на пригорке.

Рядом с ним, наполовину занесенные снегом, лежали словно кипы грязного белья. Хардести подошел к одной из них, опустился на корточки и ткнул ее; затем, крикнув от напряжения, потянул на себя, и Рики увидел четыре аккуратные овечьи ноги.

Туфли Рики протекали, и ноги уже промокли; он подошел поближе. Сирс, балансируя руками, все еще продвигался к ним, поля его шляпы загибало ветром.

– Не знал, что ты еще держишь овец, – раздался голос Хардести.

– Нет! Уже нет! – завопил Скейлс. – У меня было всего четыре, вот эти, а теперь и их не стало! Кто-то прикончил их. Держал овец на черный день. У моего папы было несколько сотен, а теперь на этих тупых тварях ни черта не заработаешь. Дети их любили, вот и весь прок.

Рики взглянул на мертвых животных: все они лежали на боку, глаза открыты, снег в спутанной шерсти. Он невинно спросил:

– Отчего они пали?

– Да! Вот именно! – Эльмер сам себя заводил до истерики. – Отчего! Вы же представляете здесь закон, так объясните мне!

Хардести, стоя на коленях у грязно-серой овечьей туши, которую он перевернул, неприязненно посмотрел на Скейлса:

– То есть ты даже не знаешь, своей ли смертью умерли твои животные, Эльмер?

– Я-то знаю! Знаю! – Скейлс картинно, словно летучая мышь в полете, поднял руки.

– Откуда ты знаешь?

– Да потому что ничто не может убить чертову овцу, вот что я знаю! А что может убить четырех сразу? Инфаркт? О господи!

Сирс уже подошел к ним, его фигура казалась огромной по сравнению с сидящим Хардести.

– Четыре мертвых овцы, – констатировал он, глядя вниз. – Полагаю, ты хочешь подать иск.

– Что? Это ты найди психа, сделавшего это, и притащи его в суд!

– И кто же он?

– Не знаю. Но...

– Что – но? – Хардести взглянул на него снизу и поднялся с колен.

– Я скажу, когда вернемся в дом. А пока, шериф, осмотри их всех хорошенько и запиши подробно, что он с ними сделал.

– Он?

– Дома расскажу.

Нахмурившись, Хардести ощупывал тушу.

– Эльмер, здесь нужен не я, а ветеринар. – Его руки добрались до шеи животного. – Ого!

– Что? – Скейлс чуть не подпрыгивал от нетерпения.

Вместо ответа Хардести по-крабьи переполз на четвереньках к другой ближайшей овце и глубоко запустил пальцы в шерсть на ее шее.

– Вы должны увидеть это сами, – сказал он и, ухватив овцу за нос, запрокинул ей голову назад.

– Господи! – ахнул Скейлс; оба адвоката молчали. Рики смотрел вниз на открытую рану: широкий длинный разрез на шее животного.

– Аккуратная работа, – сказал Хардести. – Очень аккуратная. Ладно, Эльмер, убедил. Пошли в дом, – он вытер пальцы о снег.

– Господи, – повторил Эльмер. – Перерезаны глотки? У всех?

Хардести задрал головы каждой из оставшихся овец.

– У всех.

Голоса прошлого вдруг явственно прозвучали в голове Рики. Они с Сирсом взглянули друг на друга и сразу же отвели взгляды.

– Я душу из него выну, засужу к чертовой матери – кто бы он ни был! – визжал Скейлс. – Черт! Я знал, здесь что-то не так! Я знал! Проклятье!

Хардести оглядел пустое поле.

– Ты уверен, что ходил сюда только один раз и вернулся прямо домой?

– Угу.

– А почему ты решил, что что-то не так?

– Потому что утром я видел их из окна. Я по утрам умываюсь возле окна и первое, что вижу, – этих глупых животных. Вон, видишь? – он протянул руку в направлении дома. Прямо напротив блестело на солнце окно кухни. – Здесь под снегом трава. Они тут целыми днями шлепаются, набивают брюхо. А когда совсем снегом заваливает, я загоняю их в овин. А сегодня глянул в окно – они все тут, лежат. Ну, чую, что-то случилось, оделся и пошел сюда. Потом позвонил тебе и адвокатам. Я подаю в суд, я хочу, чтоб ты арестовал того, кто это сделал!

– Кроме твоих, других следов здесь нет, – сказал Хардести, поглаживая усы.

– Да знаю, знаю, – ответил Скейлс. – Он их замел.

– Возможно. Однако это был первый снег.

«Господи, она пошевелилась, не может быть, она же мертва».

– И еще кое-что, – сказал Рики, прерывая голос, звучавший внутри него, и нарушая подозрительное молчание, воцарившееся между двумя мужчинами. – Крови не видно.

Какое-то мгновение все четверо смотрели вниз на мертвую овцу, лежащую на нетронutom снегу. Это была правда.

– Может, уже пора покинуть эту степь? – произнес Сирс.

Эльмер все еще глядел вниз, на снег. Сирс двинулся к дому, и вскоре остальные последовали за ним.

– Ну-ка, дети, выметайтесь с кухни. Быстро наверх! – заорал Скейлс, когда они вошли в дом и сняли пальто. – Нам надо поговорить по душам. Кыш, мерзавцы! – Он замахал руками на детишек, столпившихся в гостиной и глазевших на пистолет Хардести. – Сара! Мишель! Быстро наверх! – Он пригласил их на кухню; когда они вошли туда, женщина, еще худее Эльмера, поднялась со стула.

– Мистер Джеймс, мистер Готорн, – сказала она. – Не желаете ли кофе?

– Будьте добры, салфетки, миссис Скейлс, – попросил Сирс. – А потом – кофе.

– Салфетки?..

– Вытереть ботинки. Мистеру Готорну несомненно необходима та же услуга.

Женщина с отвращением опустила взгляд на его туфли.

– О небеса. Вот... разрешите, я вам помогу, – она вытащила рулон бумажных полотенец из буфета, оторвала от него большую полосу и уж было собралась опуститься на колени у ног Сирса.

– В этом нет необходимости. – Сирс забрал скомканную бумагу из ее рук. И только Рики знал, насколько тот взволнован, а не просто груб.

– Мистер Готорн?.. – слегка оглушенная холодностью Сирса, женщина повернулась к Рики.

– Да, благодарю вас, миссис Скейлс, вы очень добры. – Он тоже взял немного бумаги.

– Им перерезали глотки, – сказал Скейлс жене. – Что я тебе говорил? Там точно побывал какой-то псих. И, – его голос повысился, – этот псих умеет летать, потому что он не оставляет следов.

– Расскажи им, – ответила жена. Эльмер резко взглянул на нее, и она отвернулась, засуетилась, готовя кофе.

– Что – расскажи? – спросил Хардести. Без костюма Уайетта Эрпа⁷ он опять выглядел на свои пятьдесят. «Он прикладывается к бутылке чаще, чем прежде», – подумал Рики, заметив красные прожилки, испещрявшие лицо Хардести, и отмечая его возросшую нерешительность. Более того, несмотря на бравый вид техасского рейнджера, ястребиный нос, острые скулы и пронзительно голубые глаза, Уолт Хардести слишком ленив для хорошего шерифа. Это было так характерно для него: чтобы он осмотрел вторую пару мертвых овец, об этом его пришлось просить. И Эльмер Скейлс прав: шерифу следовало вести протокол.

Теперь Эльмер весь светился от самодовольства – он приготовился нанести последний сокрушительный удар. Жилы на его шее напряглись, оттопыренные уши стали пунцовыми:

– Черт меня побери, я видел его, понятно? – Он обвел всех изучающим взглядом, комично раскрыв рот.

– Его, – иронически отозвалась за его спиной жена.

– Черт возьми, женщина, что еще скажешь? – Скейлс грохнул по столу. – Давай неси кофе и не встревай! – Он повернулся к мужчинам. – С меня ростом! Даже выше! Пялился на меня! Страшнее дряни вы в жизни не видели! – Довольный собой, он вытянул руки вперед. – Вот так близко, совсем рядом со мной! Каково, а?!

– Вы узнали его? – спросил Хардести.

– Не разглядел. Я вам расскажу, как все было. – Не владея собой, фермер кружил по кухне. Когда-то Рики считал, что «наш Вергилий» писал стихи, потому как в силу непостоянства своего характера не мог поверить, что на это не способен. – Вчера поздно вечером я стоял тут. Не спалось, как всегда.

– Как всегда, – эхом отозвалась его жена.

Сверху донеслись визги и грохот.

– Да брось ты этот кофе, сходи наверх, приструни их! – скомандовал Скейлс. Он дождался, пока жена вышла из кухни. Вскоре ее голос присоединился к какофонии наверху; затем шум прекратился.

– Ну так вот, я сидел здесь, листал каталоги по оборудованию и семенам. И тут! Слышу – что-то там, во дворе, у овина. Воры! Черт! Подскакиваю к окну, смотрю. Вижу – валит снег. Ого, работенка назавтра, говорю себе. Потом увидел его. У овина. Вернее, между овином и домом.

– Как он выглядел? – спросил Хардести, так ничего и не записывая.

– Не знаю! Темно было! – Его голос взмыл с альты на сопрано. – Просто вижу: стоит там и смотрит.

– Вы его видели в такой темноте, – монотонным голосом уточнил Сирс. – Двор был освещен?

– Мистер адвокат, вы знаете, сколько стоит электричество? Конечно, нет. Но я видел его и знал, что он большой.

– Откуда ты это знал, Эльмер? – спросил Хардести. Миссис Скейлс спускалась по лестнице, не покрытой дорожкой: топ, топ, топ – стучали грубые туфли по ступеням. Рики чихнул. Наверху кто-то из детей начал свистеть и резко прекратил, как только стихли шаги по лестнице.

– Потому что я видел его глаза! Вот! Он пялился на меня! Шесть футов над землей.

– Вы видели только его глаза? – скептически спросил Хардести. – И что же, черт возьми, глаза этого типа там делали, Эльмер? Сияли в темноте?

– Ты сказал, – ответил Эльмер.

Рики резко повернул голову, чтобы взглянуть на Эльмера, смотревшего на него с явным удовлетворением, и затем, непроизвольно, – через стол на Сирса. Услышав последний вопрос Хардести, он весь напрягся и застыл, стараясь, чтобы ничего не отразилось на его лице; и на

⁷ Уайетт Эрп – легендарный американский шериф 60-х годов XIX в.

лице Сирса он прочитал такие же усилия. «Значит, и Сирс. Для него тоже это был не просто вопрос».

– Теперь, я полагаю, Уолт, вы его поймаете, а вы, мои адвокаты, возьмете его за задницу и засудите на всю катушку, – подвел итог Скейлс. – Прошу прощения, милая, за мой язык. – Его жена в этот момент входила в маленькую кухню: она кивнула в знак прощения и подтверждения перед ними нравственности и добродетели мужа, погладила его по щеке, направляясь к плите с кипящим кофе.

– А вы что-нибудь видели прошлой ночью, миссис Скейлс? – спросил ее Хардести.

– Все, что я видела, – это мой перепуганный муж, – сказала она. – Это, пожалуй, единственное, что я могу добавить.

Эльмер прочистил горло; кадык, двигаясь, резко выделялся:

– Такие дела...

– Что ж, – сказал Сирс, – думаю, мы узнали все, что требовалось. Теперь, если позволите, мы с мистером Готорном должны возвратиться в город.

– Может, выпьете сначала кофе, мистер Джеймс? – предложила миссис Скейлс, поставив на стол перед ним пластмассовую чашку с дымящимся кофе. – Если вы собираетесь взять за задницу и засудить на всю катушку монстра, вам необходимо подкрепиться.

Рики выдавил улыбку, а Уолт Хардести загоготал.

Уже во дворе Хардести, снова облачившись в защитную оболочку техасского рейнджера, наклонился к открытому на три дюйма окну машины со стороны Сирса и тихо спросил:

– Вы сейчас едете в город? Не могли бы мы встретиться где-нибудь, перекинуться парой слов?

– Это так важно?

– Может да, может нет. В любом случае есть разговор.

– Хорошо. Едем к вам в офис.

Хардести потер подбородок рукой в перчатке:

– Мне не хотелось бы, чтоб мои ребята слышали нас.

Рики сидел, опустив руки на руль и повернув встревоженное лицо к Хардести, но в голове крутилось лишь одно: «Оно пристально смотрит. Оно приглядывается, а мы даже понятия не имеем, что это».

– Ваше предложение, Уолт? – спросил Сирс.

– Какое-нибудь тихое местечко, где нам не помешают... А знаете «Хемфрис Плэйс», на Севен Майл-роуд?

– Пожалуй, да.

– Я частенько пользуюсь их задней комнатой как офисом для конфиденциальных встреч. Давайте там и встретимся?

– Если вы настаиваете, – сказал Сирс, не утруждая себя посоветоваться с Рики.

Они пристроились за машиной Хардести и ехали немного быстрее, чем сюда. Обоюдное осознание того, что оба они знают, что именно напугало Эльмера Скейлса, делало разговор невозможным. Когда Сирс наконец заговорил, тема была заведомо нейтральной:

– Хардести некомпетентный глупец. «Конфиденциальных встреч». Его конфиденциальные встречи – с бутылкой «Джим Бима».

– Зато теперь мы знаем, чем он занимается днем, – Рики свернул с шоссе на Севен Майл-роуд. Кабачок – единственное видимое здание, представлявшее собой серую конструкцию из углов и ребер, – показался в двухстах ярдах впереди справа.

– Несомненно. Накачивается дармовым виски в задней комнате Хемфри Стэлледжа. Лучше б съездил на обувную фабрику в Эндикотте.

– Как ты думаешь, о чем будет разговор?

– Скоро узнаем. А вот и он.

Хардести уже поджидал их возле своей машины на широкой, сейчас пустой автостоянке. «Хемфрис Плэйс» представлял собой заурядную придорожную забегаловку, с длинным фасадом, остроконечной крышей и двумя большими окнами из темного стекла: в одном из них светилося неоновым названием заведения, в другом вспыхивала и гасла надпись: «Utica Club». Рики остановился у машины шерифа, и оба адвоката вышли на холодный ветер.

– Прошу за мной, – в голосе Хардести прозвучало фальшивое дружелюбие. С чувством обоюдной неловкости адвокаты переглянулись и спустились за ним по бетонным ступеням. Рики дважды чихнул.

Омар Норрис, один из немногочисленных городских пьяниц, сидел у стойки бара и удивленно глядел на вошедших; пухлый Хемфри Стэлледж двигался между столиками, протирая пепельницы.

– Уолт! – поприветствовал он шерифа, затем кивнул Рики и Сирсу. Хардести приосанился, его поведение изменилось: здесь, в баре, он казался выше ростом, более значительным, и его позиция по отношению к двум пожилым мужчинам за его спиной как бы подразумевала, что они пришли сюда именно по его просьбе. Затем Стэлледж повнимательней всмотрелся в лицо Рики и спросил:

– Мистер Готорн, не так ли? – Потом улыбнулся и сказал: – Ну-ну.

– Задняя комната свободна? – спросил Хардести.

– Для вас – всегда, – Стэлледж помахал рукой в сторону двери с надписью: «Служебное помещение», прятавшейся за углом позади стойки бара, и проводил взглядом четырех мужчин. Омар Норрис, по-прежнему недоумевая, наблюдал за ними: Хардести вышагивал с видом агента ФБР; Рики, приметный лишь своей скромной опрятностью; Сирс, своим внушительным видом напоминающий (это сравнение приходило в голову только Рики) Орсона Уэллса⁸. – У тебя сегодня достойная компания, Уолт, – сказал Стэлледж им вслед, и Сирс выдал один горловой звук, означающий крайнее отвращение. Хардести царственным жестом распахнул перед ними дверь.

Но уже внутри, по пути к комнате в конце полутемного зала, его плечи снова опустились, мышцы лица расслабились, и он произнес:

– Заказать вам что-нибудь?

Оба адвоката отрицательно покачали головами.

– Сам-то я, пожалуй, выпью, жарковато... – сказал, скривившись, Хардести и пошел обратно.

Не говоря ни слова, Рики и Сирс пересекли зал и вошли в неопрятную заднюю комнату. Стол, весь в шрамах от тысяч поколений сигарет, стоял в центре, окруженный шестью стульями. Между невидимой от входа лампой и столом стояли ящики с пивом, возвышаясь почти до потолка. Вся комната пропахла табаком и выдохшимся пивом; даже при включенном свете передняя половина оставалась почти погружена в темноту.

– Что мы здесь делаем? – спросил Рики.

Сирс тяжело опустился на один из стульев, вздохнул, снял шляпу и осторожно положил ее на стол.

– Если ты подразумеваешь, что мы вынесем полезного из этой фантастической экскурсии, – ничего, Рики, ничего.

– Сирс, – начал Рики. – Мне кажется, нам следует поговорить о том, что увидел Эльмер.

– Только не при Хардести.

⁸ Уэллс Орсон – американский кинорежиссер, актер, сценарист, который работал в театре, на радио и в кино. Его фильмы отмечены изобретательностью в технических решениях. Уэллс был признан величайшим режиссером всех времен в двух опросах Британского Института Кино, среди режиссеров и критиков, а исследование, основанное на мнениях критиков, списках лучших режиссеров и исторических ретроспективах, признало его самым известным режиссером в истории кино.

– Согласен. Сейчас.

– Не сейчас. Пожалуйста.

– Ноги никак не согреваются, – пожаловался Рики, и Сирс подарил ему свою редкую улыбку.

Они услышали, как в конце зала открылась дверь. Вошел Хардести, в одной руке он нес полупустую бутылку «Ла Ботта», в другой – ковбойскую шляпу. Лицо его слегка порозовело, как от холодного ветра.

– Пиво прекрасно освежает пересохшее горло, – сказал он. Под камуфляжной пивной «завесой», вылетевшей с его первыми словами, чувствовался крепкий, густой и острый запах виски. – И хорошо охлаждает трубы. – Рики подсчитал, что Хардести умудрился проглотить порцию виски и полбутылки пива за те несколько секунд, что находился в баре. – Кто-нибудь из вас бывал здесь?

– Нет, – сказал Сирс.

– Неплохое местечко. Такое уединенное... У Хемфри можно быть уверенным, что никто не помешает приватной беседе и никто наверняка не заметит, как шериф с двумя достойнейшими адвокатами проскользнули в этот кабачок.

– Никто. За исключением Омара Норриса.

– Точно, но он наверняка не запомнит. – Хардести перекинул ногу через стул – как через спину огромной собаки, на которой собрался поехать верхом, опустился на него и швырнул свою шляпу на стол, где она ткнулась в шляпу Сирса. Следом на столе появилась бутылка «Ла Ботта»; пока шериф, приложившись к ней, делал большой глоток, Сирс отодвинул свою шляпу на пару дюймов поближе к своему животу.

– С вашего позволения, я повторю вопрос, который только что задал мой партнер: что мы здесь делаем?

– Мистер Джеймс, мне надо вам кое-что рассказать, – глаза шерифа блестели пьяной искренностью. – И тогда вы поймете, почему необходимо было уехать подальше от Эльмера. Нам никогда не поймать того, кто или что убило его овец. – Он сделал еще один глоток и подавил отрыжку, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

– Неужели? – отвратительные манеры шерифа оторвали Сирса от самосозерцания; он симитировал удивление и заинтересованность.

– Не удастся. Никак и нигде. Подобный случай – не первый.

– В самом деле? – заинтересовался Рики. Он тоже сел, недоумевая, почему ничего не слышал о массовом убийстве скота в окрестностях Милбурна.

– И не так давно. Не здесь, правда, но в других штатах такие случаи были.

– О. – Рики откинулся на спинку расшатанного стула.

– Если вы помните, несколько лет назад я ездил на Национальный полицейский съезд в Канзасе. Прилетел туда, жил там неделю. Славная вышла поездка, – Рики помнил, потому что после своего возвращения шериф выступал с докладом в Лайон-клубе, в «Киванисе», «Ротери», «Джейси» и «Эльксе», в Национальной ассоциации стрелков, Национальной ассоциации лесничих – организациях, которые спонсировали его поездку, и с каждой третьей из них Рики сотрудничал. Тема доклада звучала как: «Современное и грамотное применение силы закона для поддержания правопорядка в небольшом Американском землячестве».

– Ну вот, – продолжал Хардести, держа в руке бутылку, словно хот-дог, – как-то вечером, вернувшись в отель, я разговорился с несколькими шерифами. Это были ребята из Канзаса, Миссури и Миннесоты. Ну, вы знаете. Разговор шел о серии странных нераскрытых преступлений. Теперь о главном. По крайней мере двое-трое из них столкнулись с точно таким же случаем, что и мы сегодня. Стадо мертвых животных на поле: раз – и вдруг все неожиданно отбросили копыта. И никакой видимой причины, пока не осмотрели их и не увидели – вы уже догадываетесь что. Предельно аккуратные раны, прямо хирургические. И никакой крови.

Обескровленные – так они это называли. Один из этих парней рассказал, что волна подобного падежа скота прокатилась по долине реки Огайо в конце шестидесятых. Лошади, собаки, коровы... Мы первые со своими овцами. Я все это припомнил, мистер Готорн, когда вы обратили внимание, что крови нет. По идее, из этих овечек кровь должна была фонтаном хлестать. А близ Канзас-Сити то же самое произошло за год до конференции, под Рождество.

– Чепуха, – сказал Сирс. – Я не собираюсь больше слушать эти бредни.

– Извините, мистер Джеймс, это не бредни. Все было на самом деле. Можете прочитать об этом в номере «Канзас-Сити Таймс» за декабрь 1973. Стадо мертвых животных, следов нет, крови нет – и все произошло по первому снегу, как и сегодня. – Он взглянул через стол на Рики, моргнул и отпил пива.

– Арестов не было? – спросил Рики.

– Никаких. Никого не нашли. Словно какая-то беда пришла в город, дала шоу и снова исчезла. Сам я думаю, это что-то вроде дурацкой шутки.

– Что? – взорвался Сирс. – Вампиры? Демоны? Бред.

– Нет, я не об этом. Черт, я в курсе, что нет никаких вампиров, как нет и дурацкого монстра в Шотландии. – Хардести выпрямился на стуле, закинув руки за голову. – Но ведь никто так ничего и не нашел и не найдет. И искать бесполезно... Надо просто время от времени радовать Эльмера сообщениями о том, что расследование ведется.

– Именно этим вы и собираетесь заниматься? – скептически спросил Рики.

– Ну, еще можно послать человека, чтоб походил там, поспрашивал местных фермеров, видел ли кто что-нибудь необычное в ту ночь. Но не более того.

– И вы действительно привезли нас сюда только затем, чтобы рассказать это? – спросил Сирс.

– Действительно.

– Поехали, Рики. – Сирс оттолкнул назад свой стул и потянулся за шляпой.

– И я действительно считаю, что двум достойнейшим нашим адвокатам есть что мне сказать.

– Вы правы, однако я сомневаюсь, что вы будете слушать.

– Поменьше высокомерия, мистер Джеймс. Мы ведь заодно, не так ли?

Опередив неизбежное «пффт!» Сирса, Рики сказал:

– Каких же слов вы ждете от нас?

– Вы что-то знаете о том, что Эльмер видел ночью. – Улыбаясь, он коснулся указательным пальцем своего лба. – Вас, приятели, аж столбняк пробрал, когда Эльмер начал рассказывать. Значит, вы или слышали о чем-то, или знаете что-то такое, о чем не захотели сообщить Эльмеру Скейлсу. Надеюсь, вы не откажете в содействии местному шерифу и поделитесь, а?

Сирс тяжело поднялся со стула:

– Я видел четырех мертвых овец. Я ничего не знаю. Вот и все, Уолтер. – Он схватил со стола шляпу. – Рики, поехали, займемся чем-нибудь полезным.

– А ведь он прав, а? – Они поворачивали на Уит Роу. Массивное серое здание собора Св. Михаила нависало над ними справа; головы и плечи каменных святых, застывших над входом и по сторонам окон, были укутаны снегом.

– Ты о чем? – Сирс махнул в направлении их офиса. – Чудо из чудес: можно припарковаться прямо напротив дверей.

– О том, что видел Эльмер.

– Ну, если это очевидно для Уолта Хардести, значит, это в самом деле очевидно.

– А ты правда видел что-то?

– Кое-что видел, только не там. Галлюцинация. Возможно, я тогда переутомился и еще находился под эмоциональным воздействием рассказанной мной истории.

Рики включил заднюю передачу и аккуратно припарковал машину у высокого деревянного фасада здания.

Сирс кашлянул, взялся за ручку дверцы и замер; Рики показалось, что тот уже заранее пожалел о том, что собирался сказать:

– Я так понимаю, Рики, ты видел что-то похожее на то, что видел наш Вергилий?

– Да. – Он помедлил. – Нет. Скорее я это почувствовал, но понял, что это было.

– Ну... – Он снова кашлянул, и нетерпение Рики возросло. – А я видел Фэнни Бэйта.

– Мальчика из твоего рассказа? – Рики был поражен.

– Мальчика, которого я пытался учить. Мальчика, которого я погубил... способствовал его гибели.

Рука Сирса безвольно упала на сиденье. Наконец-то он решился на разговор. Рики отважился начать первым:

– Честно говоря, я не совсем уверен, что... – Он замолчал на половине фразы, сознавая, что нарушает одно из правил Клуба.

– ...что моя история достоверна? О, она абсолютно достоверна, Рики. Абсолютно. Фэнни Бэйт жил на свете, и он умер.

Рики вспомнил, как видел ночью свет в окнах Сирса:

– Ты увидел его из окон библиотеки?

Сирс покачал головой:

– Я поднимался наверх. Было уже очень поздно, около двух часов ночи. Помыв тарелки, я заснул в кресле. Я неважно себя чувствовал и, наверно, чувствовал бы еще хуже, знай я, что Эльмер Скейлс собирается меня поднять в семь утра. Я выключил свет в библиотеке, закрыл дверь и начал подниматься по лестнице. И тогда я увидел Фэнни: он сидел там, на ступеньках. И как будто спал. Одет он был в те же самые лохмотья, и ноги его были босы.

– И что ты сделал?

– Я слишком испугался, чтобы делать что-то. Я уже не тот отважный двадцатилетний юноша, Рики, я просто остановился и стоял... не знаю, как долго я стоял. Мне казалось, я вот-вот рухну. Чтобы не упасть, я положил руку на перила, и в этот момент он проснулся. – Сирс сжимал ладони, и Рики видел, с какой силой он это делал. – У него не было глаз. Просто два провала. И он улыбался. – Сирс прижал ладони к лицу. – Господи, Рики! Он хотел поиграть.

– Хотел *поиграть*?

– Я так подумал. Я был в таком шоке, что с трудом соображал. Когда он – это видение – поднялся, я побежал вниз и заперся в библиотеке. Там я лег на диван. Я чувствовал, что он уже ушел, но не мог заставить себя вернуться на лестницу. В конце концов я заснул и видел сон, о котором мы с тобой говорили. Утром я, разумеется, понял, что произошло. Как говорят крестьяне, я «видел нечистого». Но я не думал и не думаю теперь, что такие вещи – в компетенции Уолта Хардести. Или нашего Вергилия.

– О боже, Сирс, – проговорил Рики.

– Забудь, Рики. Просто забудь все, что я тебе сказал. По крайней мере до приезда молодого Вандерлея.

«Господи, она пошевелилась, это невозможно, она же мертва», – снова прозвучало в голове Рики, и он отвлекся от приборной панели, которую рассматривал, пока Сирс просил его о невозможном, и взглянул прямо в бледное лицо своего партнера.

– Больше не могу, – сказал Сирс. – Что бы это ни было, я больше не могу. Это уже слишком.

«...нет, сначала положите ее ноги...»

– Сирс...

– Не надо, Рики, – сказал Сирс и с трудом вылез из машины.

Готорн тоже вышел и посмотрел вслед Сирсу – внушительному, во всем черном, и на мгновение увидел в лице старого друга черты восковой маски, что приснилась ему. Весь город был наполнен зимним ветром и, казалось, уже не жил.

– Вот что я тебе скажу, Рики, – обернулся Сирс. – Как бы я хотел, чтобы Эдвард был жив. Очень часто я желаю этого.

– Я тоже, – прошептал Рики, но Сирс уже повернулся спиной и начал подниматься по ступеням к входной двери. Набирающий силу ветер больно жег Рики лицо и ладони, и он, опять чихнув, поторопился за Сирсом.

Джон Джеффри

1

Доктора, о званом ужине у которого все вспоминали, разбудил кошмар как раз в тот момент, когда Рики Готорн и Сирс Джеймс шли через поле к убитым овцам. Со стоном Джеффри оглядел спальню. Все здесь как будто неуловимо изменилось, все было едва ощутимо не так. Даже обнаженное круглое плечо Милли Шин, спавшей рядом, было каким-то не таким – оно казалось странно нереальным, как и розовый туман, висящий в воздухе.

То же самое ощущение нереальности вызывала сама спальня. Выцветшие обои (голубые полосы и синие розы), стол с аккуратными столбиками монет на нем, библиотечная книга («Как стать хирургом») и лампа, дверцы и ручки высокого белого шкафа, серый в полоску костюм, который он надевал вчера, и жилет, небрежно брошенный на спинку стула, – все предметы будто переливались многоцветными оттенками, прозрачными, как легкое облако. И сам он чувствовал, что больше не в силах находиться в этой комнате, такой знакомой и чужой одновременно.

«Господи, она пошевелилась», – его собственные слова закружились и угасли в клубящемся воздухе, словно он произнес их вслух. Преследуемый ими, он поспешно поднялся с кровати.

«Господи, она пошевелилась», – теперь явственно услышал Джон. Голос был ровный, без оттенков и вибрации, не его собственный. Прочь из дома! Из своего сна он помнил лишь одно потрясающее видение: сначала он лежал парализованный в пустой комнате, в которой никогда не бывал в реальной жизни, и к нему приближался жуткий зверь, обернувшийся вдруг мертвым Сирсом и мертвым Льюисом. Он предположил, что этот сон приснился им всем. Однако видение, гнавшее его из комнаты, было иным: лицо, все в синяках, ссадинах и подтеках крови – лицо молодой женщины, такой же мертвой, как и Сирс с Льюисом в том сне; лицо с ухмыляющимся ртом и пристально глядящее на него горящими глазами. Это было реалистичней всего остального, более реальное, чем он сам. («Господи, она пошевелилась, это невозможно, она же мертва».)

Однако она пошевелилась. Она села и мрачно ухмыльнулась.

«Вот и все, мне конец. Вот так же и Эдвард погиб», – подумал он и почувствовал благодарность и облегчение. Слегка удивившись, что его руки не прошли сквозь призрачные медные ручки платяного шкафа, Джеффри открыл его, вытащил носки и белье. Неземной розовый свет по-прежнему наполнял спальню. Он натянул на себя что попало, хватая одежду без разбору, и вышел из спальни, затем спустился на первый этаж. Там, повинуясь импульсу многолетней привычки, он зашел в маленький офис, открыл шкафчик и взял оттуда два пузырька и два одноразовых шприца. Затем сел на вращающийся стул, закатал левый рукав, распаковал шприцы и положил один из них перед собой на металлическую поверхность стола.

Девушка сидела на залитом кровью сиденье автомобиля и ухмылялась ему сквозь оконное стекло. Она сказала: «Поторапливайся, Джон». Он проколол первым шприцом резиновую пробку пузырька с инсулиновым составом, наполнил шприц и ввел иглу в вену. Когда шприц опустел, он вынул его и бросил под стол в мусорную корзину; затем наполнил второй шприц раствором морфия из другого пузырька и ввел содержимое в ту же вену.

Скорее, Джон.

Никто из его друзей не знал, что он болен диабетом, и болен уже давно, лет десять; и никто из них не знал о пристрастии к морфию, владевшем им с того времени, когда он сам себе начал выписывать лекарства, – они лишь замечали, как последствия его ежеутренних процедур постепенно съедали его.

Взяв корзину с двумя шприцами на дне, доктор Джеффри прошел в приемную. Ровный ряд пустых кресел тянулся вдоль стены; на одном из них сидела девушка с красными разводами на лице и в разорванном платье. У нее изо рта потекла кровь, когда она сказала: «Скорее, Джон».

Он открыл шкаф, чтобы достать пальто, и удивился тому, что его рука действует. Кто-то за его спиной, казалось, помог ему продеть руки в рукава. Не глядя, он схватил шляпу с полки над вешалкой. Выходя из дома, он споткнулся на пороге.

2

Лицо улыбалось ему из окна лестничной клетки старого дома Евы Галли. «А теперь уходи, быстро». Неуверенно, как пьяный, он пошел по улице – ноги в домашних тапочках не чувствовали холода – и повернул в сторону центра. Джеффри ощущал присутствие того дома за своей спиной; в расстегнутом пальто, хлопающем полами по брюкам, и в жилете он дошагал до угла и вдруг мысленным взором увидел, что тот дом горит, весь объятый пламенем, сплошная стена огня грела его спину. Но обернувшись, увидел, что дом не горит, нет никакого пламени, никакой стены огня – все спокойно.

Итак, пока Рики Готорн и Сирс Джеймс сидели с Уолтом Хардести в фермерской кухоньке в ожидании кофе, доктор Джеффри – тощая фигура в рыбацкой кепочке, расстегнутом пальто, брюках от одного костюма, жилете от другого и в мягких домашних тапочках – проходил мимо фронтона отеля «Арчер». Отчасти он сознавал что делал, поскольку иногда отворачивался от ветра, отбрасывавшего назад полы его пальто и хлопавшего ими за спиной. Элеонор Харди, пылесосившая ковер в вестибюле отеля, увидела, как он бредет мимо, придерживая рукой кепку, и подумала: «Бедный доктор Джеффри, ему приходится выходить в такую погоду, чтобы навестить больного». Высота окна не позволяла ей видеть его тапочки. Она бы еще больше расстроилась за него, если бы увидела, как он постоял в нерешительности на углу и пошел по левой стороне площади – то есть обратно.

Когда он проходил мимо больших окон ресторана «Вилледж Памп», Вильям Вебб, тот самый юный официант, которого напугала Стелла Готорн, менял на столах скатерти и приборы, двигаясь в глубь зала и собираясь там передохнуть за чашечкой кофе. Поскольку он находился ближе к доктору Джеффри, чем Элеонора Харди, он в деталях разглядел бледное, растерянное лицо доктора под рыбацкой кепкой, голую шею, не укрытую расстегнутым пальто, и жилет от смокинга поверх пижамы. «Старого дурака хватила амнезия», – пришло ему в голову. Раз пять Билл Вебб видел доктора Джеффри в ресторане – тот читал книгу прямо за едой и всегда оставлял мизерные чаевые. Поскольку Джеффри вдруг заторопился, хотя выражение его лица свидетельствовало скорее о том, что он не совсем соображает, куда идет, Вебб бросил приборы на стол и рванулся из ресторана.

Доктор Джеффри зашлепал дальше по тротуару. Вебб побежал за ним и нагнал у светофора в конце квартала: бегущий доктор напоминал неуклюже ковыляющую птицу. Вебб коснулся рукава его черного пальто:

– Доктор Джеффри, вам помочь?

Доктор Джеффри!

Он готовился уже перебежать улицу, нимало не заботясь о транспорте, которого в любом случае не существовало, но остановился перед Веббом и повернулся, услышав бесстрастный приказ. Билли испытал самое тревожное впечатление в своей жизни: человек, который был ему знаком, человек, который ни разу не взглянул в его сторону даже с вежливым удивлением, – теперь смотрел на него с неподдельным ужасом, впечатавшимся в каждую клеточку. Он понятия не имел, что вместо его простого лягушачьего лица доктор видел маску мертвой девушки, кроваво ухмылявшуюся ему.

– Я иду, – сказал доктор, лицо его все еще искажал ужас. – Я уже иду.

– Да... Конечно, – пробормотал Вебб.

Доктор повернулся, побежал и удачно пересек улицу. Он продолжил свой ковыляющий птичий бег по левой стороне Мэйн-стрит: локти в стороны, пальто развеивается за спиной, и Вебб, застывший в тревожном недоумении, глядел с раскрытым ртом ему вслед до тех пор, пока вдруг до него не дошло, что он стоит раздетый в квартале от ресторана.

3

В уме доктора Джеффри сложилась картина, куда более отчетливая, чем те здания, мимо которых он бежал. Он видел железный мост через узкую речку, в которую Сирс Джеймс когда-то бросил блузку с завернутым в нее большим камнем. Порыв ветра вдруг сорвал с его головы рыбацкую кепочку, и она уплыла в серую дымку.

– Я уже иду, – сказал он.

В любой другой день Джон Джеффри мог бы пройти к мосту напрямую, не задумываясь, какие улицы ведут к нему, однако сегодня он кружил по Милбурну со все возрастающей паникой, не в силах отыскать путь. Мысленно он прекрасно представлял себе мост – он видел даже круглые шляпки заклепок, ровную серую поверхность металла, – но где тот находится, вспомнить никак не мог. Здания? Он повернулся к Мэйн-стрит, готовый увидеть мост, возвышающийся между «Бургер Кинг» и «А. & Р.». Он так искал его, что забывал о реке.

Деревья? Парк? Картина, которую рисовали слова, была так реальна, что он удивился, когда покинул Маркет-стрит и увидел только голые деревья и снег, наметенный у бордюра тротуара.

Поторопись, доктор.

Он заковылял дальше, взяв курс на вывеску парикмахерской.

Деревья? Какие-то отдельно стоящие деревья? Нет. И не эти блуждающие здания.

Пока доктор почти слепо плутал по когда-то знакомым ему улицам, свернув к югу с площади на Вашингтон-стрит, затем к Милгрим-лейн и вниз по ней, миновав квартал маленьких деревянных домиков, зажатых между автомойками и аптеками, – к Холлоу, району трущоб, где его почти никто не знал так, как его знали и знают в Милбурне (если бы не было так холодно, он мог запросто нарваться на неприятности; правда, главная неприятность с ним уже случилась), – кое-кто видел его. Жители Холлоу, обратившие на него внимание, решили, что это всего лишь очередной сумасшедший, нелепо одетый и обреченный. Когда он вдруг случайно повернул в правильном направлении и вновь вернулся к затихшим улицам с аллеями голых деревьев, видевшие его люди решили, что машина доктора где-то поблизости, поскольку он немного сбавил шаг и был без головного убора. Почтальон, ухвативший его за рукав и спросивший: «Мужчина, вам помочь?» – беспомощно застыл, шокированный тем же полным ужаса

взглядом широко раскрытых глаз, который остановил Билла Вебба. В конце концов доктор Джеффри пришел обратно в деловой район города.

Когда он дважды обошел по кругу площадь Бенджамина Харрисона, каждый раз пропуская поворот на Бридж Эпроач-лейн, упиравшуюся в мост, спокойный голос в его голове командовал: «Пройди по кругу еще раз и сверни на второй улице направо, доктор».

– Благодарю! – прошептал он, услышав веселые и вместе с тем настойчивые нотки в голосе, который прежде звучал нечеловечески бесстрастно.

Чуть живой и наполовину замерзший, Джон Джеффри заставил себя еще раз пройти мимо шиномонтажных мастерских и ремонтных боксов площади Бенджамина Харрисона и, с трудом волоча негнувшиеся ноги, как старая лошадь-молоковоз, наконец-то повернул на Бридж Эпроач-лейн.

– Ну конечно же! – всхлипнул он, увидев наконец серую арку моста, перекинутую через медлительную речку. Бежать он уже не мог и едва брел. Одна тапочка слетела где-то по пути, и нога, на которую она была надета, ничего не чувствовала. В груди слева нарастала острая боль, сердце бешено колотилось, легкие превратились в один сплошной комок боли. Мост был ответом на его мольбу. Он с трудом потащился к нему. *Это* было здесь, где стоял мост, – здесь, на холодном ветру, где кончались старые кирпичные дома и начиналось заросшее травой болото, здесь, где ветер, словно сильной рукой, отталкивал его назад.

Сейчас, доктор.

Он кивнул и, подойдя ближе, увидел, где можно встать. Четыре огромные металлические арки с перекрещивающимися балками составляли волнообразную линию по обеим сторонам моста. В его центре, между вторым и третьим изгибом, далеко вверх выдавалась толстая стальная ферма.

Джеффри не заметил, как под ногами асфальт улицы сменился металлом, но ощутил, как дышит под ним мост, слегка приподнимаясь при каждом особенно сильном порыве ветра. Дойдя до пролета моста, он двинулся вдоль перил. Достигнув центральной арки, он ухватился за один поручень, поставил замерзшие ноги на нижнюю перекладину и попытался подтянуться на верхнюю.

И не смог.

На какое-то мгновение Джон застыл, руки на одной перекладине перил, ноги – на другой, словно повис в воздухе; тяжелое дыхание напоминало рыдание. Наконец, ему удалось поставить ногу в тапке на следующую перекладину. Затем из последних сил он подтянулся выше. Лоскут кожи его босой ноги, примерзший к железу, оторвался и остался на нижней перекладине. Тяжело дыша, он остановился и увидел, что ему предстоит преодолеть еще две, чтобы добраться до цели.

Одну за другой он перенес руки на следующую перекладину. Затем переставил ногу в тапочке и с героическим (как ему показалось) усилием – вторую.

Боль пронизывала босую ногу, и он, поджав ее, перенес вес тела на руки. Ступня вся горела, и на мгновение он испугался, что болевой шок сбросит его обратно. А оказавшись внизу, он уже не в силах будет вскарабкаться наверх.

Осторожно, одними пальцами, Джеффри оперся на перекладину. Этого оказалось достаточно. Вновь он перенес вверх ноющие руки. Обутая нога переместилась на следующую перекладину – как бы сама по себе. Он попытался подтянуться, но руки дрожали и не слушались. Ему казалось, что мышцы в плечах отделяются от костей. В конце концов он просто рванулся наверх, поддержанный (как ему показалось) толчком чьей-то руки в спину; его пальцы ухватились за последнюю перекладину, и он оказался почти у цели.

Тут он впервые заметил свою голую ступню, пятнавшую кровью металл. Боль усиливалась; теперь вся нога, казалось, пылала огнем.

Далеко внизу тускло блестела вода. Ветер раздувал его волосы и пальто.

Прямо перед ним, на платформе серого ветра, в твидовом пиджаке и с бабочкой, стоял Рики Готорн. Ладони Рики были сжаты в характерном жесте у пряжки ремня.

– Молодец, Джон, – сказал он спокойным сухим голосом. Лучший из них, самый добрый, обманутый муж, маленький Рики Готорн.

– Ты слишком много слушаешь болтовни Сирса, – прошептал Джон Джеффри. – Как и прежде.

– Я знаю, – улыбнулся Рики. – Я по натуре подчиненный. А Сирс всегда был генералом.

– *Ошибаешься*, – попытался возразить Джеффри. – Он не генерал, он... – Мысль угасла.

– Это не важно, – прозвучал мягкий голос. – Просто сделай шаг вперед, Джон.

Доктор Джеффри теперь смотрел вниз на серую воду:

– Нет, я не могу. Я хотел что-то другое... Я собирался... – И, смутившись, замолчал.

Когда он снова поднял глаза, у него перехватило дыхание. Эдвард Вандерлей, самый близкий ему человек, стоял на ветру там, где только что он видел Рики. Как и в ту памятную вечеринку, на нем были черные туфли, серый фланелевый костюм и цветная рубашка. Дужки очков в черной оправе соединял серебристый шнурок. Красивый, с театрально-седыми волосами и в дорогой одежде, Эдвард тепло улыбался ему с сочувствием и пониманием.

– Прошло совсем немного времени, – сказал он.

Доктор Джеффри зарыдал.

– Хватит валять дурака, – сказал ему Эдвард. – Нужен всего один лишь шаг. Это чертовски просто, Джон.

Доктор Джеффри кивнул.

– Ну, так сделай его, Джон. Ты слишком устал, чтобы поступить иначе.

Доктор Джеффри шагнул вперед.

Внизу, у самой воды, защищенный от ветра толстой стальной пластиной, Омар Норрис увидел, как он ударился об воду. Тело доктора сразу же погрузилось, мгновением позже появилось на поверхности, развернулось лицом вниз и поплыло, влекомое течением.

– Черт! – выругался Норрис: он нашел единственное место, где, как он думал, сможет спокойно прикончить пинту бурбона без опаски быть застуканным адвокатами, шерифом, женой или кем-то, кто станет ему указывать, что, мол, валит снег и надо чистить улицы. Он глотнул еще бурбона и прикрыл глаза. Когда он вновь открыл их, тело все еще виднелось на поверхности, но намокшее тяжелое пальто тянуло его под воду. – Черт! – Он завинтил бутылку, поднялся и пошел звать на помощь.

II. Вечеринка у Джеффри

*Расступитесь-ка, дамы, в стороны, прочь!
Перестаньте болтать и кичиться собою!
Двери настежь – сейчас войдет Она
И всех вас затмит своей красотой.*

«Хвала его даме». Альманах Тоттела, 1557

1

События, о которых пойдет речь, произошли ровно год и один день назад, в последний день конца золотой эры. Никто из них не подозревал ни о том, что эта эра была золотой, ни о том, что финал ее близок, – они продолжали воспринимать свою жизнь в обычной манере обеспеченных людей: комфортабельное существование, друзья с достатком, гарантированный сытный стол – то есть как процесс постепенного и порой незаметного роста. Пережив кризис молодости и зрелости, они считали, что у них достаточно мудрости, чтобы встретить приближающуюся старость; они пережили войны, адюльтеры, компромиссы и реформы и думали, что повидали в своей жизни почти все, что *могли*, – им уже нечего было требовать от нее.

Однако существовало на свете нечто, о чем они даже не подозревали, и им предстояло с этим столкнуться.

Золотая эра дарила радость каждого прожитого дня. И Рики, как никто другой из членов их Клуба, знал и ценил это. Со временем это осознали и остальные.

2

- Мы точно пойдем?
- Что? Ты же всегда любила приемы, Стелла.
- А этот вызывает во мне какое-то странное предчувствие.
- Ты не хочешь познакомиться с этой актрисой?
- Никогда особо не горела желанием встречаться с девятнадцатилетними красавицами.
- Эдвард, похоже, всерьез ею увлечен.
- О, Эдвард, – Стелла причесывалась у зеркала и улыбнулась отражению Рики. – Думаю, нам стоит пойти только затем, чтобы посмотреть, какотреагирует Льюис Бенедикт на находку Эдварда. – Затем ее улыбка изменилась. – По крайней мере, это напоминает приглашение на заседание Клуба Фантазеров.
- Это не заседание, а званый ужин, – тщетно попытался объяснить Рики.
- Я всегда считала, что вам следует допускать женщин на эти ваши знаменитые вечера.
- Я знаю, – сказал Рики.
- Вот поэтому я и собираюсь пойти.
- Но это не Клуб Фантазеров. Это просто вечеринка.
- Хорошо, тогда скажи мне, пожалуйста, кого Джон пригласил на нее – помимо тебя и этой его маленькой актрисы?
- Да всех, пожалуй, – честно ответил Рики. – А о каком предчувствии ты говорила?
- Стелла вскинула голову, коснулась губ помадой, взглянула на себя в зеркало и сказала:
- Не по себе мне что-то...

3

Сидя рядом с Рики в машине, Стелла, такая необычно притихшая с момента выхода из дома, проговорила:

– Что ж, если там и вправду будут все, то можно надеяться увидеть кого-нибудь новенького.

Рики вдруг показалось, что она поддразнивает его, и он почувствовал укол ревности.

– Невероятно, правда? – голос Стеллы, высокий, певучий и искренний, звучал так, словно то, что она собиралась сказать, не было поверхностным и малосодержательным.

– Ты о чем?

– О том, что один из вас устраивает званый ужин. Из всех известных нам людей приемы устраиваем только мы с тобой, и то всего два раза в год. Джон Джеффри, уму непостижимо! Удивительно, как это Милли Шин разрешила ему.

– Волшебная сила искусства, – предположил Рики.

– Для Милли не существует иной волшебной силы, кроме Джона Джеффри, – отозвалась Стелла и засмеялась, представив себе экономку их друга, в каждом жесте которой светилась любовь к нему. Стелла, которая в некоторых практических аспектах была мудрее любого мужчины ее возраста, порой сама себя приятно возбуждала мыслью о том, что доктор Джеффри допустил такую глупость; а еще она была убеждена, что Милли и ее хозяин спят в одной кровати.

Обдумывая свой ответ, Рики не заметил проницательной ремарки жены. «Волшебная сила искусства», казавшаяся отдаленной и чуждой здесь, в Милбурне, на самом деле полностью захватила воображение Джеффри: он, чей энтузиазм не заходил дальше подсечки форели, за последние три недели страстно увлекся молодой гостьей Эдварда Вандерлея. Сам же Эдвард таинственно помалкивал о девушке. Она была приезжей, очень молодой, так называемой «звездой», а подобные личности всегда пополняли коллекцию Эдварда: не исключено, что он сам уговорил ее подыграть выдуманной биографии. Традиционно процедура заключалась в том, что новоявленная личность надиктовывала на магнитофон Эдварда автобиографию столько недель, сколько длился их взаимный интерес. Затем, с большой ловкостью и умением, он переносил эти мемуары на страницы книги. Дальше исследование продолжалось уже через переписки или по телефону – с теми, кто что-то знал или слышал о предмете поиска: генеалогическое расследование было частью метода Эдварда. Магнитофонные записи производились в его доме в любой подходящий момент; полки на стенах его кабинета были уставлены кассетами с записями, разумеется, порой скандального и непристойного содержания. Сам Рики не питал особого интереса к пристрастиям и интимной жизни актеров, и остальные его друзья, как он считал, – тоже. Однако когда в пьесе «Все видели солнце», в которой была занята Анн-Вероника Мор, в течение месяца произошло перераспределение ролей, – Джон Джеффри задался целью пригласить ее в гости. Еще большей загадкой было то, что его интриги и намеки увенчались успехом: девушка дала согласие прийти на званый ужин в ее честь.

– Боже мой, – проронила Стелла, увидев, сколько машин выстроилось у тротуара перед домом Джеффри.

– Джон закатил бал, – сказал Рики. – Хочет продемонстрировать свои достижения.

Они поставили машину кварталом дальше и прогулялись по холодку до парадной двери. Голоса и музыка доносились из дома.

– Ничего себе! – удивился Рики. – Он даже кабинеты свои задействовал.

Так оно и было. Молодой человек, прижатый толпой к дверям, посторонился и пропустил их в дом. Рики узнал в нем последнего обитателя дома Евы Галли. Он принял слова благодарности Рики с равнодушной ухмылкой и затем улыбнулся Стелле.

– Миссис Готорн, не так ли? Я встречал вас в городе, но мы ни разу не были представлены друг другу. – Прежде чем Рики вспомнил его имя, он протянул Стелле руку и произнес: – Фредди Робинсон, из дома напротив.

– Рада познакомиться, мистер Робинсон.

– Знатная вечеринка!

– О, надеюсь, – отозвалась Стелла, тусклеейшая из ее улыбок тронула уголки губ.

– Раздеться можете здесь, в кабинете врача, напитки наверху. Буду счастлив принести вам что-нибудь выпить, а ваш муж пока позаботится о пальто.

Стелла окинула взглядом его блейзер, клетчатые брюки, мягкий вельветовый галстук-бабочку и нелепо напряженное лицо.

– Уверена, в этом нет необходимости, мистер Робинсон.

Вместе с Рики они улизнули в кабинет, в котором повсюду были развешаны пальто.

– О боже, – вздохнула Стелла. – Чем, интересно, этот молодой человек зарабатывает себе на жизнь?

– Я думаю, продажей страховых полисов.

– Мне следовало бы догадаться. Отведи меня наверх, Рики.

Держа прохладную руку жены, Рики вывел ее из кабинета к лестнице. Здесь, на первом этаже, располагался «первый уровень»: портативный проигрыватель на столе с грохотом извергал диск, вокруг бесновалась молодежь.

– Джон, видать, помешался, – пробормотал Рики.

– Или получил солнечный удар, – подхватила Стелла.

– Хей, мистер Готорн! – крикнул мальчишка, созревающий подросток, сын одного из его клиентов.

– Здравствуй, Питер. Здесь шумновато для нас. Пойду поищу, где тут слушают Гленна Миллера.

Чистые голубые глаза Питера бесстрастно смотрели на него. Неужели он казался настолько чужим для молодежи?

– Послушайте, а что вы скажете о Корнелле? Я вот думаю попробовать поступить туда. Салют, миссис Готорн!

– Это неплохой колледж. Надеюсь, тебе повезет, – сказал Рики. Стелла легонько ткнула его в спину.

– Запросто. Я уверен, что поступлю. У меня почти высший балл по аттестату. Папа наверху. Слыхали?

– Нет, – Стелла снова ткнула его в спину. – О чем?

– Нас всех пригласили, потому что мы почти ровесники с Анн-Вероникой Мор, да только они ее сразу же утащили наверх, как только пришел мистер Вандерлей. Мы даже не поговорили с ней, – Питер показал рукой на толчею танцующих в маленькой комнате пар. – Хотя Джим Харди успел поцеловать ей ручку. Он в своем репертуаре, всех обскачет.

Рики увидел сына Элеонор Харди, исполняющего ритуальные телодвижения в танце с темноволосой девушкой – Пенни Дрэгер, дочерью аптекаря, его клиента. Она дернулась назад, крутанулась на месте, подняла ногу и затем опустила ее прямо на промежность Харди.

– Какой многообещающий юноша, – промурлыкала Стелла. – Питер, будь добр, сделай нам одолжение.

– О, конечно, – парень вздохнул. – Слушаю.

– Расчисти нам с мужем путь наверх.

– О'кей. Но знаете что? Нас пригласили только встретить ее, а потом мы должны идти по домам. Миссис Шин сказала, что нам нельзя даже подниматься наверх. Они, наверно, боятся, что мы ее потащим танцевать и все такое, но они даже не пускают ее сюда. Миссис Шин сказала, что в десять она вышвырнет нас всех отсюда. Кроме него, пожалуй, – он кивнул в сторону Фредди Робинсона, положившего руку на плечи хихикающей школьнице.

– Жутко нечестно, – сказала Стелла. – А теперь будь паинькой, проводи старичков наверх.

– Конечно, сейчас. – Он провел их через битком набитую комнату к лестнице с таким видом, будто вывел на прогулку пациентов местной психбольницы. Когда они благополучно добрались до ступенек и Стелла начала царственный подъем, Питер потянулся вперед и шепнул Рики в ухо:

– Разрешите вас попросить, мистер Готорн? – Рики кивнул. – Передайте ей от меня привет, ладно? Она настоящая красotka!

Рики громко рассмеялся, и Стелла вопросительно обернулась к нему.

– Ничего, ничего, дорогая, – сказал он, и они пошли наверх, к более тихим помещениям.

Наверху, в коридоре, стоял Джон Джеффри и потирал руки. Спокойная фортепьянная музыка плыла из гостиных.

– Стелла! Рики! Как чудесно, не правда ли? – энергичным жестом он указал в сторону комнат. В них было такое же столпотворение, как и внизу, но наполняли их мужчины и женщины среднего возраста – родители подростков, соседи и знакомые Джеффри. Рики заметил двух-трех процветающих фермеров из провинции; Ролло Дрэгера, аптекаря; Луиса Прайса, посредника по продаже продуктов потребления, подкинувшего ему когда-то пару неплохих идей; Харлана Ботца, своего дантиста, уже, похоже, подвыпившего; нескольких мужчин, не знакомых ему, скорее всего из университета, – у Милли Шин там преподавал племянник; Кларка Маллигэна, владельца городского кинотеатра; Уолтера Барнса и Эдварда Винути из банка, оба в белоснежных манишках; Неда Роулза, издателя местной газеты. Элеонор Харди обеими руками держала перед грудью высокий бокал, склонив лицо с высоко поднятыми бровями к Льюису Бенедикту. Сирс стоял, прислонившись к книжному шкафу, и казался здесь лишним. Затем толпа вдруг разделилась, и Рики понял отчего. Ирменгард Дрэгер, жена аптекаря, в этот момент трещала ему на ухо, и до Рики наконец дошло, о чем.

– Я ушла к Скидмору, что ж, он был у меня три года, пока я не встретила Ролло, как вы думаете, заслуживаю я чего-то более достойного, чем этот паршивый городишко, или нет? Откровенно говоря, если бы не Пенни, я бы давно собрала вещички и сию же минуту уехала бы отсюда. – Ее речь звучала как музыкальный фон, правда, не слишком лиричный, и Ирменгард умудрилась втиснуть в эту мелодию десять последних лет своей жизни.

– Не понимаю, почему я прежде никогда не устраивал вечеров, – сказал Джон с сияющим лицом. – Сегодня я чувствую себя так молодо, как ни разу за это десятилетие.

– Как мило, Джон. – Стелла потянулась к нему, чтобы поцеловать в щеку. – А что по этому поводу говорит Милли?

– Немного. – Он смутился. – Она не могла взять в толк, чем так важна эта вечеринка и зачем вообще надо было приглашать на нее мисс Мор.

В этот момент показалась и сама Милли: она держала поднос канapé перед банкирами Барнсом и Винути, и, судя по соответствующему выражению круглого лица, сама идея этого мероприятия была ей противна с самого начала.

– А зачем ты пригласил ее?

– Извини, Джон, я пойду перекушу, – сказала Стелла. – Рики, не беспокойся о напитке для меня, я стяну себе у кого-нибудь, кто не пьет. – Она пошла по коридору к Неду Роулзу. Лу Прайс, похожий на мафиози в своем двубортном костюме в полоску, взял ее за руку и клюнул в щеку. – Она восхитительная девчонка, – сказал Джон Джеффри, и оба проследили, как Стелла

отмела Лу Прайса одной фразой и двинулась дальше, к Неду Роулзу. – Я бы хотел, чтобы таких был миллион. – Роулз в этот момент поворачивался к Стелле, и его лицо осветилось радостью. Пиджак из рубчатого вельвета, волосы песчаного цвета, серьезное лицо – Нед Роулз напоминал своим видом скорее студента факультета журналистики, чем издателя. Он тоже поцеловал Стеллу, но в губы, и взял обе ее руки в свои. – Зачем я это сделал? – Джон вздернул голову, и четыре глубоких морщины обозначились на его шее. – Точно не могу сказать, не знаю. Она так очаровала Эдварда, что мне захотелось с ней познакомиться.

– Вот как? Очаровала?

– Именно так. Погоди немного. Увидишь. И потом, знаешь, я встречаюсь только со своими пациентами, да с Милли, да с Клубом Фантазеров. Я решил, что пора немного кутнуть. Повеселиться, пока не помер.

Это было слишком легкомысленное для Джона заявление, и Рики внимательно посмотрел на друга, отведя взгляд от жены, которая все еще держалась за руки с Недом Роулзом.

– А ты знаешь, через что мне пришлось пройти? Одна из самых знаменитых актрис Америки здесь, в моем доме, сейчас!

– Эдвард с ней?

– Он сказал, что присоединится к нам через пару минут. Он, наверно, помогает ей снять пальто или что-то в этом роде, – обычно пустое лицо Джеффри победно сияло.

– Я не думаю, что она одна из самых знаменитых актрис Америки, Джон, – Стелла пошла дальше, а Нед Роулз что-то страстно доказывал Эду Винути.

– Ну, так будет. Эдвард тоже так считает, а он в таких вещах знает толк. Рики! – Джеффри сжал его локоть. – Ты видел, там внизу молодежь танцует? Фантастика, правда? Дети отрываются в *моем* доме! Я думаю, они с удовольствием познакомятся с ней. Знаешь, это большая, это великая честь. Она пробудет в городе лишь пару дней. Эдвард уже почти закончил записи, и ей пора возвращаться в Нью-Йорк, в свою труппу. А сейчас она здесь, в моем доме! Господи, Рики!

У Рики было ощущение, что Джону необходим ледяной компресс.

– А ты знаешь, что она появилась буквально ниоткуда? Что она была самой многообещающей студенткой в своей драматической студии и что на следующей неделе она получит главную роль во «Все видели солнце»?

– Нет, Джон.

– У меня только что появилась замечательная идея. Я ждал, когда она придет. Я стоял здесь, слушал диско, доносящееся снизу, и обрывки записей Джорджа Шеринга, доносящиеся отсюда, и подумал: там, внизу – грубая, животная жизнь, дети, беснующиеся под этот бит, а на этом этаже – интеллектуальная жизнь, доктора и адвокаты, люди среднего достатка, наверху царят изящество, талант, красота – душа! Понимаешь? Это как эволюция. Она – самое неземное существо, какое ты когда-либо видел. И ей всего лишь восемнадцать!

Никогда в жизни Рики не слышал, чтобы Джон Джеффри выражал свои чувства в такой странной, причудливой манере. С беспокойством он подумал, что у друга, наверно, повышенное давление. Они оба услышали, как закрылась дверь наверху, на следующей площадке, и затем – густой голос Эдварда, говорящего что-то с озорной шутливой интонацией.

– А Стелла мне говорила, ей девятнадцать, – сказал Рики.

– Ш-ш-ш...

Красивая невысокая девушка спускалась к ним по лестнице. Простое зеленое платье, облако волос. Через секунду Рики заметил, что цвет платья был подобран к цвету ее глаз. Двигаясь с почти ритмической точностью, она одарила их едва уловимой – и все же восхитительной – улыбкой и прошла мимо, на ходу легонько похлопав кончиками пальцев по груди доктора Джеффри. Рики глядел ей вслед, взволнованный и удивленный. Он не встречал никого подобного с тех пор, как видел Луизу Брукс в «Ящике Пандоры».

Затем он взглянул на Эдварда Вандерлея и сразу понял, что Джон Джеффри был прав. Он весь сиял. Было очевидно, что девушка вскружила ему голову, и также очевидно, что ему с трудом удастся дождаться, пока она перездоровается с его друзьями. Все трое направились в гостиную.

– Рики, ты отлично выглядишь, – сказал Эдвард, кладя руку ему на плечи. Эдвард был на полфута выше, и, когда он начал подталкивать его в гостиную, Рики ощутил запах его дорогого одеколona. – Просто здорово. Но когда же ты прекратишь носить эти бабочки? Эра Артура Шлезингера канула в прошлое.

– Эта эра началась сразу после моей, – ответил Рики.

– Да нет, слушай, мужчина ведь не старше, чем он себя чувствует. Я и галстуки перестал носить. А через десять лет восемьдесят процентов американцев будут надевать галстуки только на свадьбы и похороны. А Барнс и Винути будут одеваться вот так на работу в банк, – он оглядел комнату. – Черт, куда она ушла? – Рики, в котором новые бабочки будили желание надевать их чуть ли не в постель, взглянул на ничем не обремененную шею Эдварда, обшаривавшего глазами гостиную, заметил, что морщин на ней больше, чем на шее у Джона Джеффри, и решил все же не изменять своим привычкам. – Я общался с этой девушкой три недели, и, поверь мне, она самое необыкновенное существо на свете. И если мы успеем закончить материал, то это будет моя самая выдающаяся книга. У нее была ужасная жизнь, *ужасная*. Услышишь такое – и зарыдаешь: я слушал ее и плакал. Знаешь, она долго проторчала в этой дыре на Бродвее, на вторых ролях, совсем понапрасну. Она станет великой трагической актрисой... Когда чуть подрастет. – Раскрасневшийся Эдвард загоготал над произнесенной им же нелепостью. Как и Джон, он тоже был окрылен.

– Вы двое словно заболели ею, – сказал Рики.

Джон хихикнул, а Эдвард сказал:

– Да скоро весь мир заболеет ею, Рики. У нее настоящий дар!

– О! – сказал Рики, припомнив кое-что. – Книга твоего племянника, похоже, пользуется большим успехом. Поздравляю.

– Да, приятно сознавать, что я не единственный талантливый ублюдок в семье. Это должно помочь ему пережить смерть брата. Странная история, очень странная – они, кажется, были оба помолвлены с одной женщиной... Однако давайте не будем сегодня думать о мрачных вещах. Будем веселиться!

Джон Джеффри радостно кивнул.

4

– Видел твоего сына внизу, Уолт, – сказал Рики Уолту Барнсу, старшему из двух банкиров. – Он рассказал мне о своем решении. Надеюсь, у него получится.

– Да, Пит все же остановился на Корнелле. Я всегда надеялся, что он хотя бы попытается поступить в Йель, я ведь учился там. И я все еще надеюсь на это, – грузный мужчина с лицом упряма, похожим на лицо сына, Барнс не был расположен принимать поздравления Рики. – А он и слышать не хочет об этом. Говорит, Корнелл достаточно хорош для него. «Достаточно хорош»! Его поколение еще более консервативно, чем мое. Корнелл – это несолидно. Говорят, они там до сих пор дерутся за еду. Лет десять назад я боялся, что мой Пит вырастет в радикала с бородой и бомбой в руках, теперь же я боюсь, что он будет довольствоваться меньшим, чем может получить.

Рики сделал неуловимое движение, воспринятое как сочувствие.

– А как поживают твои дети? Они оба до сих пор на Западном побережье?

– Да. Роберт преподает английский в средней школе. Муж Джейн стал вице-президентом.

– По какой части?

– По безопасности.

– Ну и хорошо. – Оба отпили из своих бокалов, воздерживаясь от комментариев, поскольку вице-президентов по безопасности означало работу в страховой компании. – Собираются приехать на Рождество?

– Не думаю. Они оба ведут довольно активную жизнь.

В действительности ни один из них не писал Рики и Стелле на протяжении вот уже семи месяцев. Они росли счастливыми детьми, потом – замкнутыми подростками, а теперь, когда обоим стукнуло под сорок, стали неудовлетворенными жизнью взрослыми, однако во многом так и остались подростками. Несколько писем Роберта были плохо завуалированными просьбами о деньгах; письма Джейн казались счастливыми, но Рики читал между строчек отчаяние. («Я начинаю нравиться самой себе» – утверждение, которое, по мнению Рики, нужно понимать с точностью до наоборот. Его жизнерадостность заставила Рики поморщиться.) Дети Рики, когда-то частички его души, казались теперь недостижимыми планетами. Их письма вызвали боль; видеть же их было бы еще больнее.

– Нет, – произнес он. – Я думаю, в этот раз они не смогут приехать.

– Джейн такая симпатичная девушка, – заметил Уолтер Барнс.

– Вся в мать.

Рики машинально начал оглядываться в поисках Стеллы и увидел Милли Шин, которая представляла Стеллу высокому сутулому и толстогубому мужчине. Университетскому племяннику.

Барнс спросил:

– Вы видели актрису Эдварда?

– Она где-то здесь. Я видел, как она спускалась.

– Джон Джеффри, похоже, необычайно взбудоражен.

– Она из тех красавиц, в присутствии которых не расслабишься. – Рики рассмеялся. – Эдвард тоже никак не успокоится.

– Пит читал в журнале, что ей всего лишь семнадцать лет.

– В таком случае она социально опасна.

Когда Рики, оставив Барнса, подошел к жене и Милли Шин, он поймал взгляд маленькой актрисы. Она танцевала с Фредди Робинсоном под пластинку Каунт Бэси и двигалась с грацией точного, нежного механизма, зеленые глаза искрились; обнимавший ее Робинсон выглядел одурманенным от счастья. Да, отметил Рики, ее глаза искрились, вот только удовольствием или насмешкой? Девушка повернула голову, и через всю комнату к нему словно устремился поток ее чувств: Рики увидел в ней ту, кем мечтала стать его дочь Джейн, теперь располневшая и неудовлетворенная. Наблюдая, как актриса танцует с поглупевшим Фредди Робинсоном, он понял, что у нее никогда не возникнет причины произнести убийственную фразу: «Я начинаю нравиться самой себе»; она была словно маленькое гордое знамя самообладания.

– Здравствуйте, Милли, – сказал он. – У вас сегодня полно работы.

– Ох, когда я стану слишком стара, чтобы работать, я лягу и помру. Вы что-нибудь поели?

– Нет пока. А это, наверное, ваш племянник?

– О, простите. Вас еще не представили. – Она коснулась руки высокого мужчины за ее спиной. – Это самый мозговитый из нашей семьи, Гарольд Симс. Он профессор в колледже и как раз только что очень мило побеседовал с вашей женой. Гарольд, это Фредерик Готорн, один из ближайших друзей доктора. – Симс улыбнулся Рики с высоты своего роста. – Мистер Готорн – полноправный член Клуба Фантазеров, – завершила его представление Милли.

– Я слышал о вашем Клубе, – у Гарольда Симса оказался очень низкий голос. – Звучит интересно.

– Боюсь, все, кроме интересного.

– Я говорю с антропологической точки зрения. Я занимаюсь изучением темпорально обусловленного взаимодействия в группах мужчин. Ритуальная составляющая всегда очень сильна. А это правда, что все... члены Клуба Фантазеров надевают смокинги на свои заседания?

– Боюсь, что так, – Рики взглянул на Стеллу, ища поддержки, но она, занятая своими мыслями, лишь невозмутимо смотрела на них двоих.

– А все же почему?

У Рики было такое чувство, что профессор уже готов достать блокнот из кармана.

– Сто лет назад это показалось нам неплохой идеей. Милли, зачем Джон пригласил сюда полгорода, если он позволяет Фредди Робинсону монополизировать мисс Мор?

Прежде чем Милли успела ответить, Симс спросил:

– А вы знакомы с работой Лайонела Тайгера?

– Боюсь, что я крайне невежествен, – ответил Рики.

– Мне было бы очень интересно понаблюдать за ходом одного из ваших собраний. Полагаю, это будет нетрудно устроить?

Стелла наконец рассмеялась и взглянула на мужа с выражением, означавшим «боже упаси!».

– Я полагаю, не совсем, – сказал Рики. – Но мне, возможно, удастся провести вас на следующее заседание в «Киванисе».

Симс отступил, и Рики заметил, что профессор тоже усомнился в его умении тонко шутить.

– Мы всего лишь пятеро старых простаков, которые любят собраться вместе, посудачить... – быстро проговорил он. – В антропологическом отношении мы – пустая порода. И никому не интересны.

– Ты *мне* интересен, – сказала Стелла. – Почему бы тебе не пригласить мистера Симса и свою жену на следующее заседание?

– Да! – Симс начал проявлять опасный энтузиазм. – Я, для начала, хотел бы кое-что записать, а потом, используя видеоэлемент...

– Видите того мужчину, вон там? – Рики кивнул в направлении Сирса Джеймса, который сегодня как никогда напоминал грозное облако в человеческом обличье. Было очень похоже на то, что Фредди Робинсон, которого наконец изолировали от мисс Мор, пытался продать ему страховку. – Крупный такой? Так вот, он перережет мне глотку, если я сделаю что-нибудь подобное.

Милли выглядела возмущенной; Стелла подняла подбородок и проговорила:

– Было очень приятно познакомиться с вами, мистер Симс, – и пошла прочь.

Гарольд Симс сказал:

– С антропологической точки зрения это очень любопытное заявление. – Он теперь разглядывал Рики с еще большим профессиональным интересом. – Клуб Фантазеров, очевидно, очень дорог вам.

– Несомненно, – ответил Рики.

– Допустимо ли предположить, что человек, на которого вы только что указали, является главной фигурой в группе – как это было у Хончо?

– Вы очень проникательны, – сказал Рики. – А теперь, если вы позволите, мне нужно кое с кем перекинуться парой слов.

Повернувшись и отойдя на несколько шагов, он услышал, как Симс спросил Милли:

– А эти двое правда муж и жена?

5

Рики устроился в уголке и решил наблюдать за ходом событий. Отсюда он хорошо видел всю вечеринку: он был бы счастлив стоять здесь и просто смотреть – до тех пор, пока не настанет время возвращаться домой. Пластика кончилась, Джон Джеффри возник у переносного проигрывателя и поставил другую. Льюис Бенедикт, проследовавший мимо него, казался веселым, и, когда из динамиков поплыла музыка, Рики понял почему. Зазвучала песня Ареты Франклин, певицы, которую Рики слышал только по радио. Где же Джон Джеффри откопал эту запись и какими немыслимыми путями? Наверняка купил специально для сегодняшнего вечера. Эту мысль стоило как следует обдумать, однако размышления Рики прервало поочередное вторжение сразу нескольких человек в его уголок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.